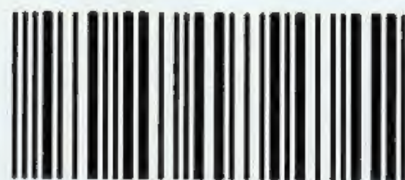

А
235
247

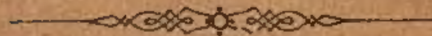

Д. И. Эварницкій.

ИВАНЪ ДМИТРІЕВИЧЪ СИРКО

СЛАВНЫЙ КОШЕВОЙ АТАМАНЪ

ВОЙСКА ЗАПОРОЖСКИХЪ НИЗОВЫХЪ КОЗАКОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, 43.
1894.

Могила кошеваго атамана И. Д. Сирко.

Д. И. Эварницкій.

ИВАНЪ ДМИТРІЕВИЧЪ СИРКО

СЛАВНЫЙ КОШЕВОЙ АТАМАНЪ

ВОЙСКА ЗАПОРОЖСКИХЪ НИЗОВЫХЪ КОЗАКОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, 43.
1894.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

... Пройшло̀ все: нема̀ теперь ни Сичи, ни старши̇̀нъ, ни Запорожжа; нема̀ тай не буде! Хай же хоть на папѐри проснӯтця ти лыцари̇̀ чѐсни, що коли̇̀сь на свѝти бенкетува̀ли, янычѐръ, якъ пи̇̀дсвинкивъ, ри̇̀зали, татарвӯ та ляхи̇̀въ, якъ крысъ ганя̀лы, за крестъ святый та за волю людську го̀ловы свои буйни поклада̀лы; що, якъ орлы̇̀, на огнѐнныхъ ко̀няхъ, въ ши̇̀тыхъ золотомъ жупа̀нахъ, по безкрайнымъ степа̀мъ ви̇̀тромъ лита̀лы, па̀хурами та шабля̀мы ворогѝвъ змита̀лы; що, якъ лебеди, на чайка̀хъ по Днипру гуля̀лы, Крымъ руйнова̀лы, въ Стамбулъ заверта̀лы; що вѝдрамы оковы̇̀ту пы̇̀лы̇̀, вѐсело гуля̀лы... Пройшло̀ все; одна слава зоста̀лась, и слава та не вмре, не поля̀же, лы̇̀царство коза̀цьке людямъ розска̀же... Розска̀же вона̀ и про Ба̀йду козака, и про Сагайдачного Петра и про Сирка, сла̀вного и гри̇̀знаго ата̀мана кошово̀го.

Листъ С. А. Краснощекова
Д. И. Яворницкому,
Городъ Новомосковскъ.
Декабря 25 дня,
1891.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Родина, семья и характеристика Сирка.—Походы подъ Аккерманъ и Самарники. — Пораженіе войска Выговскаго и походъ къ Бугу. — Участіе въ Переяславской радѣ при избраніи Хмельниченка въ гетманы.—Дѣйствія Сирка противъ татаръ, поляковъ и Дорошенка.—Походъ въ Перекопъ.—Размолвка съ запорожцами изъ-за Дорошенка.—Походъ къ Перекопу и Тягину.—Столкновеніе съ Чарнецкимъ.—Набѣгъ на Буджакъ и Бѣлогородчину. — Столкновеніе съ Маховскимъ.—Бой съ ханомъ подъ Перекопомъ.—Борьба и дружба съ Дорошенкомъ. — Походы на Украйну и Крымъ. — Нанесеніе пораженія татарамъ у Ольховца и Стеблева. — Походъ подъ Очаковъ. — Борьба съ Дорошенкомъ. — Походы къ Бугу и Кальнику. — Присяга Сирка польскому королю.—Пораженіе Сиркомъ татаръ подъ Ильинцами и набѣгъ на Бѣлогородчину.—Пораженіе отряда Дорошенка и схватка съ ханомъ Нурредином.— Плѣнъ Сирка, ссылка въ Сибирь и возвращеніе.—Походы его подъ Асламъ, Очаковъ и Каменецъ.—Разгромъ татаръ на Муравскомъ шляху и трехдневный бой въ степи.—Походъ въ Крымъ и Волошскую землю.

Иванъ Дмитріевичъ Сирко, называемый у нѣмцевъ Циркомъ, у русскихъ Сѣркомъ и Сѣрикомъ, представлялъ собой колоссальную личность среди всѣхъ низовыхъ козаковъ и во все время историческаго существованія Запорожья. Онъ былъ родомъ изъ козацкой слободы Мереѳы слободской Украйны, теперешней Харьковской губерніи, въ 24-хъ верстахъ отъ города Харькова [1]). О рожденіи Сирка преданіе говоритъ, что онъ явился на свѣтъ съ зубами, и какъ только баба-повитуха поднесла его къ столу, то онъ тотъ же часъ схватилъ со стола пирогъ съ начинкою и съѣлъ его. Это было знаменіемъ того, что онъ весь вѣкъ свой будетъ грызть враговъ [2]). Но въ какомъ году родился Сирко, кто были его родители, какъ и сколькихъ лѣтъ выступилъ онъ на истори-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, IX, 606, 607, XII, 643.

[2]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 76.

ческое поприще—все это остается для насъ совершенно неизвѣстнымъ. Извѣстно лишь то, что на родинѣ, въ слободѣ Мереѳѣ, у Сирка были дома, мельница и другое имущество [1]); была жена, по имени Софья, «мучимая вельми отъ бѣса», привозимая своими родителями для исцѣленія въ одинъ изъ кіевскихъ печерскихъ монастырей, но получившая его въ Лубенскомъ Мгарскомъ монастырѣ отъ святителя, патріарха Аѳанасія [2]). Извѣстно также, что у Сирка было два зятя, одинъ Иванъ Сербинъ, а другой Иванъ Артемовъ, первый «козакъ сей (лѣвой) стороны Днѣпра», второй—козакъ харьковскаго полка, оба жители слободы Мереѳы [3]). Извѣстно также, что у Сирка были братъ [4]) и сынъ [5]), неизвѣстные по имени. Сколько всѣхъ сыновей было у Сирка,—источники нигдѣ того не указываютъ; только народная дума говоритъ, что у Сирка и его жены Сирчихи было два сына, Петро да Романъ Сирченки. Первый погибшій гдѣ-то за рѣчкой Торомъ, у «трехъ зеленыхъ байраковъ», второй умершій дома на глазахъ матери [6]). Наконецъ, доподлинно извѣстно, что Сирко былъ человѣкъ безграмотный, и хотя историкъ Малой Россіи Бантышъ-Каменскій приводитъ въ числѣ факсимиле кошевыхъ и факсимиле Сирка, но это одно изъ тѣхъ факсимиле, которое принадлежало писарю войска, а не самому Сирку [7]).

И свои и чужіе, и друзья и недруги—всѣ одинаково отзывались о Сиркѣ, какъ о человѣкѣ замѣчательныхъ военныхъ дарованій. Польскій король Янъ III Собѣскій писалъ о немъ: «Сирко—воинъ славный и въ ратномъ дѣлѣ большой промышленникъ» [8]). Украинскіе лѣтописцы, Самовидецъ, Грабянка, Величко, называютъ его сильнымъ или великимъ ватагомъ, славнымъ кошевымъ атаманомъ, а малороссійскіе историки приравниваютъ его къ Чингизхану или Тамерлану. Татары называли Сирка урусъ-шайтаномъ, т.-е. русскимъ чортомъ, а татарки-матери пугали его именемъ своихъ дѣтей. Турецкій султанъ, постоянно тревожимый то набѣгами Сирка на Крымъ и въ ногайскія степи, то выходами въ Черное море,

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Спб., 1861, XI, 194.
[2]) Акты южной и западной Россіи, IX, 606.
[3]) Акты, IX, 606; XI, 363, 562; XIII, 386, 404.
[4]) Erlicz, Latopisiec, Warszawa, 1853, II, 92.
[5]) Соловьевъ. Исторія Россіи, Москва, 1863, XIII, 275.
[6]) Кіевская Старина, Кіевъ, 1893, XL, 310.
[7]) Акты южной и западной Россіи, IV, 272.
[8]) Акты южной и западной Россіи, XII, 139.

издалъ, какъ говорятъ, фирманъ молиться въ мечетяхъ о погибели Сирка. Будучи въ душѣ и на дѣлѣ истиннымъ христіаниномъ, Сирко всегда стоялъ и ратовалъ за православную вѣру, за свободу русскаго человѣка; оттого онъ постоянно, съ особеннымъ рвеніемъ, старался объ освобожденіи изъ татарской и турецкой неволи возможно большаго числа христіанъ, безъ различія того, будетъ-ли то великороссъ, малороссъ, полякъ или литовецъ: «Мы услышали въ твоемъ письмѣ,—писалъ Сирко своему недругу гетману Самойловичу,—непотребное увѣщаніе, дабы отъ подданства нашего христіанскаго монарха не отрывались,—но сего отъ насъ никогда не будетъ... Живучи подлѣ кочевищъ (мусульманскихъ), мы здѣсь безпрестанно бьемся съ непріятелемъ креста святаго... За вѣру православную заставляясь и славу безсмертную тѣмъ себѣ зарабляя, мы перси свои кровью непріятельскою обагряемъ» [1]). Въ другой разъ Сирко писалъ брату Самойловича: «Богъ свидѣтель моей души, что я никогда не ходилъ на Украйну съ тѣмъ, чтобы разорять отчизну мою; не хвалясь, истину говорю, что всѣ мои заботы и старанія направлены на то, чтобы сдѣлать вредъ нашимъ всегдашнимъ непріятелямъ, бусурманамъ, и теперь, на старости лѣтъ, я думаю не объ однихъ воинскихъ подвигахъ, но также и о томъ, чтобы до послѣднихъ дней моихъ стоять противъ тѣхъ же давнихъ непріятелей нашихъ» [2]).

Дѣло православной церкви, ея внѣшній строй и внутреннее благочиніе всегда занимали Сирка даже въ самое тревожное для него время; такъ, въ 1676 году, когда онъ занятъ былъ и дѣломъ о «преклоненіи» Дорошенка къ русскому царю, и пререканіями съ гетманомъ Самойловичемъ, и отпиской въ Москву, и походами на Крымъ, и заботами объ огражденіи Сѣчи противъ турокъ, онъ находилъ время писать въ Кіевъ, въ Межигорскую Спасо-Преображенскую обитель письма, въ которыхъ просилъ игумена монастыря прислать въ сичевую церковь хорошаго и достойнаго уставщика и извѣщалъ о посылкѣ части войсковыхъ доходовъ въ святую обитель, гдѣ благочестивые старцы возносили святыя молитвы о запорожцахъ и покоили въ своей «шпитали» раненыхъ козаковъ [3]).

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XII, 633, 634; XIII, 438.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XI, 479.

[3]) Эварницкій, Исторія запорожскихъ козаковъ, Спб., 1892, I, 355.

Проводя всю свою жизнь на войнѣ, Сирко вмѣстѣ съ тѣмъ отличался великодушіемъ и рѣдкимъ безкорыстіемъ, и потому никогда не преслѣдовалъ слабаго врага, а послѣ войны никогда не бралъ на себя военной добычи. На войнѣ онъ былъ беззавѣтно храбръ и удивительно изобрѣтателенъ: онъ умѣлъ съ десятками козаковъ разбивать сотни враговъ, а съ сотнями молодцовъ побѣждать тысячи непріятелей. Имя его, какъ предводителя, окружено было ореоломъ полной непобѣдимости, и потому враги боялись его пуще огня, пуще бури, пуще язвы моровой. Горьше всѣхъ доставалось отъ Сирка врагамъ Христовой вѣры: мусульманъ Сирко ненавидѣлъ всею своею козацкою душою и всѣмъ своимъ «щирымъ» козацкимъ сердцемъ. У запорожцевъ было вѣрованіе, что чѣмъ больше кто убьетъ «бусурменовъ», тѣмъ вѣрнѣе онъ войдетъ въ царствіе Божіе; у Сирка эта вѣра сильнѣе, чѣмъ въ другомъ комъ сказывалась.

И по характеру, и по всѣмъ своимъ дѣйствіямъ, Сирко представлялъ собой типъ истаго запорожца. Онъ былъ храбръ, отваженъ, страстенъ, не всегда постояненъ, не всегда вѣренъ своимъ союзникамъ; онъ любилъ по временамъ погулять, и сильно подвыпить и во хмѣлю показать свой козацкій задоръ; онъ склоненъ былъ минутно увлечься новою мыслью, новымъ предпріятіемъ, чтобы потомъ отказаться отъ собственной затѣи и придти къ совершенно противоположному рѣшенію. То онъ былъ на сторонѣ московскаго царя, то на сторонѣ польскаго короля, то онъ поддерживалъ Дорошенка, то становился на сторону его враговъ, Суховія и Ханенка, то выступалъ противъ послѣднихъ двухъ и снова защищалъ Дорошенка, то помогалъ онъ русскому царю противъ турецкаго султана и крымскаго хана, то шелъ противъ царя заодно съ султаномъ и крымскимъ ханомъ. «Нужда законъ зминяе» — часто говорилъ Сирко и, очевидно, дѣйствовалъ сообразно своей любимой пословицѣ.

Само собою разумѣется, что на переходы Сирка отъ русскаго царя къ польскому королю и обратно нельзя смотрѣть какъ на измѣну одному и вѣрность другому: запорожскіе или низовые козаки хотя и признавали надъ собой протекцію русскаго царя со времени Богдана Хмельницкаго, но все еще, по старой традиціи, считали себя людьми вольными и ни отъ кого независимыми,—людьми, которые считали за собой право рѣшать вопросы о мирѣ и розмирѣ съ сосѣдними царствами и входить въ сношенія съ близкими и дальними царями и властелинами.

По всему этому Сирко былъ типичнѣйшею личностью, воплотившею въ себѣ характернѣйшія черты и особенности истаго запорожца. Оттого запорожцы и любили Сирка; восемь лѣтъ подъ рядъ они выбирали его своимъ кошевымъ атаманомъ, и хотя очень часто лишали его этого званія, но потомъ снова обращались къ нему, какъ «притоманныя дѣти къ могучему орлу». Запорожцы говорили, что равнаго Сирку въ цѣломъ мірѣ не было,—самъ Богъ открылъ ему это: «Сирко не только побѣждалъ людей, онъ побѣждалъ нечистыхъ чертей. Рѣчка Чортомлыкъ, гдѣ стояла Сичь Сирка, оттого и называется такъ, что въ ней былъ убитъ Сиркомъ плескавшійся въ ней чортъ: онъ только млыкнулъ (мелькнулъ) вверхъ ногами, когда Сирко луснулъ его изъ пистоля» [1].

Сколько извѣстно изъ документальныхъ данныхъ, Сирко выступилъ на историческую сцену сперва въ званіи полковника украинскихъ козаковъ, а потомъ въ званіи полковника и кошеваго запорожскихъ козаковъ и съ тѣхъ поръ въ теченіи 26 лѣтъ, съ 1654 по 1680, фигурировалъ между запорожскими и украинскими козаками, составляя, такъ сказать, главный фокусъ своего времени во всемъ Запорожьѣ и въ цѣлой Украйнѣ. Въ качествѣ кошеваго и полковника козаковъ Сирко сносился съ русскимъ царемъ, польскимъ королемъ, турецкимъ султаномъ, крымскимъ ханомъ и молдавскимъ господаремъ и нерѣдко завязывалъ въ Сичи такіе узлы событій, которые потомъ приходилось развязывать въ Москвѣ и Варшавѣ, въ Бахчисараѣ и Константинополѣ. Сражаясь то съ татарами и съ турками, то съ поляками и съ волохами, то съ русскими и украинцами, Сирко за все время своей исторической жизни принималъ участіе въ пятидесяти пяти битвахъ и почти вездѣ, кромѣ трехъ-четырехъ случаевъ, выходилъ побѣдителемъ, не считая множества мелкихъ стычекъ съ врагами, незанесенныхъ на страницы лѣтописей и не стоившихъ никакихъ усилій Сирку, для того, чтобы обратить исходъ ихъ въ свою пользу.

Вся дѣятельность Сирка совпадала съ самымъ тяжелымъ для Украйны временемъ, когда она, отторгнувшись отъ Польши и не успѣвъ еще слиться съ Россіей, находилась въ «шатаніи», не зная,

---

[1]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, Спб. 1888, II, 76. Въ дѣйствительности въ словѣ «Чортомлыкъ» филологи видятъ киргизское слово «чортанъ»—щука и окончаніе «млыкъ»—означающее богатство того, что заключается въ корнѣ слова; отсюда Чортомлыкъ—значитъ рѣка, изобилующая щуками.

куда ей «прихилить» свою голову, т.-е. оставаться-ли ей за русскимъ царемъ, сойтись-ли снова съ польскимъ королемъ, или же идти къ турскому султану, невѣрному царю.

На первыхъ порахъ исторія застаетъ Сирка въ качествѣ противника Москвы. Когда Богданъ Хмельницкій, въ 1654 году, присягнулъ на подданство Россіи, то на Украйнѣ образовалась партія людей, нежелавшихъ быть подданными московскаго царя. Въ числѣ такихъ лицъ былъ и Сирко; онъ не захотѣлъ оставаться на Украйнѣ и ушелъ за пороги [1]), гдѣ пребывалъ въ полной неизвѣстности до 1659 года. Но въ 1659 году онъ выступилъ уже сторонникомъ русскаго царя и противникомъ польскаго короля. Поляки, не мирившіеся съ мыслью о потерѣ Малороссіи послѣ Богдана Хмельницкаго, взялись за оружіе съ цѣлью вновь присоединить Украйну къ Рѣчи-Посполитой. Они нашли себѣ союзниковъ крымскаго хана и измѣнившаго русскому царю гетмана малороссійскихъ козаковъ Выговскаго. Противъ поляковъ, татаръ и Выговскаго дѣйствовали русскіе, подъ начальствомъ боярина Василія Шереметева и князя Алексѣя Трубецкаго, малороссійскіе козаки, подъ начальствомъ наказнаго гетмана Ивана Безпалаго; а за-одно съ ними и полковникъ Иванъ Сирко. Въ 1659 году, 28 августа, пріѣхавшіе въ Москву посланцы Ивана Безпалаго доносили, что полковникъ Сирко, выбравшись съ запорожскими козаками изъ Сичи, ходилъ войной къ турскому городу Аккерману и къ ногайскимъ улусамъ, кочевавшимъ близь Самарниковъ; тутъ онъ много людей истребилъ, много литовскихъ полоняниковъ отгромилъ, двухъ мурзъ и нѣсколько крымскаго ясырю [2]) въ плѣнъ взялъ; литовскихъ полоняниковъ на волю выпустилъ, а крымскій ясырь, кромѣ немногихъ знатныхъ людей, побилъ, и послѣ этого направился было подъ городъ Кіевъ на помощь боярину Шереметеву. Но тутъ гетманъ Выговскій выслалъ противъ него «для перейму» своего полковника Тимоша и приказалъ ему не допустить Сирка до Кіева. Сирко же, провѣдавъ о томъ, внезапно напалъ на того Тимоша со всѣмъ его войскомъ и нанесъ ему такое пораженіе, что Тимошъ едва успѣлъ уйти къ Выговскому самъ-третъ. Вскорѣ послѣ этого Сирко отобралъ всѣ гетманскіе знаки у Выговскаго, взялъ городъ Чигиринъ, а потомъ ушелъ въ Запорожье [3]).

---

[1]) Historia panowania Jana Kazimierza, Poznan, 1840, I, 182.

[2]) «Ясырь» съ арабскаго «эсырь» на русскій языкъ значитъ «плѣнникъ».

[3]) Филаретъ. Историко-статистич. опис. Харьков. епархіи, Москва, 1857, 50.

Въ это же время, по словамъ тѣхъ же посланцевъ, князь Трубецкой и гетманъ Безпалый посылали посланцевъ къ Сирку изъ Путивля и Конотопа съ просьбой «чинить промыселъ» надъ крымскими улусами. Самъ гетманъ Безпалый въ пунктахъ, написанныхъ своимъ посланцамъ для врученія ихъ царю, приказывалъ имъ извѣстить его царское величество, что Сирко, выйдя на лодкахъ изъ Запорожья съ большимъ войскомъ, проплылъ вверхъ по Бугу до Умани, противъ Умани выгребся на сушу и тутъ разгромилъ татарскіе улусы; затѣмъ вновь сѣлъ въ лодки, спустился до устья Буга и расположился на большомъ островѣ Андреевскомъ, откуда, «ожидая милости отъ великаго государя», чинилъ промыселъ надъ государевыми измѣнниками и сносился съ наказнымъ гетманомъ Сомкомъ ради промысловъ надъ татарами. Узнавъ объ этомъ, царь велѣлъ послать Сирку на триста рублевъ соболей да двѣсти червонныхъ золотыхъ [1]).

Въ томъ же, 1659 году, 9 октября, Сирко участвовалъ въ Переяславской радѣ во время избранія Юрія Хмельницкаго въ гетманы. На эту раду собрались князь Алексѣй Трубецкой, бояринъ Борисъ Шереметевъ, князь Григорій Ромодановскій, наказный гетманъ Безпалый, вся старшина и все низшее козачество лѣвой стороны Днѣпра; въ числѣ старшинъ былъ и Иванъ Сирко, названный кальницкимъ полковникомъ. На радѣ Юрій Хмельницкій объявленъ былъ гетманомъ лѣвобережной Украйны, подъ протекціей московскаго царя, на чемъ принесъ торжественно присягу, цѣловалъ крестъ и подписался собственною рукою. На томъ же присягала и подписалась и козацкая старшина, а въ числѣ ея и кальницкій полковникъ Иванъ Сирко, вмѣсто котораго, за его неграмотностью, росписался «гетманъ Юрьи Хмельницкій» [2]).

Въ 1660 году Сирко опустошалъ Крымъ; въ началѣ 1661 года онъ былъ въ Запорожьѣ: при немъ, по сообщенію гетмана Юрія Хмельницкаго, было 10.000 войска да охотниковъ 5.000 человѣкъ; гетманъ послалъ Сирку, кромѣ того, черкасскій и каневскій полки, и велѣлъ ему промышлять надъ татарами. Но вскорѣ послѣ этого, а именно въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая Сирко, узнавъ объ измѣнѣ Юрія Хмельницкаго русскому царю, разорвалъ

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, VII, 297, 298, 301, 316.

[2]) Акты южной и западной Россіи, IV, 272; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Москва, 1828, IV, 51.

съ нимъ связь и началъ дѣйствовать самостоятельно. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ пріѣхавшіе въ Москву посланцы наказнаго атамана Сомка говорили, что Сирко находится въ Запорожьѣ и вѣрно служитъ русскому царю; другіе посланцы того же Сомка, пріѣхавшіе въ Москву въ маѣ мѣсяцѣ, говорили о Сиркѣ, что онъ ушелъ изъ Запорожья на островъ Андреевскій, при устьѣ Буга, стоитъ тамъ съ войскомъ своимъ «ради татарскаго прихода» и сходится съ кошевымъ атаманомъ, оставшимся въ Сичи, Иваномъ Брюховецкимъ «для порядка во всѣхъ воинскихъ дѣлахъ»; но оба они, какъ Сирко, такъ и Брюховецкій, не преклоняются ни къ русскому царю, ни къ польскому королю. Уже въ это время украинскіе гетманы понимали, что Сирко, хотя и не былъ еще кошевымъ, но представлялъ изъ себя крупную и ни отъ кого не зависимую силу: «О промыслѣ надъ татарами я стану писать въ Запорожье къ Сирку, а къ Брюховецкому объ этомъ писать не стану; лучше писать объ этомъ Сирку, а не Брюховецкому», говорилъ наказный гетманъ Сомко московскому посланцу, дворянину Протасьеву, пріѣхавшему въ Малороссію въ концѣ іюня 1661 года для разузнанія о положеніи въ ней дѣлъ [1]).

Въ 1663 году мы видимъ Сирка уже въ роли кошеваго атамана всего запорожскаго низоваго войска въ это время онъ дѣйствовалъ противъ крымскихъ татаръ, поляковъ и наказнаго гетмана правой стороны Днѣпра, Петра Дорошенка; за-одно съ Сиркомъ дѣйствовали лѣвобережный гетманъ, бывшій кошевой атаманъ, Иванъ Брюховецкій и стряпчій Григорій Косаговъ, присланный съ драгунами и донскими козаками апрѣля 9 дня изъ Москвы въ Бѣлгородъ, а изъ Бѣлгорода, по распоряженію боярина Григорія Рамодановскаго, отправленный въ Сичь для совмѣстной съ запорожцами козаками обороны противъ татаръ [2]). Въ это время, а именно іюня 14 дня, впервые встрѣчается извѣстіе о пріѣздѣ въ Запорожье калмыковъ, которыхъ призвалъ къ участію къ историческимъ событіямъ Украйны и Запорожья Сирко [3]). То народъ былъ воинственный, съ копьемъ садился на коня, вооруженъ былъ колчанами, большими стрѣлами, широкими металлическими наконечниками, но всего больше владѣвшій копьями: нѣкоторые

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, С.-Петербургъ, 1861, XI, 133, 135.
[2]) Архивъ мин. иностр. дѣлъ, 1663, № 14, св. 18.
[3]) Архивъ мин. иностр. дѣлъ, 1663, № 4, № 18.

имѣли панцыри, а нѣкоторые шли на войну и нагими: по характеру своему, это люди мужественные, отважные, по виду черны, страшны: они занимаются чарами, болванохвальствомъ; въ пищу употребляютъ всякихъ звѣрей и все, что есть на свѣтѣ: мышей, лягушекъ, свиней; не ѣдятъ только однихъ раковъ.

Дѣйствія Сирка противъ татаръ на этотъ разъ начались по слѣдующему поводу: 21 сентября пришли въ Чортомлыцкую Сичу запорожскіе козаки и разсказали своему атаману, что они были въ Черномъ морѣ и что ихъ настигли тамъ турецкія галеры; козаки сцѣпились съ галерами, бились съ турками три дня и двѣ ночи, а на третью ночь причалили къ берегу, изрубили топорами свои чайки, а сами бросились отъ моря въ степь и пѣшкомъ добрались до самой Сичи. Выслушавъ это извѣстіе, Сирко собралъ войско и 2 октября вмѣстѣ съ Косаговымъ выступилъ изъ Сичи по направленію къ Перекопу, а черезъ девять дней уже очутился у цѣли своего похода. Раздѣливъ войско на два отряда, Сирко съ пѣшими козаками и русскими драгунами самъ бросился въ Перекопъ съ крымской, а Косагову велѣлъ подойти къ нему съ русской стороны. Разсчетъ Сирка удался, однако, только на половину: удачно дѣйствовали лишь козаки, взявшіе большой городъ, русскіе же не съумѣли взять малаго города и потеряли у себя девять человѣкъ убитыми. Зато тѣ и другіе, соединившись вмѣстѣ, зажгли большой городъ, захватили нѣсколько человѣкъ татаръ съ женами и дѣтьми въ плѣнъ и всѣхъ до единаго изрубили ихъ, а потомъ 16 октября благополучно возвратились въ Сичу. Изъ Сичи къ царю и гетману послали сказать, что плѣнные избиты ради открывшагося въ Крыму мороваго повѣтрія, хотя впослѣдствіи сами запорожцы объявляли въ Москвѣ царю, что захваченные въ плѣнъ татары перебиты вслѣдствіе ссоры, происшедшей возлѣ Перекопа между козаками [1]).

Облеченный высшимъ въ Запорожьѣ чиномъ, Сирко въ тотъже годъ узналъ, что въ Сичѣ это званіе нисколько не гарантируетъ и отъ смертной казни, если только того пожелаетъ низовое товарищество. Дѣло въ томъ, что вскорѣ послѣ возвращенія изъ подъ Перекопа запорожцевъ, часть козаковъ взволнована была «прелестными» листами сторонника польскаго короля, гетмана Павла Тетери, отправившаго въ Запорожье своихъ посланцевъ, чтобы

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, V, 138, 139.

склонить «молодцовъ» къ Польшѣ: «Польскій король, желая отобрать у московскаго царя сегобочную Украйну и скасовать гетмана Брюховецкаго, рѣшилъ постановить для обѣихъ малороссійскихъ сторонъ одного гетмана, Павла Тетерю» [1]). На листы Тетери одна часть запорожцевъ отвѣтила полнымъ согласіемъ, другая отказывалась, желая быть за Москвой; за-одно съ послѣдней былъ и Сирко. Тогда противная партія подняла возмущеніе и грозила убить Сирка, вмѣстѣ съ Косаговымъ, если только украинскіе города сдадутся Польшѣ, и Тетеря подойдетъ къ Сичѣ: «Коль черкасскіе города сдадутся, то и Запорожье сдастся королю, и мнѣ съ Сѣркомъ тутъ матъ: и теперь бунтуютъ и на насъ совѣщаются: чуть только осилятъ, сейчасъ выдадутъ насъ или ляхамъ или татарамъ», –такъ писалъ въ Москву къ своему отцу Григорій Косаговъ. Положеніе Сирка становилось тѣмъ затруднительнѣе, что въ это же время гетманъ Иванъ Брюховецкій предписалъ ему идти съ калмыками и запорожцами къ Чигирину для отпора общихъ враговъ, польскаго короля и крымскаго хана [2]).

Однако, бѣда скоро миновала: сторонники польскаго короля, узнавъ о его пораженіи русскими войсками подъ Глуховымъ, отказались отъ перехода къ Польшѣ и вновь стали за-одно съ Сиркомъ. Тогда Сирко, вмѣстѣ съ Косаговымъ, въ томъ же 1663 году, 6 декабря, взялъ съ собой 90 человѣкъ козаковъ, 30 донцевъ и 60 калмыковъ, вновь ударился на Перекопъ. Достигнувъ благополучно береговъ Чернаго моря, Сирко сталъ жечь въ «кутахъ» татарскія села и освобождать христіанскихъ плѣнниковъ, но тутъ на козаковъ напала перекопская орда, и они отступили къ рѣчкѣ Колончаку; у Колончака козаки схватились съ татарами и стали гнать ихъ до Перекопа; изрубивъ около 1.000 человѣкъ мусульманъ и вызволивъ изъ неволи болѣе 100 христіанъ, Сирко съ Косаговымъ вернулся въ Сичь и въ началѣ января слѣдующаго 1664 года ушелъ изъ Запорожья за двѣ рѣки, Бугъ и Днѣстръ; а его союзникъ Григорій Косаговъ пока оставался въ Сичи. Поднявшись выше Тягина, Сирко разорилъ здѣсь нѣсколько турецкихъ селеній и взялъ большую добычу, а потомъ пошелъ вдоль Буга на черкасскіе города; жители городовъ Брацлава, Кальника, Могилева, Рашкова и Уманя, услышавъ о движеніи Сирка, стали

---

[1]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 79.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, С.-Петербургъ, 1861, XI, 175.

бить ляховъ и жидовъ, открыто заявивъ себя на сторонѣ Сирка и московскаго царя. Изъ всѣхъ заднѣпровскихъ городовъ не поддались Сирку только Чигиринъ да Бѣлая-Церковь, и Сирко, ставъ недалеко отъ Чигирина, писалъ оттуда Косагову письмо съ просьбой идти на помощь. Косаговъ вышелъ изъ Сѣчи въ концѣ марта, а за нимъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, вышелъ и наказный кошевой Сашко Туровецъ. Въ мѣстечкѣ Крыловѣ Сирко соединился съ Косаговымъ и Туровцомъ и сталъ общими силами истреблять сторонниковъ Польши и Тетери. Поднявшись выше Крылова, Сирко 7 апрѣля 1664 года столкнулся у Бужина съ польскимъ полковникомъ Чарнецкимъ, располагавшимъ у себя 2.000 человѣкъ конницы; тутъ между противниками произошелъ жестокій бой, во время котораго польскій вождь лишился многихъ своихъ воиновъ; послѣ жаркой схватки съ Чарнецкимъ у Бужина, Сирко поднялся выше по Днѣпру и успѣлъ безъ вреда для себя войти въ городъ Черкасы. Чарнецкій послѣдовалъ за отступавшими и къ Черкасамъ. Продержавъ, однако, городъ Черкасы въ осадѣ съ 7 по 13 апрѣля. Чарнецкій отступилъ отъ него. Сирко вышелъ изъ Черкасъ и направился въ Смѣлую; но тутъ на него снова напалъ Чарнецкій, на этотъ разъ вмѣстѣ съ Тетерей и татарами, хотя нападеніе это было очень неудачно для Чарнецкаго и особенно для татаръ: они потерпѣли большой уронъ отъ Сирка въ Капустяной долинѣ [1]. Вѣроятно, къ этому времени относится указаніе польскаго хрониста Ерлича о гибели брата Сирка, неизвѣстнаго по имени; поляки отрѣзали у убитаго голову и, воткнувши на запорожское знамя, передали ее своему воеводѣ [2]. Оставивъ Смѣлую, Сирко и Косаговъ повернули назадъ къ Каменкѣ; изъ Каменки Косаговъ перешелъ на лѣвую сторону Днѣпра, откуда намѣревался ѣхать къ князю Григорію Ромодановскому съ просьбой о помощи; но дойдя до города Ахтырки, Косаговъ вернулся назадъ къ Днѣпру и нашелъ Сирка въ Каневѣ; при немъ были и калмыки. Іюня 20 дня Сирко и Косаговъ съ запорожцами, московскими ратными людьми и калмыками, пошли къ Корсуню для промысла надъ стоявшими въ тѣхъ мѣстахъ татарами. Въ 25 верстахъ отъ Корсуня, подъ Городищемъ, Сирко напалъ на татаръ, шедшихъ, по найму, къ Чарнецкому, и разбилъ ихъ на голову. Послѣ этого Сирко свернулъ на

---

[1]) Акты южной и западной Россіи. V, 156, 201, 202, 200.

[2]) Jerlicz, Latopisiec, Warszawa, 1853, II, 92.

Медвѣдовку и прошелъ въ Чигиринъ, гдѣ забралъ скарбъ Тетери, и изъ Чигирина. вмѣстѣ съ Косаговымъ, направился къ Уманю, чтобы привести Брюховецкому поднѣстрянскихъ полковниковъ, объявившихъ себя подданными московскаго царя. Ниже Уманя Сирко снова встрѣтилъ татаръ и снова побилъ ихъ. Въ Брацлавѣ Сирко захватилъ деньги и серебро Тетери и послѣ всего этого, соединившись съ поднѣстрянскими полковниками, повернулъ назадъ къ Корсуню, гдѣ стоялъ Чарнецкій [1]).

Но на этотъ разъ между противниками до битвы дѣло не дошло, и Чарнецкій отступилъ къ Брацлаву, а Сирко спустился въ Торговицу.

Находясь въ Торговицѣ, Сирко и Косаговъ получили приказаніе отъ царя Алексѣя Михайловича идти подъ Каневъ на соединеніе съ гетманомъ Иваномъ Брюховецкимъ. На это приказаніе Сирко іюля 25 дня отвѣчалъ, что соединиться съ гетманомъ онъ не можетъ до тѣхъ поръ, пока непріятель не отступитъ къ западнымъ границамъ Украйны; въ противномъ случаѣ можетъ быть побитымъ отъ ляховъ и татаръ, безпрестанно снующихъ въ разныхъ мѣстахъ возлѣ становъ кошеваго и гетмана [2]). Какъ бы въ оправданіе словъ Сирка, въ это самое время произошло пораженіе отряда русскихъ ратниковъ подъ начальствомъ Григорія Косагова: Косаговъ, отдѣленный отъ Сирка и посланный къ Корсуню, былъ разбитъ здѣсь поляками и жаловался въ Москву на недостатокъ войска и продовольствія; его жалобу подтвердилъ и Сирко. Тогда изъ Москвы сдѣланъ былъ запросъ гетману Брюховецкому о продовольствіи козаковъ и русскихъ ратниковъ. Брюховецкій отвѣчалъ, что хлѣбный запасъ онъ аккуратно роздалъ московскимъ ратникамъ и запорожскимъ козакамъ въ Сичи и Кодакѣ, но что московскіе ратные люди, получивъ хлѣбный запасъ, продали его и сами разбѣжались вонъ изъ службы. Что же касается запорожцевъ, то они должны быть довольны гетманомъ, въ особенности ихъ кошевой Иванъ Сирко: «Видитъ Богъ, что онъ отъ меня и отъ войска былъ сытъ; кромѣ другихъ знатныхъ даровъ, я далъ было ему мельницу и домъ съ засѣвками, также и брату его мельница дана была: не вѣдаю, чего еще отъ меня хотѣлъ, безчестья и обиды отъ меня никакой нѣтъ» [3]). Несмотря на это, Сирко вовсе отка-

[1]) Акты, VI, 203—207: Самовидецъ, 86; Ригельманъ, 76.

[2]) Архивъ министерства иностр. дѣлъ, 1664, № 9, св. 19.

[3]) Акты южной и западной Россіи, V, 222—225.

зался дѣйствовать за-одно съ гетманомъ Брюховецкимъ. Оставивъ Торговицу, Сирко, вмѣстѣ съ калмыками, прошелъ въ Бѣлогородчину на Буджакъ, разгромилъ тамъ нѣсколько татарскихъ селеній и повернулъ назадъ. Но въ это время, подъ городомъ Гараджиномъ, на него напалъ польскій полковникъ Маховскій и разбилъ калмыковъ; вмѣстѣ съ калмыками погибли и нѣсколько козаковъ. Самъ Сирко съ остаткомъ войска спасся и ушелъ въ Запорожье, а изъ Запорожья въ Харьковъ [1]). Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1664 года онъ написалъ царю письмо, что не довѣряетъ Брюховецкому, и поэтому вовсе не желаетъ соединиться съ нимъ; ноября 14 дня самъ царь, черезъ Репнина, убѣждалъ Сирка, что онъ напрасно не довѣряетъ Брюховецкому. Но Сирко остался непреклоненъ [2]); только въ началѣ августа 1665 года Сирко возвратился въ Сичь; при немъ было и нѣсколько тысячъ калмыковъ. Гетманъ Брюховецкій, стоявшій въ это время въ Гадячѣ, отправилъ въ Запорожье посланца за калмыками, приглашая ихъ идти къ Гадячу. Калмыки послушались было гетмана, но потомъ, оставшись недовольными на него, вернулись въ Сичь и отсюда, вмѣстѣ съ Сиркомъ и запорожцами, ходили на татаръ: «А то за-для того гнѣвъ узяли, же гетманъ Бруховецкій самъ зъ ними не пойшолъ на войну» [3]).

Нужно думать, что къ этому же времени (августу мѣсяцу 1665 года) относится извѣстіе польскаго лѣтописца Ерлича о сношеніи Сирка со Степаномъ Опарою, объявившимъ себя гетманомъ послѣ Павла Тетери на правой сторонѣ Днѣпра. Опара писалъ Сирку, что имѣетъ напасть на татарскую орду, помогавшую Дорошенку, назначалъ мѣсто и время битвы и сообщалъ, что послѣ схватки съ татарами имѣетъ направиться въ Бѣлую-Церковь для осуществленія чего просилъ у Сирка и брацлавскаго полковника Дрозда, сторонника Москвы, помощи. Но письма его не дошли до Сирка: они были перехвачены татарами, а вскорѣ потомъ и самъ Опара выданъ былъ татарами новому гетману заднѣпровской Украйны, Петру Дорошенку, который отправилъ его въ Варшаву на казнь [4]).

Петро Дорошенко былъ, безспорно, человѣкъ выдающихся способностей и своеобразныхъ идей. Онъ выступилъ съ совершенно новыми мыслями, чѣмъ его предшественники: объявивъ себя гет-

[1]) Акты, V, 217; Лѣтопись Самовидца, 86.

[2]) Акты южной и западной Россіи, V, 216—218.

[3]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 91.

[4]) Jerlicz, Latopisiec, Warszawa, 1853, II, 106; Акты, VI, 30, 31, 35.

маномъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, онъ рѣшилъ отдать всю Украйну подъ власть турецкаго султана. Дорошенко видѣлъ, что Польша не дала счастья Украйнѣ, но въ то же время онъ предвидѣлъ, что и отъ Москвы Украйнѣ не ждать поблажки: онъ полагалъ, что въ концѣ-концовъ малороссы, имѣющіе одну вѣру и почти одинъ и тотъ же языкъ съ русскими, потеряютъ свою политическую автономію и сольются безраздѣльно съ великороссами. Поэтому, если отдаться вмѣсто московскаго царя турецкому султану, то, при разности языка и вѣры, можно разсчитывать, что Украйна навсегда можетъ сохранить свою самостоятельность. Впрочемъ, къ этимъ мыслямъ Дорошенко пришелъ не сразу, а постепенно. Обстоятельства ему благопріятствовали. Дѣло въ томъ, что въ этотъ годъ (1665) совершилось небывалое дотолѣ явленіе на Украйнѣ: гетманъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій ѣздилъ въ Москву, получилъ тамъ санъ боярина, женился на княжнѣ Долгоруковой и билъ челомъ царю о томъ, чтобы онъ принялъ всѣ малороссійскіе города съ ихъ мѣстами и велѣлъ собирать въ нихъ всякіе денежные и другіе доходы въ свою государеву казну, а также приказалъ бы послать въ главные украинскіе города своихъ воеводъ и ратныхъ людей. Царь на все это согласился, и гетманъ Брюховецкій, вернувшись на Украйну, объявилъ о томъ всему войску. Нечего и говорить о томъ, какъ должно было принять это нововведеніе украинское козачество: во всемъ этомъ оно увидѣло подкопъ подъ свои права и вольности, а потому открыто объявило ненависть «гетману-боярину» Брюховецкому, какъ представителю «значнаго» козачества, стремившагося забрать въ свои руки всѣ житейскія блага въ Малороссіи и властвовать надъ чернью козацкою.

Особенно страстно отнеслись къ этому запорожцы, считавшіе себя по справедливости представителями чисто народныхъ идеаловъ на Украйнѣ и Запорожьѣ и ненавидѣвшіе все панское и все боярское сословіе. Оттого уже тотчасъ о пріѣздѣ изъ Москвы на Украйну гетманъ Иванъ Брюховецкій писалъ царю, что запорожскіе козаки хотятъ измѣнить ему, стать на сторону турокъ и Дорошенка, и потому спрашивалъ у царя, какъ поступить съ хлѣбными запасами, шедшими въ Запорожье, отсылать-ли ихъ по назначенію или же оставить въ Малороссіи. На этотъ вопросъ былъ отвѣтъ, что хлѣбные запасы въ Запорожье отсылать, «какъ прежде было уговорено». Писали о томъ же Брюховецкій и мстиславскій епископъ

Меѳодіи боярину Петру Шереметеву; писалъ царю Григорій Косаговъ, отъ 6 февраля 1666 года, вновь вернувшійся въ Запорожье и извѣщавшій, что въ Сичи осталось всего лишь 500 человѣкъ, остальные всѣ разъѣхались; самъ воевода Петръ Шереметевъ извѣщалъ, что запорожцы перемѣнили кошеваго Леска Шкуру [1]), выбрали новаго Ивана Рога (онъ же Ждавъ), открыли свободный доступъ для сторонниковъ Дорошенка и на столько стѣснили Косагова, «заводя всякіе заводы съ Москвою», что онъ, не предвидя для себя ничего хорошаго, ушелъ вонъ изъ Запорожья. Наконецъ, писалъ къ царю и Брюховецкій, извѣщавшій, что запорожцы безъ его вѣдома принимали къ себѣ пословъ Дорошенка и отпустили ихъ съ честью назадъ въ Чигиринъ къ «нечестивому» Дорошенку, что они открыто высказываютъ ненависть къ московскимъ боярамъ и воеводамъ за то, что «воеводы стали вѣдать всякія угодья» [2]).

Однако, враждебное настроеніе запорожцевъ противъ Москвы пока не переходило границъ умѣренности, можетъ быть, потому, что въ этомъ же году Сирко снова водилъ запорожцевъ на Крымъ, чѣмъ на время и отвлекъ ихъ вниманіе отъ малороссійскихъ дѣлъ. Вражда противъ Москвы выразилась лишь съ прибытіемъ въ Сичу, въ 1667 году, царскаго посла Ефима Лодыженскаго, ѣхавшаго черезъ Запорожье въ Крымъ съ ханскими посланцами [3]). Запорожцы, озлобленные тѣмъ, что нѣкоторые изъ татаръ, сопровождавшіе Лодыженскаго, стали хвалиться о покореніи, за-одно съ русскими, всего Запорожья, убили и потопили близь Сичи, въ рѣчкѣ Скарбной, Лодыженскаго съ людьми, а казну его разграбили. На ту пору кошевымъ атаманомъ въ Сичи былъ Остапъ Васютенко, называемый иначе Остапомъ Чемерисомъ, т.-е. польскимъ татариномъ [4]). Совершивъ такое дѣло, Остапъ Васютенко, безъ страха и съ полными подробностями, написалъ о томъ гетману Брюховецкому и совѣтовалъ ему отстать отъ Москвы и идти, вмѣстѣ съ запорожцами, противъ московскихъ бояръ и воеводъ. Брюховецкій, частью подъ впечатлѣніемъ отъ письма Васютенка, частью въ надеждѣ сдѣлаться гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, также объявилъ себя противъ московскаго царя.

---

[1]) Въ январѣ 1666 года у нихъ былъ кошевымъ Иванъ Величко-Босовскій: Величко. Лѣтопись, Кіевъ, 1855, II, 100.

[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи, Спб., 1861, XI, 213, 215, 221—223: Григорій Грабянка. Лѣтопись, Кіевъ, 1854, 192, 193.

[3]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 94.

[4]) Акты южной и западной Россіи, VI, 199.

Сирко не участвовалъ ни въ кровавомъ дѣлѣ убійства Ефима Лодыженскаго, ни въ сношеніяхъ запорожцевъ съ Петромъ Дорошенкомъ, которому онъ по началу не сочувствовалъ и даже выступилъ рѣшительнымъ противникомъ. Такъ, когда въ 1667 году Дорошенко, не поладившій съ польскимъ воеводой Маховскимъ, расположившимся въ заднѣпровской Украйнѣ съ польскими войсками, и нанесшій ему два пораженія, вслѣдъ затѣмъ выступилъ въ союзѣ съ крымскими татарами противъ Яна Собѣскаго и сошелся съ нимъ у Подгайцевъ, то въ это время пришла вѣсть, что Сирко, выбравшись въ октябрѣ мѣсяцѣ изъ Сичи, напалъ на Крымъ. Тогда татары, по выраженію лѣтописца, точно собаки, съѣвшія объѣдки, поспѣшно заключили перемиріе съ Яномъ Собѣскимъ и бросились въ Крымъ. Ханъ напалъ на Сирка подъ Перекопомъ и вступилъ съ нимъ въ бой. Сначала успѣхъ былъ на сторонѣ татаръ, но подъ конецъ запорожцы разбили хана и заставили его бѣжать отъ Перекопа; вмѣстѣ съ нимъ бѣжали въ горы татары съ женами и дѣтьми; запорожцы больше недѣли опустошали Крымъ, сожгли въ немъ много селъ и, взявъ большую добычу, возвратились въ Запорожье [1]), Сирко за это пораженіе крымскихъ татаръ получилъ отъ царя, черезъ капитана Василія Сухорукова, государевъ похвальный листъ [2]).

Въ 1668 году Сирко выступилъ на сцену историческихъ событій послѣ убійства гетмана Ивана Брюховецкаго и появленія новаго гетмана Петра Суховіенка. Дѣло это произошло, по словамъ лѣтописца, слѣдующимъ образомъ. Послѣ смерти Брюховецкаго, убитаго Дорошенкомъ въ мѣстечкѣ Опошномъ (въ іюнѣ мѣсяцѣ), запорожцы, не желая пристать къ Дорошенку, возвратились въ Сичь и отсюда отправились къ крымскому хану. Ханъ очень обрадовался приходу запорожцевъ, принялъ ихъ съ большой пріязнью и, узнавъ, что они разошлись съ Дорошенкомъ, посовѣтовалъ имъ выбрать самостоятельнаго гетмана въ самомъ Запорожьѣ. Сперва охотника на то не оказалось, но потомъ на это изъявилъ свое согласіе бывшій писарь запорожскаго войска, еще совсѣмъ молодой человѣкъ, Петро Суховій или Суховіенко. Написавъ письмо хану, Суховіенко вслѣдъ затѣмъ отправился къ нему въ числѣ послан-

---

[1]) Лѣтопись Самовидца, 1878, 96; Грабянка, Кіевъ, 1854, 193.

[2]) Архивъ министерства иностр. дѣлъ, 1668, янв., № 3, св. 26.

цевъ отъ запорожскаго Коша. Ханъ и его принялъ очень милостиво и, давъ ему войско, съ Калгой и Нурредином, приказалъ Дорошенку вмѣстѣ съ Суховіемъ идти противъ князя Григорія Ромодановскаго, выступившаго на Украйну для борьбы съ Дорошенкомъ и со всей козацкой старшиной, избившей московскихъ бояръ и воеводъ. Дорошенко, видя, что орда больше «прыхильна» къ запорожцамъ, нежели къ нему, самъ уклонился отъ похода, а послалъ въ помощь Суховію и татарамъ своего брата, Григорія Дорошенка. Ромодановскій выслалъ противъ татаръ и Дорошенка своего сына Андрея. Въ происшедшей битвѣ возлѣ города Грайворона татары разбили Андрея Ромодановскаго и полонили его. Послѣ этого Суховій, желая доставить добычу своимъ союзникамъ, татарамъ, бросился изъ лѣвобережной Украйны въ правобережную, гдѣ считалъ себя хозяиномъ Дорошенко. Видя такой оборотъ дѣлъ, Дорошенко разослалъ всѣмъ заднѣпровскимъ жителямъ приказаніе прятать свои пожитки отъ Суховія и ничего не оставлять ему. Жители въ точности исполнили приказаніе своего гетмана, и Суховій дѣйствительно не нашелъ никакой добычи въ заднѣпровской Украйнѣ; татары между тѣмъ требовали отъ него вознагражденія и, не получая его, хотѣли «подуванить» между собой добро Суховія, а его самого, вмѣстѣ съ бывшими при немъ запорожцами, въ полонъ взять. Тогда Суховій, предвидя для себя опасность, черезъ «скорыхъ и быстроногихъ» пословъ своихъ далъ о томъ извѣстіе въ Сѣчь. На ту пору кошевымъ былъ въ Сѣчи слабый по характеру Иванъ Бѣлковскій [1]). За него дѣла дѣлалъ самъ Кошъ. Кошъ послалъ для выручки Суховія двухъ своихъ полковниковъ, Ивана Сирка и Игната Улановскаго. Полковники прибыли въ тогобочную Украйну какъ разъ во время. Видя это, Нурреддинъ не осмѣлился напасть на Суховія и, опасаясь Сирка и Улановскаго, скоро убрался въ Крымъ, а Суховій, вмѣстѣ со своими избавителями, вернулся въ Сѣчу [2]).

Недолго, однако, Сирко стоялъ за Суховія: будучи еще такъ недавно на его сторонѣ, Сирко теперь выступилъ за Дорошенка. Тогда Суховій ушелъ къ татарамъ, съ которыми онъ настолько сошелся, что даже побусурманился и принялъ имя Агинатъ-мурзы; при немъ было всего лишь около 300 человѣкъ запорожцевъ [3]).

Но и самъ Сирко, спустя нѣсколько времени послѣ этого, оста-

[1]) Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, 1668. № 13, св. 26.

[2]) Самовидецъ, 99—102; Грабянка, 198; Величко, II, 168—170, 178.

[3]) Акты южной и западной Россіи, С.-Петербургъ, VII, 157.

вилъ Сичь. Изъ данныхъ, не подлежащихъ сомнѣнію, видно, что въ это время онъ былъ въ Слободской Украйнѣ, состоялъ полковникомъ въ городѣ Зміевѣ и завѣдывалъ козаками слободъ Мерефы и Печенѣговъ [1]). Но состоя полковникомъ Слободской Украйны, Сирко лично убѣдился въ несправедливыхъ дѣйствіяхъ московскихъ воеводъ и бояръ на Украйнѣ, потому, снесшись сперва съ Дорошенкомъ, выступилъ на защиту козацкихъ правъ противъ Москвы. Марта 4 числа 1668 года въ слободѣ Красномъ-Кутѣ и на Торскихъ озерахъ [2]) вспыхнулъ бунтъ. Скоро этотъ бунтъ отозвался въ городѣ Зміевѣ: возсталъ зміевскій полковникъ Иванъ Сирко. Марта 11 дня Сирко, вмѣстѣ съ козаками, изъ Зміева бросился къ Харькову, имѣя цѣлью поднять и харьковцевъ противъ московскихъ бояръ и воеводъ. Въ то время харьковскимъ воеводой былъ Левъ Сытинъ: «Марта 11 пришелъ подъ Харьковъ измѣнникъ Ивашка Сѣрко съ измѣнники черкасы, собрався съ многими людьми и переходятъ рѣку Уды въ 2 верстахъ отъ Харькова и хотятъ идти подъ Чугуевъ». Но харьковцы отказались дѣйствовать за-одно съ Сиркомъ. Тогда Сирко рѣшилъ силой заставить ихъ. Чугуевскій воевода сообщилъ о томъ бѣлгородскому воеводѣ, князю Григорію Ромодановскому, извѣщая его, будто харьковцы уже измѣнили царю. Но Ромодановскій увѣрилъ чугуевскаго воеводу, что харьковцы остались вѣрны великому государю и приказывалъ ему, «ссылаясь съ харьковскимъ воеводой Сытинымъ, одноличио надъ измѣнниками черкасами промыселъ и поискъ чинить, и полонъ имать, и села и деревни жечь, сколько Богъ милосердый поможетъ». Послѣ этого Сирко принужденъ былъ покинуть Харьковъ. Покидая Харьковъ, онъ съ черкасами въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года разорилъ село Боровое, въ маѣ ограбилъ слободы Колонтаевъ и Мартовую и послѣ этого поспѣшилъ удалиться за Днѣпръ къ Петру Дорошенку [3]). Октября 20 дня того же 1668 года, по извѣстію польскаго поручика Бѣлькевича, взятаго Дорошенкомъ въ плѣнъ въ Овручѣ и завезеннаго въ Чигиринъ, Сирко въ это время былъ еще въ Чиги-

[1]) Извѣстіе Орновскаго, будто Сирко въ это время былъ харьковскимъ полковникомъ, невѣрно, такъ какъ должность харьковскаго полковника занималъ въ это время Ѳедоръ Ревка: Ornowskiego Bogaty wiridarz leg. Theodorowi Zacharzewskiemu, Lawrze, 1705; Филаретъ, Историко-статистич. описаніе харьков. епархіи, Москва, 1857, II, 51.

[2]) Тамъ, гдѣ теперь городъ Славянскъ харьковской губерніи.

[3]) Филаретъ, Историко-статистическое описаніе, II, 52, 53.

ринѣ; онъ ходилъ по городу, по волѣ, а не за карауломъ и, послѣ побѣга Бѣлькевича изъ города, оставался въ Чигиринѣ [1]).

И такъ, Сирко, увлеченный всеобщимъ теченіемъ ненависти противъ московскихъ бояръ и воеводъ, управлявшихъ дѣлами Украйны, разомъ объявилъ себя сторонникомъ Дорошенка и противникомъ русскаго царя. Хотя источники не говорятъ намъ, сколько времени Сирко оставался въ Чигиринѣ у Дорошенка, но на основаніи отрывочныхъ данныхъ можно думать, что это было слишкомъ недолго; изъ тѣхъ же отрывочныхъ указаній можно заключить, что отъ Дорошенка Сирко возвратился въ Сичь, собралъ тамъ войско и съ нимъ ходилъ на украинскіе города противъ воеводъ и бояръ: «Приходилъ же онъ и соединился съ городами, въ которыхъ живутъ козаки, не для чего иного, какъ для того, чтобы воеводы надъ нашими (украинскими) людьми не были, а вмѣсто нихъ, по старому украинскому обычаю, поставлены были полковники, сотники и войты» [2]). Выйдя изъ Сичи на Украйну, Сирко бился съ царскими полками подъ Ахтыркой, но послѣ того отступилъ въ Кишенку, а изъ Кишенки двинулся въ Торговицу, гдѣ «и нынѣ живетъ (октября 25 дня); а о томъ велми печаленъ, что отъ царскаго величества отступилъ, а бусурманамъ онъ не присягалъ» [3]). Нужно думать, что къ этому же времени относится извѣстіе о томъ, что Сирко, кромѣ Ахтырки, былъ и подъ Полтавой, гдѣ онъ, можетъ быть, за спѣшнымъ отходомъ закопалъ въ землѣ подъ городомъ пушки, которыя потомъ выкопали полтавскіе козаки, ходившіе «подъ великаго государя городъ подъ Валки» [4]).

Въ томъ же октябрѣ, 1668 года, Сирко вмѣстѣ съ кошевымъ Иваномъ Рогомъ, ходилъ въ Крымъ воевать татаръ. Кошевой и полковникъ, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать противъ враговъ, рѣшили идти на Крымъ двумя отрядами: Рогъ пошелъ къ Арбаутуку, а Сирко зашелъ отъ Кафы (Өеодосіи) на Ширимбеевскіе улусы, гдѣ разорилъ нѣсколько деревень, побилъ много татаръ и освободилъ 2.000 человѣкъ русскихъ полоняниковъ. Въ октябрѣ же мѣсяцѣ выходецъ изъ Крыма разсказывалъ въ Кіевѣ кіевскому намѣстнику Петру Шереметеву, что Сирко, по царскому указу, съ калмыками, донскими и запорожскими козаками, три раза ходилъ

[1]) Акты южной и западной Россіи, VII, 104.

[2]) Акты южной и западной Россіи, VII, 115.

[3]) Акты южной и западной Россіи, VII, 91.

[4]) Акты южной и западной Россіи, VIII, 65.

на Крымъ и въ третьемъ походѣ побилъ около 3.000 татаръ да около 500 взялъ въ плѣнъ, а послѣ третьяго похода ходилъ четвертымъ на городъ Бахчисарай. Очевидно, объ этомъ самомъ походѣ на Крымъ Сирка говоритъ (ноября 9-го дня) Петро Дорошенко: «Сіе вамъ вѣдомо чинимъ, что услыша о такомъ низоваго войска желательствѣ громить татарскіе улусы, мы послали нѣсколько тысячъ городоваго войска съ пушками и съ добрымъ вождемъ, паномъ Иваномъ Сиркомъ татарскую землю воевать». Объ этомъ самомъ походѣ говорили въ началѣ декабря того же года царскіе посланцы въ Москвѣ: «Гетманъ Дорошенко послалъ Сирка съ разными людьми въ Крымъ, чтобы учинить въ Крыму поискъ и замѣшанину». Причинивъ большой вредъ татарамъ въ Крыму за выставленнаго ими гетмана Суховія, Дорошенко сталъ сноситься съ татарами съ цѣлью «быть по прежнему въ миру съ ними», но съ непремѣннымъ условіемъ выдачи ему Суховія. Татары отвѣчали Дорошенку готовностью на миръ, но съ условіемъ, что если они выдадутъ ему Суховія, то Дорошенко отдастъ имъ Сирка [1]). Конечно, миръ на этомъ не могъ состояться.

Послѣ похода на Крымъ Сирко возвратился въ Сичь, откуда вновь собирался на татаръ. Января 19-го дня бояринъ Петръ Шереметевъ, кіевскій воевода, доносилъ въ Москву, что около города Полтавы «стояли на лежѣ 5.000 человѣкъ козаковъ разныхъ полковъ, ожидавшіе весны: если Сирко по прежнему пойдетъ на Крымъ, то и они пойдутъ съ нимъ» [2]).

Но Сирко на этотъ разъ въ Крымъ не пошелъ: онъ дѣйствовалъ за-одно съ Дорошенкомъ противъ татаръ и Суховія въ самой Украйнѣ. Въ половинѣ января 1669 года самъ гетманъ Петръ Дорошенко извѣщалъ своего брата, Андрея Дорошенко, и всѣхъ гадяческихъ обывателей о томъ, что охотный полковникъ Сирко послапъ имъ, съ конными и пѣшими войсками, противъ крымскаго хана Батырчи и Суховіенка и, божіею помощію, «отважне и моцне» разгромилъ ихъ во многихъ мѣстахъ, въ особенности же страшно побилъ подъ мѣстечкомъ Ольховцемъ; Суховіенко понесъ здѣсь страшный уронъ: онъ ушелъ съ поля битвы самъ-пятъ или самъ-пятнадцать; союзники бѣжали сперва о-бокъ съ Капустиной долиной, находящейся верстахъ въ 30 отъ Переяслава [3]), а потомъ въ

[1]) Акты южной и западной Россіи, VII, 152.

[2]) Акты южной и западной Россіи, VII, 1, 12, 110, 111, 150, 158.

[3]) Акты южной и западной Россіи, VIII, 230.

городъ Торговицу и оттуда въ Крымъ; побитыхъ татаръ было 4.000 человѣкъ; при Сиркѣ находился запорожскій полковникъ Улановскій. Послѣ этой битвы всѣ козаки, державшіеся стороны Суховіенка, перешли на сторону Сирка [1]).

1669 годъ ознаменовался въ исторіи малороссійскихъ козаковъ выборомъ (марта 3-го дня) новаго гетмана Демьяна Многогрѣшнаго. Многогрѣшный сперва отказывался отъ гетманства «якъ старая дивка отъ женыха», но потомъ согласился и отправилъ отъ себя въ Москву пословъ съ поклономъ царю. Запорожскіе козаки, также какъ и большинство малороссійскихъ, не признали гетманомъ Демьяна Многогрѣшнаго, рѣшили собраться на общую раду и выбрать одного, ни отъ кого независимаго, гетмана. Мая 21-го дня 1669 года пріѣхавшіе въ Кіевъ греки показывали, что они видѣли во время своего пути полковника [2]) Сирка съ 50 конными козаками; со словъ самого Сирка они узнали, что онъ ѣдетъ въ Лодыжинъ и что у запорожскихъ и украинскихъ козаковъ предполагается всеобщая рада для выбора въ ней новаго гетмана. Извѣстіе это потомъ подтвердилось. Мѣстомъ рады сперва назначено было урочище Цыбульникъ, подъ городомъ Крыловомъ, а потомъ рѣчка Росава, подъ городомъ Каневомъ; а гетманомъ предполагалось избрать Юрія Хмельницкаго, которому особенно помогали турки и татары. На этомъ стояли какъ Сирко, такъ Суховіенко и Дорошенко; выбравъ гетмана, они предполагали идти на государевы малороссійскіе города и на города польскаго короля и для этого посылали пословъ за помощью къ турецкому султану [3]). Узнавъ обо всемъ этомъ, царь Алексѣй Михайловичъ писалъ Дорошенку, чтобы онъ вывелъ своихъ козаковъ, а съ ними вмѣстѣ и козаковъ Сирка съ лѣвой стороны Днѣпра на правую, такъ какъ по Андрусовскому миру, состоявшемуся въ 1667 году между Россіей и Польшей, лѣвобережные города Украйны отошли отъ Польши къ Россіи, и Дорошенко, какъ подданный польскаго короля, долженъ оставить лѣвобережную Украйну [4]).

Почти черезъ годъ послѣ этого мы видимъ Сирка снова на сторонѣ московскаго царя. Іюля 18-го дня, 1670 года, Сирко, будучи кошевымъ атаманомъ, извѣщалъ воеводу города Бѣлгорода,

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, VIII, 34, 60, 62, 113.

[2]) Кошевымъ въ это время былъ Лукашъ Мартыновичъ.

[3]) Акты южной и западной Россіи, VIII, 246, 271.

[4]) Акты южной и западной Россіи, IX, 242.

князя Григорія Ромодановскаго, что, божіею милостію и счастьемъ царскаго пресвѣтлаго величества, онъ ходилъ (27-го іюня) съ запорожскими козаками подъ турецкій городъ Очаковъ и, ставши близъ самого города, захватилъ много добычи, скота, взялъ въ полонъ нѣсколько человѣкъ турокъ, татаръ, волоховъ, а весь городъ выжегъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года гетманъ Демьянъ Многогрѣшный писалъ въ Москву о томъ, что ханъ идетъ изъ Крыма съ большимъ войскомъ на правую сторону Днѣпра; хочетъ онъ сдѣлать Юрія Хмельницкаго гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и воевать Петра Дорошенка; кромѣ хана, идетъ на лѣвую сторону Днѣпра Юрій Хмельницкій съ Калгой-султаномъ и съ 60.000 отрядомъ татаръ. Гроза надвигалась одинаково, какъ на Многогрѣшнаго, такъ и на Дорошенка; на послѣдняго шли также уманскій полковникъ Михаилъ Ханенко и уманскій значковой товарищъ Петро Суховіенко. Многогрѣшный разсчитывалъ, что Дорошенко будетъ разбитъ своими противниками, и потому писалъ въ Москву, чтобы, въ случаѣ его бѣгства въ лѣвобережную Украйну, приказано было не принимать его ни въ города, ни въ села. Положеніе Дорошенка было дѣйствительно критическое: онъ нашелъ себѣ помощь только среди бѣлгородскихъ татаръ, повиновавшихся въ то время силистрійскому пашѣ. Союзники стѣснили Дорошенка въ Стеблевѣ, и ему пришлось очень плохо, но въ эту рѣшительную минуту, какъ свидѣтельствуетъ малороссійскій лѣтописецъ Самовидецъ, гетману оказалъ неожиданную помощь кошевой Сирко съ козаками и бѣлгородскими татарами: «онъ додалъ помощи Дорошенку», и его враги бѣжали: бѣжала сперва крымская орда, потомъ Ханенко и Суховіенко, потомъ Юрій Хмельницкій; послѣдній пойманъ былъ возлѣ города Умани и отправленъ въ Константинополь [1]). По замѣчанію лѣтописца XVIII вѣка, Александра Ригельмана, Сирко еще не зналъ въ это время о переходѣ Дорошенка къ турецкому султану и потому взялъ сторону стѣсненнаго со всѣхъ сторонъ гетмана [2]).

Около этого же времени объявился въ самомъ Запорожьѣ новый гетманъ, противникъ Петра Дорошенка, Михаилъ Ханенко, провозглашенный въ гетманы польскимъ правительствомъ раньше того на западной сторонѣ Днѣпра. Поляки, зная, ка-

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, 1862, XII, 91—93; Самовидецъ, 107.

[2]) Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, Москва, 1817, II, 122.

кую силу составляетъ въ Сичи Сирко, постарались привлечь его на сторону Ханенка. Такъ, извѣстно, что Сирко принималъ въ это время въ Сичи польскаго посла и получилъ отъ него, вмѣстѣ съ войсковой старшиной, войсковые клейноты и королевскіе подарки золотомъ и шелкомъ на платье [1]). Потомъ тѣ же поляки пригласили Сирка дѣйствовать за-одно съ Ханенкомъ противъ Дорошенка, отложившагося отъ Польши и перешедшаго на сторону турокъ и татаръ. Дѣло это произошло такъ. Дорошенко, узнавъ о новомъ претендентѣ на гетманскую булаву, объявившемся въ самомъ Запорожьѣ и претендовавшемъ на обладаніе правобережной Украйны, вошелъ въ союзъ съ татарскимъ ханомъ и, подкрѣпивъ его силами собственныхъ козаковъ, весной 1671 года отправилъ на Украйну родного брата своего, Григорія Дорошенка, который сталъ «причинять Украйнѣ большую шкоду». Эта шкода была такъ велика, что противъ Григорія Дорошенка поднялись коронный гетманъ Янъ Собѣскій и польный гетманъ князь Димитрій Вишневецкій. Видя «великую докуку» отъ татаръ, они отправили на Запорожье королевскихъ пословъ, приглашая запорожцевъ идти на помощь полякамъ противъ татаръ къ Лодыжину и «ознаймуючи о своемъ приходѣ на Побужье». По этому приглашенію вышелъ изъ Сичи Сирко [2]) съ Ханенкомъ и съ шестью тысячами самыхъ отборныхъ козаковъ и пушками. Но королевскіе гетманы упредили, однако, запорожцевъ: они сломили татаръ подъ Брацлавомъ и заставили ихъ повернуть въ свою землю. Тогда Сирко съ Ханенкомъ залегъ на переправахъ дорогу крымскому хану, бился съ нимъ три дня, не мало потопилъ татарскихъ головъ въ рѣкѣ Бугѣ, а послѣ боя помирился и сдѣлалъ договоръ съ ханомъ идти вмѣстѣ на Дорошенка, послѣ чего двинулся по направленію къ Лодыжину, и тутъ все Побужье «схилилось до него». Дорошенко пошелъ было на встрѣчу Сирку и Ханенку къ Бугу, но за большой водой, какъ онъ самъ говорилъ, не могъ переправить ни пѣхоты, ни конницы черезъ рѣку, и потому, потерявъ много людей на переправахъ, отступилъ назадъ «съ оскудѣлымъ и въ запасахъ оголодѣлымъ войскомъ». Между тѣмъ Сирко, съ Ханенкомъ и съ коронными гетманами, подступилъ къ Кальнику и сталъ осаждать его. Сюда, въ урочище Гаймакъ, польскій король прислалъ запорожцамъ, за ихъ услугу Рѣчи-Посполитой, бу-

[1]) Акты южной и западной Россіи, IX, 415, 549.

[2]) Онъ состоялъ въ званіи полковника; кошевымъ былъ Лукашъ Мартыновичъ.

лаву, бунчукъ, корогву, бубны и позволилъ имъ выбрать собственнаго гетмана. На созванной по этому поводу радѣ выбранъ былъ гетманомъ Михаилъ Ханенко. Послѣ того, поляки отступили къ Брацлаву, а запорожцы и жолнѣры остались у Лодыжина. Здѣсь запорожцы, пользуясь расположеніемъ мѣстнаго населенія, «кормились отъ людей», а жолнѣры, не пользовавшіеся расположеніемъ украинцевъ, «жили съ гроша» [1]).

Въ началѣ октября того же года Сирко, послѣ пріѣзда къ нему нѣкоего Ковалевскаго, слуги польскаго гетмана князя Димитрія Вишневецкаго, соединился, вмѣстѣ съ Ханенкомъ, съ польскими войсками, предводимыми гетманами Димитріемъ Вишневецкимъ и Яномъ Яблоновскимъ, и прошелъ съ ними Брацлавъ, Лодыжинъ, Стеню, Кальникъ, Лысянку, мѣстечко Ильинцы. Подъ Ильинцами, въ 50 верстахъ отъ Уманя, Сирко и Ханенко, октября 25 дня, въ присутствіи польскихъ гетмановъ, на общей войсковой радѣ, присягнули быть въ вѣчномъ подданствѣ у польскаго короля и ходить войной противъ общихъ враговъ; въ замѣнъ того, польскіе гетманы присягнули Сирку и Ханенку не отнимать у козаковъ стародавнихъ привиллегій и вольностей. Послѣ рады Сирко, разлучившись съ Ханенкомъ, пошелъ, вмѣстѣ съ поляками и запорожскими козаками, конными и пѣшими, на татаръ, и въ 15 верстахъ отъ Ильинцевъ побилъ ихъ около 2.000 человѣкъ; а послѣ боя съ татарами очутился въ Рашковѣ, откуда около 28 октября, съ 500 человѣкъ, пошелъ на подъѣздъ въ Бѣлогородчину. Осьмаго ноября пріѣхавшіе изъ Волошской земли въ Нѣжинъ торговцы показывали, что Сирко отступилъ въ мѣстечко Чичельникъ, а потомъ въ городъ Лодыжинъ, и наконецъ, въ Кальникъ: подъ Кальникомъ Сирко, вмѣстѣ съ войскомъ коронпаго гетмана, разбилъ отрядъ Дорошенка и привлекъ къ себѣ многихъ изъ козаковъ его, послѣ чего, вмѣстѣ съ Ханенкомъ, пошелъ на Крымъ, чтобы не пропустить татаръ на помощь Дорошенку. Тогда Дорошенко сталъ писать и посылать пословъ къ крымскимъ и бѣлогородскимъ татарамъ, прося у нихъ помощи противъ поляковъ и запорожцевъ. На эти письма татары отвѣчали, что они идти къ Дорошенку не могутъ, потому что опасаются прихода къ себѣ коронныхъ войскъ и запорожскихъ козаковъ съ Сиркомъ и Ханенкомъ [2]).

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, IX, 445, 454; Самовидецъ, Лѣтопись 111; Соловьевъ, Исторія Россіи, XII, 99.

[2]) Акты южной и западной Россіи, IX, 572—575, 577, 586, 587, 590; Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 107.

И точно, опасенія татаръ оправдались: въ началѣ 1672 года Сирко съ Ханенкомъ оказался въ Волошской землѣ и въ Бѣлогородчинѣ. Здѣсь онъ разорилъ шесть селъ и взялъ статку 4.000 рублей, а когда повернулъ назадъ, то встрѣтилъ за Куяльникомъ, въ степи, крымскаго хана, Султанъ-Нуреддина, шедшаго изъ Очакова, съ ордой, янычарами и съ пушками; при ханѣ Нурредипѣ былъ мурза бѣлгородской орды Теимамбетъ. Татары начали стрѣлять на козаковъ изъ пушекъ, но пушки эти разорвались и потому никакого вреда имъ не причинили. Послѣ этого ханъ, пробывъ четыре мѣсяца вмѣстѣ съ Дорошенкомъ, пошелъ изъ подъ Хорошева въ Крымъ, а мурза Теимамбетъ направился къ Бѣлому городу; тутъ, между Днѣпромъ и Днѣстромъ, на рѣчкѣ Куяльникѣ, на него напалъ Сирко и взялъ его въ полонъ съ тремя татарами.

Вслѣдъ за этимъ запорожцы благополучно прибыли къ рѣкѣ Бугу, гдѣ ихъ встрѣтилъ польскій посолъ съ извѣстіемъ, что Рѣчь-Посполита обѣщаетъ выслать козакамъ плату, если они придутъ на помощь польскому королю, къ украинскимъ городамъ. Запорожцы повѣрили, но, пришедши въ города польскаго короля, платы не получили и потому, извѣрившись въ Польшу, стали высказывать недовольство на Сирка за то, что онъ поддался польскому королю и рѣшили вновь перейти подъ «высокодержавную и непобѣдимую руку» русскаго царя [1]).

Въ мартѣ мѣсяцѣ того же года Сирко стоялъ уже неподалеку отъ Чичельника, откуда намѣревался идти на Лысянку и изъ Лысянки подъ Чигиринъ, на лѣвую сторону Днѣпра [2]).

Въ это время на Украйнѣ произошло событіе, имѣвшее особенное значеніе въ жизни Сирка, — это лишеніе гетманскаго уряда (марта 13 дня, 1672 года) и ссылка въ Сибирь малороссійскаго гетмана Демьяна Многогрѣшнаго со всей семьей и съ нѣкоторыми его «соучастниками», въ числѣ коихъ былъ асаулъ Павелъ Грибовичъ. Само по себѣ это обстоятельство весьма обыкновенное: гетманы постоянно смѣнялись на Украйнѣ и многіе изъ нихъ вмѣстѣ съ лишеніемъ гетманскаго достоинства лишались свободы и даже жизни. Но для Сирка вѣсть о паденіи Многогрѣшнаго особенно запала въ душу: видя, какія ничтожества брали въ свои руки гетманскую булаву, Сирко рѣшилъ добиться гетманства на Украйнѣ для себя лично. Вѣсть объ этомъ скоро дошла въ Москву и тамъ, зная военныя способности Сирка, его вліяніе на запорожцевъ и

[1]) Акты южной и западной Россіи, IX, 894, 896, 986, 988.

[2]) Акты южной и западной Россіи, IX, 647, 828, 830.

вмѣстѣ съ тѣмъ его ненадежный нравъ и стремленіе къ полной независимости, рѣшили всѣми мѣрами не допустить его до гетманства. Въ томъ помогли Москвѣ и зложелатели Сирка, правобережный гетманъ Петръ Дорошенко и лѣвобережные полковники, изъ коихъ главнымъ былъ полтавскій полковникъ Ѳедоръ Жученко. Зная по опыту, что Сирко человѣкъ рѣшительный и въ задуманныхъ планахъ, и въ самыхъ поступкахъ, противники Сирка рѣшились на самыя крайнія мѣры, чтобы избавиться отъ опаснаго имъ человѣка. Обстоятельства имъ благопріятствовали. Разгромивъ бѣлогородскую орду и захвативъ съ собой мурзу Теимамбета, Сирко перебрался на лѣвую сторону Днѣпра и снесся съ бояриномъ Григоріемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ, прося черезъ него государской милости. Получивъ «на карткѣ государскую милость», Сирко повѣрилъ Ромодановскому и изъ мѣстечка Новаго-Санжара, полтавскаго повѣта, направился вмѣстѣ съ зятемъ своимъ Иваномъ Сербиномъ, въ городъ Курскъ къ Ромодановскому, чтобы сдать ему плѣннаго мурзу. Личный врагъ его полтавскій полковникъ, Ѳедоръ Жученко, воспользовавшись тѣмъ, что Сирко ѣхалъ частнымъ человѣкомъ, безъ запорожскаго войска, внезапно напалъ на него, схватилъ, сковалъ желѣзами и отвезъ въ Батуринъ, а мурзу Теимамбета отправилъ въ Полтаву и засадилъ въ тюрьму. Это произошло 19 апрѣля 1672 года, а 22 апрѣля того же года Иванъ Самойловичъ, Петръ Забѣла и Иванъ Домонтовичъ извѣщали царя о поимкѣ Сирка, выставляя тотъ мотивъ, что онъ, разлучившись съ Ханенкомъ, гетманомъ польской стороны, переправился на лѣвую сторону Днѣпра не для чего иного, какъ «для всѣянія между народомъ бунта, а также и для того, чтобы склонить полтавскій и гадячскій полки на сторону Ханенка»; въ заключеніе челобитчики просили царя, чтобы онъ указалъ, какъ поступить съ пойманнымъ Сиркомъ. Черезъ 36 лѣтъ послѣ этого событія сами украинцы взятіе Сирка и отправку его въ Москву ставили полковнику Жученку въ особенную заслугу: «Если въ ту пору чрезъ Сирка не начались смятенія и расколы между украинскимъ народомъ, то тому запобѣгъ панъ Жученко съ единомысленнымъ ему товариствомъ, потому что послѣ этого собрана была, при полномъ спокойствіи, въ Козацкой-Дубравѣ рада и на ней, безъ препятствія со стороны низовыхъ козаковъ, остался выбраннымъ въ гетманы Иванъ Самойловичъ» [1]).

[1]) Бантышъ-Каменскій. Источники. Москва, 1857 II, 147.

Такъ или иначе, но на листъ челобитчиковъ царь Алексѣй Михайловичъ поспѣшилъ отвѣтить грамотою на имя Григорія Ромодановскаго о томъ, чтобы онъ немедленно прислалъ Сирка въ Москву, такъ какъ стало извѣстно, «что генеральная старшина и все войско запорожское и чернь того Ивана Сѣрка хотятъ обрать гетманомъ». Царское приказаніе было исполнено въ точности: Сирко былъ доставленъ въ Москву, а изъ Москвы отправленъ въ Сибирь, въ городъ Тобольскъ. Бѣжавшій изъ Тобольска генеральный асаулъ малороссійскаго войска Павелъ Грибовичъ, сосланный вмѣстѣ съ Демьяномъ Многогрѣшнымъ въ Сибирь, разсказывалъ, что Сирко думалъ о побѣгѣ изъ Сибири, но только этого не случилось [1]). Не случилось же этого потому, что о Сиркѣ давно уже хлопотали, чтобы вернуть его изъ Сибири. Дѣло въ томъ, что въ это время надвинулась мрачная туча на Россію и Польшу—это турецкій султанъ Магометъ IV, а за-одно съ нимъ крымскій ханъ Селимъ-Гирей и заднѣпровскій гетманъ Дорошенко, одинаково страшные какъ для Россіи, такъ и для Польши.

Весной 1672 года турки, въ числѣ 300.000 человѣкъ, перешли Дунай, вторглись въ Подолію и ринулись на польскій городъ Каменецъ. Въ короткое время городъ былъ взятъ, православныя и католическія церкви его были обращены въ мечети, знатныя женщины разобраны въ гаремы, многіе христіанскіе мальчики обрѣзаны и обращены въ мусульманскую вѣру; одинъ обрѣзанъ былъ даже въ соборной церкви, въ присутствіи султана. Взявъ Каменецъ, турки распространили слухъ, что скоро двинутся на Кіевъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, напуганный этою вѣстью, распорядился послать въ Кіевъ воеводой князя Юрія Петровича Трубецкаго и обѣщалъ, въ случаѣ прихода султана, лично идти защищать Кіевъ. Гроза, однако, на время прекратилась: разоривъ Каменецъ, султанъ пошелъ на зимовку за Дунай, ханъ—въ Крымъ, а Дорошенко—въ Чигиринъ. Но это было лишь временное прекращеніе наступательныхъ дѣйствій со стороны турокъ на Украйну. Чувствуя бѣду и зная по опыту, какъ трудно бороться съ турками, Россія и Польша рѣшили въ тяжелую годину подать одна другой руку помощи, чтобы противостать грознымъ врагамъ. Само собою разумѣется, въ этомъ дѣлѣ безъ запорожцевъ обойтись ни въ какомъ случаѣ было нельзя. Вспомнивъ о запорожцахъ, вспомнили и о Сиркѣ.

И вотъ въ 1672 году, 5 іюля, прибылъ въ Москву польскій

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, IX, 850, 851, 892; XI, 361, 336.

посолъ Христофоръ Ковалевскій; между разными другими вопросами онъ поставилъ и вопросъ о возвращеніи Сирка изъ Сибири «на общую услугу» московскаго царя и польскаго короля: «Тотъ Сирко, служа обоимъ великимъ государямъ, непрестанно надъ общимъ непріятелемъ, надъ крымскимъ ханомъ, промыслъ чинилъ и взялъ было мурзу, за котораго ему давали выкупа 50 человѣкъ ясыря да 3.000 ефимковъ; но по наученью измѣнника Дорошенка того Сирка въ черкасскихъ городахъ ограбили и мурзу отняли; кромѣ того взяли у него 400 золотыхъ да 7 лошадей и послали его къ царскому величеству, назвавъ его безвинно бунтовщикомъ. А теперь Дорошенко писалъ бѣлгородской ордѣ и татарамъ (крымскимъ), чтобы они шли къ нему безопасно, потому что онъ того Сирка извелъ и помѣшки-де уже отъ него имъ не будетъ». Посолъ настоятельно просилъ царя отпустить Сирка съ нимъ немедленно и немедленно же отправить его подъ Бѣлую-Церковь, для отпора противъ непріятелей.

Хлопотали о возвращеніи Сирка и сами запорожцы: они писали письмо къ гетману Ивану Самойловичу, въ которомъ «всѣ смиренно и покорственно просили его, какъ благодѣтеля своего, донести прошеніе къ его царскому пресвѣтлому величеству, чтобы Сирко, по его челобитью, отпущенъ былъ къ козакамъ для лутчего промыслу надъ непріятелемъ» [1]).

Въ слѣдъ за письмомъ Самойловичу запорожцы послали письмо боярину Артемону Сергѣевичу Матвѣеву: «Благодѣтелю нашему многомилостивому, объ отчинѣ нашей Малороссіи и объ насъ, войскѣ запорожскомъ, многочестному ходателю и всякихъ щедротъ давцу нижайшее наше поклоненіе посылаемъ и смиренно молимъ: умилосердись яко отецъ надъ чады, чтобъ милостивымъ твоимъ ходатайствомъ калмыки и чайки и хлѣбные запасы присланы были къ намъ и полевой нашъ вождь добрый и правитель, бусурманамъ страшный воинъ, Иванъ Сѣрко къ намъ былъ отпущенъ для того, что у насъ второго такого полеваго воина и басурманамъ гонителя нѣтъ; бусурманы, слыша, что въ войскѣ запорожскомъ Ивана Сирка, страшнаго Крыму промышленника и счастливаго побѣдителя, который ихъ всегда поражалъ и побивалъ и христіанъ изъ неволи освобождалъ, нѣтъ, радуются и надъ нами промышляютъ» [2]).

Вынужденный крайними обстоятельствами, царь Алексѣй Михайловичъ долженъ былъ уступить просьбамъ поляковъ и запо-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XI, 11, 15, 113.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1672, № 27, св. 38.

рожцевъ и вернуть Сирка изъ Сибири въ Сичу. Даруя Сирку свободу, Алексѣй Михайловичъ, однако, заставилъ его принести присягу въ царскихъ палатахъ, въ присутствіи патріарха Питирима, всего освященнаго собора, ближнихъ бояръ Юрія Долгорукова и Артемона Матвѣева и думныхъ людей, о томъ, чтобы «служить его царскому величеству вѣрно и ни на какія прелести не склоняться, и подущенія никакого не слушать, и словъ непристойныхъ не вмѣщать. Отпускаю тебя,—сказалъ царь Сирку,—по заступленію вѣрнаго нашего подданнаго гетмана Ивана Самойловича, потому что царское слово не перемѣнно, писалъ я и къ запорожцамъ, что отпущу и отпускаю». Января 12 дня царь Алексѣй Михайловичъ извѣщалъ грамотой кошевого Лукьяна Андреева черезъ запорожскихъ посланцевъ о скоромъ отпускѣ на Сѣчь Сѣрка [1]).

Узнавъ о томъ, что царь Алексѣй Михайловичъ даровалъ свободу Ивану Сирку, польскій король Михаилъ Вишневецкій, 15 декабря, 1672 года, послалъ царю грамоту, въ которой благодарилъ его за то, что «онъ на королевское прошеніе учинилъ и Сѣрка изъ-за третейскаго суда выпустить повелѣлъ». Однако, ни въ декабрѣ, ни въ январѣ мѣсяцѣ Сирка все еще не было въ Запорожьѣ, и причиной тому были козни его зложелателя, гетмана Самойловича: 15 февраля 1673 года Самойловичъ писалъ въ Москву письмо извѣстному и весьма вліятельному боярину Артемону Сергѣевичу Матвѣеву, котораго «пильно» просилъ задержать Сирка въ Москвѣ, если онъ будетъ привезенъ туда изъ Сибири, «а для какихъ причинъ, объ этомъ скажетъ очевидецъ Семіонъ протопопа(ъ) нѣжинскій, вскорѣ имѣющій прибыть въ Москву» [2]). Только съ половины лѣта 1673 года мы видимъ Сирка на Запорожьѣ.

Въ іюнѣ 26 дня пріѣхали изъ Запорожья въ Гоголевъ торговые люди съ рыбой и разсказывали гоголевскому священнику Исакію, что Иванъ Сирко «взялъ взятьемъ и разорилъ крымскій городъ Асламъ (Арсланъ) и много людей въ полонъ захватилъ, а сдѣлалъ онъ это потому, что въ прежнее время отъ Асламъ-города запорожскимъ казакамъ «тѣснота великая бывала». Іюля 20 дня царь спрашивалъ у Сирка извѣстіи о поведеніяхъ запорожцевъ и о промыслахъ надъ татарами и турками. Сирко августа 21 дня извѣщалъ царя черезъ посланца своего, бывшаго кошеваго атамана Дениса Кривоноса, о промыслѣ своемъ надъ турскимъ городомъ Очако-

[1]) Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, 1673, № 3, св. 38.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XII, 538; XI, 91, 140; Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1673, № 23, св. 38.

вомъ и просилъ царя о присылкѣ въ Сичь пушекъ ломовыхъ, гранатъ, ракетъ, сипошъ, трубъ и мастера, который умѣлъ бы стрѣлять. На листъ Сирка царь отвѣчалъ милостивой за промыселъ грамотой и извѣщалъ кошевого о посылкѣ въ Сичь всѣхъ просимыхъ боевыхъ запасовъ [1]). Разоривъ Асламъ и Очаковъ города, Сирко съ низовья Днѣпра поднялся на Украйну и здѣсь сталъ преслѣдовать татаръ, дѣйствовавшихъ противъ русскихъ и поляковъ за-одно съ турками, стоявшими у Каменца-Подольскаго: «Татарское войско нынѣ въ сборѣ есть и стоятъ на границѣ за Чигиринымъ; а войною тѣхъ татаръ никуда не пропускаетъ Сѣрикъ съ запорожскими козаками». Въ концѣ сентября Сирко извѣщалъ гетмана Самойловича, что онъ былъ съ козаками на Муравскомъ шляху, и, встрѣтивъ тамъ татарскій загонъ, помощью божьею и счастьемъ его царскаго пресвѣтлаго величества разгромилъ его, взялъ много языковъ и послѣ этого счастливо возвратился въ Сичь. Въ слѣдъ за этимъ переяславскій полковникъ Дмитрій Райча въ письмѣ къ князю Юрію Трубецкому доносилъ: «Извѣщаю тебя, благодѣтеля моего, что 23 сентября 1673 года козаки моего переяславскаго полка, бывшіе на Запорожьѣ, пріѣхавъ ко мнѣ, сообщили мнѣ, что въ сихъ временахъ многихъ изъ моихъ и другихъ полчанъ, шедшихъ на Запорожье, татарская орда въ 8.000 человѣкъ разгромила и порубила, а кошевого атамана запорожскаго, Ивана Сирка, обступивъ въ степи, три дня добывала, но, не сдѣлавъ ему никакого вреда, пошла подъ слободскіе города и села его царскаго пресвѣтлаго величества». Ноября 21 дня царь Алексѣй Михайловичъ послалъ Ивану Сирку грамоту съ извѣстіемъ объ отправленіи, по просьбѣ польскаго короля, противъ татаръ и турокъ, князя Григорія Ромодановскаго и гетмана Ивана Самойловича съ войсками; тутъ-же царь приказывалъ и кошевому «чинить всякими образами нападеніе на помянутыхъ враговъ» [2]). Скоро послѣ этого Сирко, оставивъ Сичу и взявъ съ собою 10.000 козаковъ и нѣсколько сотъ калмыковъ, двинулся сперва въ Крымъ, оттуда выскочилъ въ Волошскую землю на помощь польскому королю. Перебравшись за Бугъ, онъ сжегъ городъ Тягинъ, опустошилъ Бѣлогородчину и расположился съ войскомъ въ Чечельникѣ [3]).

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Источники малорос. исторіи, Москва, 1858, I, 248; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Москва, 1828, IV, 287.

[2]) Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, 1673, № 35, св. 39.

[3]) Акты южной и западной Россіи, XI, 342; Собраніе государств. грамотъ и договоровъ, Москва, 1828, IV, 292.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Появленіе въ Сичи царевича Семіона Алексѣевича.—Примѣты его по разсказамъ вождя Міюсскаго.—Принятіе и допросъ царевича Сиркомъ.—Повѣсть царевича о своемъ уходѣ изъ Москвы.—Отправка царскихъ пословъ Чадуева и Щоголева къ Сирку съ приказаніемъ выдачи самозванца имъ. — Встрѣча запорожцевъ съ царскими послами на Украйнѣ и въ самомъ Запорожьѣ и разговоръ о царевичѣ.—Прибытіе пословъ въ Сичу.—Объясненіе ихъ съ Сиркомъ въ куренѣ и съ царевичемъ возлѣ посольской избы. — Негодованіе запорожцевъ противъ пословъ.—Войсковая рада и смертный приговоръ посламъ. — Успокоительное дѣйствіе Сирка на козаковъ.—Частная бесѣда Сирка съ послами и перечисленіе имъ всѣхъ винъ царя въ отношеніи Сирка. — Недовѣріе запорожцевъ къ московскимъ посламъ и отправка въ Москву собственныхъ.—Удержаніе царевича запорожцами въ Сичи.—Возвращеніе пословъ въ Москву и разсказъ ихъ обо всемъ видѣнномъ въ Запорожьѣ.

Въ то время, когда Сирко промышлялъ подъ Тягиномъ, въ это самое время, въ началѣ зимы 1673 года, въ Сичи произошло дѣло, до того времени неслыханное въ Запорожьѣ: объявился царевичъ Семіонъ, назвавшій себя сыномъ царя Алексѣя Михайловича. Онъ находился сперва на рѣчкѣ Самарѣ, лѣвомъ притокѣ Днѣпра, а оттуда спустился къ Чортомлыку, въ самую Сичь [1]. Не смотря на то, что въ Сичи въ это самое время открылась чума, занесенная торговымъ человѣкомъ изъ Каменца-Подольскаго и «уязвившая два запорожскихъ куреня», шкуринскій и батуринскій, не смотря на это, «въ тотъ часъ, въ вѣдѣньѣ всѣхъ козаковъ, пріѣхалъ на конехъ, называясь быти царевичъ, и сталъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Косаговъ великаго государя съ ратными людьми стоялъ до приходу Сѣркова». На видъ этотъ человѣкъ былъ хорошъ и тонокъ, долголицъ, не румянъ и не русявъ, нѣсколько смугловатъ, мало разговорчивъ, очень молодъ, всего около 15 лѣтъ, на тѣлѣ имѣетъ

[1]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Москва, 1882, IV, 325.

какіе-то два знамени—орлы да сабли кривыя; одѣтъ въ зеленый, подшитый лисицами, кафтанецъ; съ нимъ прибыло восемь человѣкъ донцевъ съ вождемъ Иваномъ Міюсскимъ, хохлачемъ по рожденію. Міюсскій подъ клятвою сказалъ запорожскому судьѣ, будто у называющагося царевичемъ на правомъ плечѣ и на рукѣ есть знамя, похожее на царскій вѣнецъ.

Прибывъ въ Сичь, царевичъ ожидалъ пріѣзда Сирка въ теченіи цѣлой недѣли, а по истеченіи недѣли, узнавъ, что Сирко приближается къ Сичѣ, распустилъ знамена и вышелъ къ кошевому на встрѣчу. Сирко принялъ его такъ же, какъ и принялъ другихъ козаковъ. Оставивъ войско за городомъ, Сирко одинъ пошелъ въ Сичь для того, чтобы прочесть письма, присланныя ему гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ и хранившіяся до пріѣзда кошевого въ войсковой скарбницѣ. Выслушавъ письма, Сирко вновь вышелъ за городъ и, ставъ на другомъ мѣстѣ, послалъ за царевичемъ. Когда царевичъ пришелъ, то Сирко сперва пригласилъ его сѣсть между собой и знатнымъ запорожскимъ козакомъ Григоріемъ Пелехомъ, а потомъ спросилъ: «Слышалъ я отъ своего наказнаго, что ты называешься сыномъ какого-то царя; скажи правду, боясь Бога, потому что ты очень молодъ: нашего-ли ты, великаго государя и великаго князя Алексѣя Михайловича сынъ или другого какого-нибудь, находящагося подъ высокодержавной рукой его, скажи истинную правду, чтобы мы не были обмануты тобой такъ, какъ иными, бывшими въ войскѣ, плутами». На эти слова Сирка молодой человѣкъ, поднявшись съ мѣста и снявъ шапку, отвѣтилъ какъ бы плача: «Не надѣялся я на то, чтобы ты сталъ стращать меня, хотя и вижу, что оно такъ дѣлается. Богъ мнѣ свидѣтель, я настоящій сынъ вашего великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великой и Малой и Бѣлой Россіи самодержца, а не иного кого». Услышавъ то, Сирко снялъ шапку и, вмѣстѣ со своими товарищами, поклонился царевичу до земли, а послѣ поклона, также вмѣстѣ съ товарищами, сталъ угощать его питьемъ. Царевичъ не отказывался отъ питья, но все время стоялъ и смотрѣлъ въ землю. Послѣ этого бывшій въ Сичи гетманскій посолъ Зубъ спросилъ: «Будешь-ли ты писать своею рукой къ гетману, а главнымъ образомъ къ своему батюшкѣ, къ великому государю, объявишь-ли о себѣ?» На это царевичъ отвѣчалъ: «господину гетману шлю поклонъ изустно, а къ батюшкѣ писать трудно,—опасаюсь, чтобы мое письмо не по-

палось въ руки боярамъ; такого же человѣка, который бы могъ передать мое письмо прямо въ руки государя, мнѣ не отыскать, и ты, кошевой атаманъ, смилуйся надо мной и никому изъ русскихъ людей о томъ не объявляй. Изъ царскаго дома я отлучился потому, что сосланъ былъ въ Соловецкій монастырь; въ бытность же на острову Степана Разина, я тайно къ нему перешелъ и до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ взятъ, я при немъ состоялъ, а потомъ съ козаками на Хвалынскомъ морѣ ходилъ и струги гулящимъ нанималъ; послѣ того на Донъ перешелъ, а теперь хочу въ Кіевъ и къ польскому королю ѣхать». Къ этимъ словамъ царевича вождь Иванъ Міюсскій добавилъ потомъ Сирку, что дѣйствительно на тѣлѣ царевича имѣются знаки, похожіе на царскій вѣнецъ.

Узнавъ о появленіи въ Запорожьѣ царевича Семіона, царь Алексѣй Михайловичъ, при всей своей тревогѣ относительно наступленія турокъ на Украйну, немедленно послалъ къ гетману Самойловичу и отъ него къ кошевому Сирку въ Запорожье сотника Василія Чадуева да подъячаго Семена Щоголева и наказалъ имъ, по пріѣздѣ къ гетману Самойловичу и кошевому Сирку, говорить такое слово: «Вѣдомо великому государю, по письму гетмана, что на Запорожьѣ, въ то время, когда Сирко былъ подъ Тягиномъ, объявился съ Дону воръ [1]) и самозванецъ, 15 лѣтъ, а съ нимъ 8 человѣкъ донскихъ козаковъ и вождь имъ всѣмъ Ивашка Міюска; и назвался онъ, самозванецъ, сыномъ его царскаго величества, блаженной памяти царевичемъ Семіономъ Алексѣевичемъ... И Сирко принялъ его ласково, кланялся и питьемъ потчивалъ. Теперь великій государь приказалъ объявить гетману и кошевому, что благовѣрный государь царевичъ, Семіонъ Алексѣевичъ, родился въ 1665 году, апрѣля 3 дня, а скончался въ 1669 году, іюня 18 дня и погребенъ въ церкви архистратига Михаила при патріархахъ, митрополитахъ и архіепископахъ русскихъ и при папѣ, патріархѣ вселенскомъ и судьѣ Паисіѣ александрійскомъ, о чемъ извѣщено было особыми грамотами гетману и кошевому; а со дня рожденія и до дня смерти царевичу было всѣхъ лѣтъ 4, въ нынѣшній же годъ, еслибы онъ многолѣтствовалъ, было бы 9, а не 15 лѣтъ». Послѣ изложенія рѣчи Чадуеву и Щоголеву велѣно было просить гет-

[1]) Въ древней Руси со словомъ «воръ» соединялось понятіе о бѣглецѣ, бродягѣ.

мана, чтобы онъ далъ имъ, Чадуеву и Щоголеву, двухъ или трехъ асауловъ или войсковыхъ товарищей и отправилъ бы въ Запорожье. Пріѣхавъ же въ Запорожье говорить кошевому и всему посполыству, что принимать имъ вора и самозванца вовсе не годилось бы и что кошевой, памятуя, какое онъ далъ клятвенное обѣщаніе при отпускѣ изъ Москвы, въ присутствіи царя, бояръ и думныхъ людей, долженъ былъ бы вышеупомянутаго вора и обманщика съ его единомышленникомъ Міюскою и товарищами прислать къ великому государю въ Москву. А какъ этого не сдѣлано, то царь требуетъ, чтобы кошевой атаманъ Иванъ Сирко и все посполыство поспѣшили отдать всѣхъ тѣхъ воровъ и обманщиковъ Чадуеву, Щоголеву и гетманскимъ посланцамъ, придавъ имъ, сколько нужно, изъ Коша провожатыхъ, а сверхъ сего внушить имъ, кошевому и посполыству, что по ихъ челобитью и по царскому указу, къ нимъ посланы ломовыя пушки, нарядныя ядра, пушечный мастеръ, умѣющій стрѣлять ядрами, сипоши и сукна, какъ въ прошломъ годѣ, а за все это они бы вѣрно царю служили и надъ крымскими людьми всякій промыселъ чинили».

Послы выѣхали изъ Москвы 14 декабря 1673 года, а 21 декабря прибыли въ Батуринъ и изложили гетману все, что имъ было наказано. Гетманъ, выслушавъ ихъ слово, объявилъ, что ѣхать теперь въ Запорожье нельзя, потому что ему еще неизвѣстно, прекратилось-ли тамъ моровое повѣтріе или нѣтъ; гетманъ совѣтовалъ посламъ подождать собственныхъ посланцевъ, которыхъ онъ отправилъ въ Сичь и черезъ которыхъ онъ написалъ кошевому Сирку съ товарищами, чтобы онъ самозванца, прояву, вора и плута прислалъ бы къ нему, гетману, со своими козаками; но опасается, однако, что запорожцы едва-ли исполнятъ его приказаніе; они говорятъ, что они войско вольное,—къ нимъ кто хочетъ приходитъ по волѣ и отходитъ также. Принявъ пословъ въ Батуринѣ, гетманъ ушелъ вмѣстѣ съ ними въ Гадячъ, а изъ Гадяча отъѣхалъ въ мѣстечко Омельникъ на рѣчкѣ Пслѣ; въ Омельникѣ онъ узналъ отъ запорожца Пелеха съ товарищами, что Сирко изъ Запорожья вышелъ и отправился на морскіе разливы, а выходя изъ Сичи, онъ отдалъ приказъ, чтобы козаки царевича почитали и всякую честь ему воздавали; отъ того же Пелеха гетманъ узналъ, что его посланцы задержаны въ Сичи, а для чего это сдѣлано, неизвѣстно. Изъ Омельника московскіе посланцы, разставшись съ гетманомъ, поѣхали въ мѣстечко Келеберду на лѣвомъ берегу

Днѣпра. Въ Келебердѣ они встрѣтились съ запорожскимъ козакомъ Максимомъ Щербакомъ, который, узнавъ, зачѣмъ ѣхали царскіе послы въ Сичу, сталъ имъ говорить такія рѣчи: «Знаете-ли вы Щербака донского, а онъ знаетъ, зачѣмъ вы Василій и Семенъ посланы въ Запорожье; ѣхать вамъ туда нечего, даромъ пропадете, потому что на Запорожьѣ объявился настоящій царевичъ, и я про то все и знаю и вѣдаю: тотъ царевичъ дѣда своего по плоти Илью Даниловича Милославскаго ударилъ блюдомъ и отъ того ушелъ, и по всей Москвѣ слава носилась, что то была правда, а я въ то время сидѣлъ въ тюрьмѣ въ Москвѣ, а потомъ, по челобитью Демьяна Многогрѣшнаго, былъ освобожденъ и ушелъ на Донъ, а съ Дона—на Запорожье». На эти слова Максима Щербака Чадуевъ и Щоголевъ отвѣчали, что тотъ царевичъ—воръ, плутъ, самозванецъ и обманщикъ. Въ отвѣтъ на это Щербакъ сказалъ имъ, чтобы они плюнули сами себѣ въ очи и завязали свои рты, потому что за такую рѣчь свою примутъ злую смерть. Изъ Келеберды московскіе послы спустились въ мѣстечко Кишенку при рѣчкѣ Ворсклѣ и тутъ встрѣтились съ гетманскими посланцами и съ запорожскими козаками, сопровождавшими посланцевъ. Гетманскіе посланцы объявили Чадуеву и Щоголеву, что Ивана Сирка дѣйствительно нѣтъ въ Сичи и что онъ находится на морскихъ разливахъ. Что же касается самаго войска запорожскаго, то оно, выслушавъ письмо гетмана о самозванцѣ, стало смѣяться надъ гетманомъ и поносить непристойными и грубыми словами московскихъ бояръ, а самозванца, по приказу Сирка, величало царевичемъ, писать гетману вовсе отказалось, а вмѣсто того писалъ къ нему самъ самозванецъ и письмо свое запечаталъ собственною печатью, схожею съ печатью царскаго величества. Печать же ту сдѣлали ему запорожцы изъ скарбничныхъ ефимковъ и вѣситъ она 30 золотниковъ; кромѣ того запорожцы сдѣлали ему тафтяное съ двуглавымъ орломъ знамя и сшили хорошее платье. При отпускѣ гетманскихъ посланцевъ самозванецъ, пришедъ въ раду, всячески безчестилъ гетмана, называя его глупымъ человѣкомъ за то, что онъ именовалъ его воромъ и обманщикомъ, а самимъ посланцамъ сказалъ, что если бы у нихъ не прѣсныя души, то онъ велѣлъ бы повѣсить ихъ; если же гетману надо знать его, то пусть онъ пришлетъ осмотрѣть его обознаго Петра Забѣлу да судью Ивана Домонтовича; а въ концѣ всѣхъ рѣчей сказалъ, что бояре именемъ царскаго величества много разъ будутъ за нимъ, царевичемъ, присылать

съ грамотами знатныхъ бояръ, но только онъ раньше трехъ лѣтъ никуда не поѣдетъ, а будетъ ходить въ Черное море и въ Крымъ, а кто будетъ присланъ, даромъ не пробудетъ.

Такъ говорили о самозванцѣ посланцы гетмана, а запорожцы, сопровождавшіе ихъ, называли того самозванца истиннымъ царевичемъ и угрожали московскимъ посламъ за него смертью. Съ тѣми же гетманскими посланцами прибыли изъ Запорожья въ Кишенку челядникъ Василія Многогрѣшнаго Лучка и товарищъ самозванца Мерешка. Лучка сказалъ московскимъ посламъ, чтобы они на Запорожье не ѣздили, потому что козаки встрѣтятъ ихъ выше Сѣчи въ Кодакѣ и тамъ повѣсятъ, а царевича выдать и не подумаютъ, потому что онъ настоящій царевичъ и самъ Лучка, долго живя съ нимъ, видѣлъ на тѣлѣ его природные красные знаки: царскій вѣнецъ, двуглавый орелъ и мѣсяцъ съ звѣздой. Мерешка же добавилъ къ этому то, что онъ пришелъ съ царевичемъ съ Дона, а почему онъ именуетъ себя царскимъ сыномъ, того не знаетъ. Въ ту же Кишенку пріѣхалъ и посланецъ Ивана Сирка, Игнатъ Оглобля, направлявшійся изъ Сѣчи въ Украйну къ гетману Самойловичу. Въ разговорѣ съ московскими послами Оглобля сказалъ, что кошевой атаманъ Сирко находится уже въ Сѣчи, прибылъ онъ съ морскихъ разливовъ въ Сѣчу на сырной недѣлѣ и за царевича называлъ Василія Чадуева собачьимъ сыномъ и намѣревался убить его.

Узнавъ о настроеніи Сирка и всего товариства, послы взяли для собственной безопасности нѣкоторыя мѣры: они схватили Щербака, Лучку, Мерешку и Оглоблю и отправили ихъ къ гетману, которому наказали держать ихъ до тѣхъ поръ, пока послы вернутся изъ Запорожья на Украйну. Въ той же Кишенкѣ послы узнали, что Сирко прислалъ изъ войсковой скарбницы въ мѣстечко Переволочну къ нѣкоему Петру Перекресту 40 ефимковъ на покупку самозванцу всякихъ столовыхъ запасовъ. И тотъ Перекрестъ, закупивъ столовые запасы по росписи, отвезъ все въ Запорожье, а кошевой съ товарищами все купленное отдалъ самозванцу.

Собравъ всѣ свѣдѣнія и обезопасивъ себя заложниками, московскіе послы написали гетману о томъ, что имъ пора уже ѣхать на Запорожье, для чего просили его прислать имъ посланцевъ и провожатыхъ. По письму пословъ гетманъ отправилъ генеральнаго асаула Черняченка и позволилъ посламъ взять изъ полтавскаго полка 40 человѣкъ козаковъ охраны. Тогда послы, снявшись 1 марта съ Ки-

шенки, поѣхали въ Запорожье. Дорогою они наѣхали на рѣчкѣ Томаковкѣ, въ 10 верстахъ отъ Сичи [1], на запорожскихъ козаковъ, бывшихъ кошевыхъ атамановъ Евсевія Шапола и Лукьяна Андреева и другихъ знатныхъ козаковъ, кормившихъ своихъ лошадей, за недостаткомъ травы́ въ Сичи, возлѣ рѣчки Томаковки; съ ними былъ и вождь царевича Иванъ Міюсскій. Тутъ асаулъ Черняченко сталъ потчивать всѣхъ встрѣтившихся запорожцевъ водкой. Во время угощенія Иванъ Міюсскій признался одному изъ полтавскихъ козаковъ, что запорожцы не выдадутъ самозванца, потому что вѣрятъ въ него, какъ въ истиннаго царевича и что онъ воленъ у нихъ во всемъ и собирается побывать въ Крыму. Поговоривъ съ послами, всѣ запорожцы съ Иваномъ Міюсскимъ двинулись, для прокормленія лошадей, отъ рѣчки Томаковки въ урочище Тарасовское, къ правому берегу Днѣпра; одинъ только Лукьянъ Андреевъ остался у Томаковки, потому что онъ долженъ былъ переправить пословъ черезъ рѣчку въ собственной лодкѣ, которую онъ привезъ на собственной лошади. Въ то время, когда послы стали перевозиться черезъ рѣку, въ это самое время пріѣхали на перевозъ и запорожскіе козаки, Иваникъ съ товарищами, числомъ 11 человѣкъ, и стали просить водки. На это Лукьянъ Андреевъ сталъ ихъ спрашивать, зачѣмъ они пріѣхали и сталъ называть ихъ ворами и разбойниками, два раза уже побившими и разграбившими царскихъ посланниковъ, а теперь, очевидно, имѣвшихъ намѣреніе побить и разграбить въ третій разъ. Послѣ этого онъ сталъ торопить Чадуева и Щоголева скорѣе переправляться черезъ рѣку и идти дальше къ Сичи. Когда послы переправились, то Иваникъ и его товарищи, прибивъ Лукьяна Андреева, оставили Томаковку и поѣхали за другими козаками въ Тарасовское. На прощанье Лукьянъ Андреевъ сказалъ посламъ, что по пріѣздѣ ихъ въ Сичу самозванецъ будетъ надъ ними озорничать и всячески «оказываться».

Девятаго марта 1674 года царскіе послы прибыли наконецъ въ Сичу. Кошевой атаманъ Иванъ Сирко и все посполъство вышли къ нимъ за городъ и посовѣтовали имъ остановиться за Сичею, для чего отвели греческую избу на берегу рѣчки Чортомлыка. А асаулу Черняченку съ провожатыми велѣли войти въ городъ и размѣститься по куреням, гдѣ кто пожелаетъ. Въ это же время

[1]) Нужно разумѣть верховье Чортомлыка, гдѣ онъ дѣйствительно подходилъ къ рѣчкѣ Томаковкѣ верстъ на 10.

пріѣхали съ морскихъ разливовъ знатные козаки, Власъ съ товарищами, и привезли съ собой шесть татаръ и нѣсколько татарскихъ писемъ, обшитыхъ тафтой. Десятаго марта кошевой атаманъ Иванъ Сирко, собравъ къ себѣ въ курень судью, писаря, куренныхъ атамановъ, знатныхъ козаковъ-радцевъ, а вмѣстѣ съ ними и московскихъ пословъ Чадуева и Щоголева, объявилъ, что десятаго числа у козаковъ рады не будетъ и потому царской грамоты на этотъ разъ они принять не могутъ; причина жъ тому та, что въ этотъ день будутъ переводиться татарскія письма, а когда письма будутъ переведены, то въ одной радѣ козаки выслушаютъ и письма, и царскую грамоту; письма же тѣ посланы изъ Крыма въ Волошскую землю къ татарскому войску, съ нарочными гонцами и если въ тѣхъ письмахъ окажутся какія-нибудь свѣдѣнія о военныхъ замыслахъ турокъ и татаръ, то они всѣ тѣ письма пошлютъ къ царскому величеству. Послѣ этихъ словъ кошевой атаманъ Сирко, куренные атаманы и козаки-радцы спросили у пословъ: «Для какихъ великаго государя дѣлъ они къ нимъ присланы, слышали, что за царевичемъ?» — «Не царевичъ онъ, а воръ, плутъ, самозванецъ, явный обманщикъ и богоотступника Стеньки Разина ученикъ», отвѣчали послы. На этотъ отвѣтъ кошевой съ товарищами говорилъ, что онъ самый истинный царевичъ Семіонъ Алексѣевичъ, желающій съ ними говорить и видѣться. Послы на это возразили, что присланы они отъ великаго государя къ кошевому атаману и ко всему войску не за тѣмъ, чтобы видѣться съ самозванцемъ, а за тѣмъ, чтобы взять его съ собой. На что запорожцы, въ свою очередь, отвѣтили, что покажутъ его посламъ на радѣ и что послы, услышавъ его рѣчь и всмотрѣвшись въ его лицо, признáютъ его за истиннаго царевича и поклонятся ему. Послы, услыхавъ такія слова, пуще того стали обличать и самозванца, и его вождя, а потомъ, послѣ всего этого, ушли изъ куреня кошеваго въ свою избу. Послѣ ухода пословъ кошевой атаманъ Сирко, судья Степанъ Бѣлый, писарь Андрей Яковлевъ и куренные атаманы чуть-ли не весь день пили у самозванца «и Сирко, упившись, будто спалъ». Часа за два до вечера самозванецъ всталъ, опоясался саблей и, въ сопровожденіи судьи, писаря, асауловъ и трехсотъ человѣкъ, напившихся пьяными, подошелъ къ избѣ, гдѣ стояли послы вмѣстѣ съ козаками: тутъ козаки стали требовать Семена Щоголева, чтобы онъ вышелъ изъ избы къ царевичу. Но Семенъ Щоголевъ не пошелъ, а вмѣсто него вышелъ въ сѣни Василій Чадуевъ и, отворивъ дверь, сталъ гово-

рить: «Кто спрашиваетъ и для какого дѣла Семена Щоголева?» На это самозванецъ отвѣтилъ къ нему: «Поди ко мнѣ». Василій Чадуевъ спросилъ его: «А ты что за человѣкъ?» — «Я царевичъ Семіонъ Алексѣевичъ». «Страшное и великое имя вспоминаешь, такого великаго и преславнаго монарха сыномъ называешься, чего и въ разумъ человѣческій не вмѣститься; царевичи по степямъ и по лугамъ такъ ходить не изволятъ; ты сатанинъ и богоотступника Стеньки Разина ученикъ и сынъ, воръ, плутъ и обманщикъ». Самозванецъ на эти слова Чадуева сталъ называть его съ товарищемъ брюхачемъ и измѣнникомъ и поносить всякими скверными словами, послѣ чего, обратившись къ козакамъ, сказалъ: «Смотрите, наши жъ холопы да намъ же досаждаютъ». А потомъ, выхвативъ саблю и со словами «я тебя устрою», бросился къ дверямъ избы на Чадуева. Чадуевъ, видя то, схватилъ пищаль и рѣшился убить самозванца. Но въ это время писарь Андрей Яковлевъ схватилъ самозванца поперекъ и унесъ его за хлѣбную бочку, а потомъ ушелъ съ нимъ въ городъ. Послѣ ухода самозванца оставшіеся на мѣстѣ козаки, забравъ полѣнья, стали приступать къ избѣ и разбирать крышу ея, всячески безчестя Чадуева и попрекая его за то, что онъ хотѣлъ государича застрѣлить. Видя бѣду, Чадуевъ, Щоголевъ и стрѣльцы, забравъ пищали, сабли и мушкеты и простясь между собой, стали ожидать смерти. Но потомъ, посидѣвши нѣсколько времени, достали государеву грамоту и стали говорить козакамъ, чтобъ они оставили ихъ до рады, а на радѣ выслушали бы царскую грамоту, что въ ней отъ великаго государя написано. Козаки успокоились, велѣли судьѣ и асаулу поставить возлѣ пословъ караулъ, чтобы они не ушли, потому что москали умѣютъ изъ рукъ уходить, и послѣ того одинъ по одному разошлись. Послѣ ихъ ухода явился полковникъ Алексѣй Бѣлицкій съ козаками и съ мушкетами и сталъ въ сѣняхъ, у самыхъ дверей избы, готовый во всякое время къ бою.

Того же дня, вечеромъ, кошевой атаманъ Сирко присылалъ отъ себя къ посламъ судью, писаря, асаула и куреннаго атамана Ѳедора Серебренника, которые говорили имъ такія рѣчи: «Худо вы, Василій и Семенъ, сдѣлали, что, будучи между войскомъ, хотѣли застрѣлить государича; 12 марта будетъ рада и въ той радѣ будетъ государичъ; что вы хотѣли его застрѣлить, теперь всѣмъ извѣстно, и если онъ надъ вами велитъ войску что-нибудь сдѣлать, то войско что огонь, по макову зерну разорвутъ». Чтобы

поправить ошибку, козаки совѣтовали посламъ, придя на раду, бить челомъ и кланяться въ землю государичу, чтобы онъ простилъ ихъ. «Если бы Семенъ Щоголевъ,—добавляли козаки,—вышелъ тогда, когда его вызывали, и сталъ бы обличать государича или невѣжливо передъ нимъ говорить, то, конечно, государичъ и за это и за прежнее обличеніе Семенова, саблею его срубилъ бы. А послѣ того, когда государича хотѣлъ Чадуевъ застрѣлить и когда онъ ушелъ отъ избы въ городъ, тогда, если бы онъ приказалъ пословъ съ ихъ людьми побить и въ Чортомлыкъ побросать, козаки сдѣлали бы, потому что они государича считаютъ за царевича и вѣрятъ, и слушаютъ его, и что прикажетъ, то и будутъ дѣлать». На это Чадуевъ и Щоголевъ отвѣтили: «Недобрый, небогоугодный и невѣрный слугъ поступокъ, что вы, называясь вѣрными слугами царскаго величества, просите и получаете его милости, а пословъ великаго государя, повѣря какому-то неизвѣстному вору, плуту и обманщику, убиваете и смерти предаете. Мы не на смерть къ вамъ посланы, а на радость и объявленіе премногой царской милости».

12 марта козаки, собравъ войсковую раду и отобравъ у пословъ ножи, пригласили ихъ съ царскою грамотою на раду, а съ ними вмѣстѣ приказали идти и четыремъ человѣкамъ караульщикамъ съ мушкетами. Послы, явившись въ раду и изложивъ всю рѣчь, какъ имъ было приказано, вручили кошевому Сирку царскую грамоту. Сирко, выслушавъ царскую грамоту, наказъ и гетманское письмо, обратился съ такою рѣчью къ запорожцамъ: «Братія моя, атаманы молодцы, войско запорожское, низовое, днѣпровое, какъ старый, такъ и молодой! Прежъ сего въ войскѣ запорожскомъ у васъ, добрыхъ молодцовъ, того не бывало, чтобы кому кого выдавали: не выдадимъ и этого молодчика». На это войско отвѣчало: «Не выдадимъ, господине кошевой!» Сирко снова заговорилъ: «Братія моя милая, какъ одного его выдадимъ, тогда и всѣхъ насъ Москва по одному розволокутъ (sic). А онъ не воръ и не плутъ, прямой царевичъ, и сидитъ, какъ птица въ клѣткѣ, и не передъ кѣмъ не виновенъ». На эти слова Сирка войско снова отвѣчало: «Пусть они того плута сами посмотрятъ въ очи, тогда узнаютъ, что то за плутъ. Ссылаются они на печать и на письмо, но самъ онъ (царевичъ) говоритъ, что все то пишутъ сами бояре и присылаютъ безъ царскаго указа и впредь будутъ присылать; пора ихъ либо утопить, либо руки и ноги обрубить». Во время этихъ

рѣчей самозванецъ стоялъ въ церкви и смотрѣлъ на раду черезъ окно. Между тѣмъ Сирко, выслушавъ страшное рѣшеніе рады относительно пословъ, снова заговорилъ: «Поберегите, братіе, меня, потерпите, наконецъ, и ради тѣхъ изъ нашихъ козаковъ, которые находятся у гетмана; помните, что послы, ради своей свободы, отослали ихъ къ гетману,—поэтому подержимъ ихъ живыми или одного изъ нихъ отпустимъ, чтобы какъ-нибудь своихъ освободить; впрочемъ, и то сказать: караулъ надъ ними крѣпкій, не уйдутъ. Братіе, атаманы, молодцы, войско запорожское! Пошлемъ мы къ Дорошенку, чтобы онъ отдалъ намъ на Кошъ клейноты войсковые да и самъ къ намъ пріѣхалъ; а онъ меня послушаетъ, потому что мнѣ кумъ; спасибо ему за то, что онъ по настоящее время не отдалъ тѣхъ войсковыхъ клейнотовъ Ромодановскому. Такая правда у того Ромодановскаго: когда побилъ Юрія Хмельницкаго и войсковые клейноты у него взялъ, то тѣхъ клейнотовъ имъ, войску запорожскому, не отдалъ, да и теперь также сдѣлаетъ, если Дорошенко отдастъ ихъ ему». Козаки на слова кошеваго отвѣчали: «Пошлемъ, господине кошевой; вели листы къ Дорошенку писать». Послѣ этого Сирко велѣлъ посламъ оставить раду и идти въ греческую избу, за городъ, въ сопровожденіи писаря и караульщиковъ. Но тутъ козаки снова заговорили: они настаивали на томъ, чтобы вывести царевича на раду и показать его посламъ и чтобы послы все по волѣ его учинили, а если не учинятъ, побить ихъ. На это Сирко возразилъ товариству: «Зачѣмъ же государичу по радамъ волочиться? Когда будетъ время, они увидятъ его и безъ рады и сдѣлаютъ все по волѣ его, а пока то время не пришло, отпустите ихъ». Вечеромъ того же дня пришли къ посламъ судья, писарь, асаулъ и самозванецъ; послѣдній былъ очень опечаленъ тѣмъ, что его не позвали въ раду и потому хотѣлъ видѣться съ послами; пришедшіе козаки объявили посламъ, что Сирко хочетъ свести ихъ съ царевичемъ въ своемъ куренѣ и заставить говорить съ нимъ. «Присланы мы отъ царскаго величества къ войску запорожскому по него, самозванца, а не бесѣдовать съ нимъ. И если кошевой это сдѣлаетъ и призоветъ насъ къ себѣ, имѣя въ своемъ куренѣ самозванца съ саблею, и самозванецъ тотъ начнетъ озорничать, то какая жъ тутъ правда? Мы какъ прежде, такъ тогда, какъ будемъ у кошеваго въ куренѣ, шеи не протянемъ».

13 марта кошевой атаманъ Сирко, созвавъ къ себѣ въ курень

куренныхъ атамановъ и знатныхъ козаковъ-радцевъ и пригласивъ туда же царскихъ пословъ съ генеральнымъ асауломъ Чернявенкомъ, обратился съ такою рѣчью къ посламъ: «Много вы, пріѣхавъ на Запорожье, поворовали, на великаго человѣка руку поднявъ, государича убить хотѣли, и за это смерти вы достойны. А намъ Богъ послалъ съ неба многоцѣнное жемчужное зерно и самоцвѣтный камень, чего искони вѣковъ у насъ въ Запорожьѣ не бывало. Самъ же онъ расказываетъ, какимъ образомъ изъ Москвы изгнанъ: былъ онъ однажды въ палатахъ своего дѣда по плоти, Ильи Даниловича Милославскаго; въ то время у Ильи Даниловича бесѣдовалъ о дѣлахъ нѣмецкій посолъ; и той рѣчи царевичъ помѣшалъ, за что Илья Даниловичъ невѣжливо отвелъ его рукою; тогда царевичъ, придя въ царскія палаты, сказалъ государынѣ Марьѣ Ильиничнѣ, что если бы ему, царевичу, дали хоть три дня на царствѣ побыть, то онъ всѣхъ нежелательныхъ ему бояръ немедленно перевелъ; а когда царица спросила у него, кого же именно онъ перевелъ бы, то царевичъ отвѣтилъ, что первѣе всѣхъ боярина Илью Даниловича, а за нимъ и другихъ. Тогда государыня бросила въ него ножомъ и ножъ тотъ воткнулся въ ногу царевичу, отъ чего царевичъ занемогъ. Послѣ этого царица велѣла стряпчему Михайлу Савостьянову окормить царевича, но тотъ стряпчій окормилъ вмѣсто царевича какого-то пѣвчаго, и лицомъ и возрастомъ схожаго съ царевичемъ, и, снявъ съ него платье, положилъ на столъ, а на мертваго положилъ иное; царевича же хранилъ втайнѣ три дня, потомъ нанялъ двухъ человѣкъ старыхъ нищихъ, одного безрукаго, другого кривого и, давъ имъ 100 червонцевъ, велѣлъ вывезти царевича изъ города въ небольшой тележкѣ подъ рогожей: нищіе вывезли и отдали его посадскому мужику, а тотъ мужикъ свелъ царевича къ Архангельской пристани. И царевичъ, проскитавшись тамъ многое время, пришелъ на Донъ и сталъ плавать со Стенькою Разинымъ по морю, въ качествѣ кашевара, не объявляя о настоящемъ своемъ званіи и называя себя Матюшкою. Только передъ тѣмъ, какъ Стеньку Разина забрали въ Москву, онъ объявилъ ему, подъ присягою, о себѣ, и Стенька зналъ его. Послѣ же Стеньки былъ на Дону какой то царскій посланецъ съ казной и тотъ посланецъ дарилъ царевича подарками; черезъ него царевичъ написалъ собственноручно письмо о себѣ царю, но того письма бояре до царскаго величества не допустили. А когда время настанетъ, то онъ пошлетъ къ царскому величе-

ству письмо о себѣ съ такимъ человѣкомъ, который самъ донесетъ его до царскаго величества». Въ заключеніе рѣчи Сирко отъ себя о царевичѣ прибавилъ, что сначала онъ мало ему вѣрилъ, но потомъ, когда въ наставшій постъ царевичъ началъ говѣть, то Сирко велѣлъ священнику на исповѣди подъ клятвой допросить, вѣрно-ли все то, о чемъ онъ разсказывалъ, и царевичъ подъ клятвой отвѣтилъ, что все сказанное имъ истинная правда, и послѣ этого пріобщился святыхъ таинъ. Оттого теперь, кто что объ немъ ни говори и ни пиши, всѣ вѣрятъ въ его царственное происхожденіе. И Сирко, перекрестясь, говорилъ, что это истинный царевичъ и что ни самъ царевичъ, ни войско не отказывается просить себѣ, что надо по росписи, а именно: на 3.000 съ небольшимъ человѣкъ по 10 аршинъ на человѣка въ годъ кармазинныхъ суконъ, кромѣ того денежной, свинцовой и пороховой казны, также ломовыхъ пушекъ, нарядныхъ ядеръ и мастера, который тѣми ядрами умѣлъ бы стрѣлять, сипоши же и чайки у нихъ будутъ. Послѣ Сирка говорилъ самъ самозванецъ; онъ сказалъ, что послы сами хорошо знаютъ, почему ни донскимъ, ни запорожскимъ козакамъ не даютъ ни жалованья, ни пушекъ, ни чаекъ, ни всякихъ воинскихъ запасовъ,— потому что царское величество къ нимъ милосердъ и много обѣщаетъ, а бояре и малаго не даютъ; а что до присланныхъ царскимъ величествомъ шиптуховыхъ суконъ, то имъ изъ нихъ досталось только по полтора локтя на человѣка и только тѣ, которые хотѣли купить, тѣ, скупая, сдѣлали себѣ кафтаны, другіе же изъ тѣхъ суконъ сшили себѣ сумки на кремни да пули. На рѣчь кошевого, куренныхъ атамановъ и козаковъ - радцевъ послы отвѣчали, чтобы они, оставивъ всѣ свои слова, отдали бы посламъ самозванца и отправили бы его со ста человѣками козаковъ къ его царскому величеству, за что его царское величество будетъ жаловать ихъ милостивымъ жалованьемъ. А на Кошъ за это присланы будутъ жалованье, сукна, ломовыя пушки, нарядныя ядра, мастеръ, зелье, свинецъ, сипоши и чайки. «А что тотъ истинный воръ, плутъ, самозванецъ и явный обманщикъ про себя объявлялъ, что онъ у вора, богоотступника и клятвопреступника Стеньки Разина былъ, то тому Стенькѣ, за его воровство, казнь учинена». Кошевой и куренные атаманы на это посламъ сказали: «Если мы и тысячу козаковъ съ нимъ пошлемъ, то на дорогѣ его отымутъ и до царскаго величества не допустятъ, а потому если придутъ за нимъ дворяне или воеводы съ ратными людьми, для взятія го-

сударича, то и тогда не отдадимъ его. Москва и насъ всѣхъ называетъ ворами и плутами, будто мы сами не знаемъ, что и откуда кто есть». Самъ кошевой атаманъ Сирко посламъ сказалъ: «Если государь, по приговору бояръ, за то, что мы не отдали царевича, пошлетъ къ гетману Самойловичу, чтобы онъ не велѣлъ пускать къ намъ въ Запорожье хлѣба и всякихъ харчей, какъ Демьянъ Многогрѣшный не пропускалъ, то мы, какъ тогда безъ хлѣба не были, такъ и теперь не будетъ, мы сыщемъ себѣ и другого государя, дадутъ намъ и крымскіе мѣщане хлѣба, и рады намъ будутъ, чтобы только брали, такъ же какъ во время гетманства Суховія давали намъ всякій хлѣбъ изъ Перекопа. А про царевича извѣстно и крымскому хану, который уже прислалъ къ намъ узнать объ немъ, на что̀ мы отвѣтили ему, что такой человѣкъ у насъ на Кошу дѣйствительно есть. И посланный хана самъ видѣлъ царевича. А къ тому же и турецкій султанъ нынѣшней весной непремѣнно хочетъ быть подъ Кіевъ и дальше; пусть цари между собой перевѣдаются, а мы себѣ мѣсто сыщемъ: кто силенъ тотъ и государь намъ будетъ. Жаль мнѣ Павла Грибовича: если бы онъ въ настоящее время былъ со мной, то зналъ бы я, какъ въ Сибирь черезъ поле засматривать, узнали бы тогда, каковъ жолнѣръ Сирко». Тотъ же Сирко присланному вмѣстѣ съ послами отъ гетмана Самойловича генеральному асаулу Черняченку сказалъ такое слово: «Какому они мужику гетманство дали, — онъ своихъ разоряетъ да и разорять-то не умѣетъ: по Днѣпру попласталъ, поволочился и, ничего добраго не сдѣлавъ, назадъ возвратился. Теперь у нихъ четыре гетмана: Самойловичъ, Суховіенко, Ханенко и Дорошенко, а ни отъ кого изъ нихъ ничего добраго нѣтъ: сидятъ дома да за гетманство, за маетности и за мельницы кровь христіанскую проливаютъ; лучше было бы Крымъ разорить да войну унять. А было время, когда войско, во время рады, меня спрашивало и гетманство хотѣло мнѣ дать, но Ромодановскій Самойловича гетманомъ сдѣлалъ,—не по войсковому онъ поступилъ и меня, Сирка, въ пропасть послалъ. Слышно, что многіе города той стороны и Лизогубъ теперь къ вашему гетману перешли,—а за то хвала Богу, что Лизогубъ къ гетману подлизался: онъ какъ лизнетъ, то и въ пяткахъ горячо будетъ. А когда бы мнѣ, Сирку, гетманство дали, то я бы не такъ сдѣлалъ. Да и теперь, если бы мнѣ хоти на одинъ годъ гетманство дали или гетманъ поповичъ [1]),

[1]) Иванъ Самойловичъ былъ сынъ священника западной стороны Днѣпра.

московскій обранецъ, далъ мнѣ четыре козацкихъ полка—полтавскій, миргородскій, прилуцкій и лубенскій,—то я бы зналъ, что съ ними дѣлать: весь Крымъ разорилъ бы». Вмѣсто Черняченка кошевому отвѣчали послы, что теперь съ бояриномъ и съ гетманомъ ратныхъ людей великаго государя около 400.000 и что Сирко можетъ идти къ нимъ и чинить промыслъ, гдѣ придется. «Теперь не прежнее время,—возразилъ Сирко посламъ,—больше не обманутъ меня. Раньше этого мнѣ отписалъ Ромодановскій на карткѣ государскую милость, и я, повѣря ему, поѣхалъ къ нему, а онъ продалъ меня за 2.000 червонныхъ».—«А кто же тѣ червонные за тебя далъ?» спросили послы.—«Царское величество, милосердуя обо мнѣ, тѣ червонные Ромодановскому указалъ дать», отвѣчалъ Сирко.

17 марта, передъ обѣдней, кошевой атаманъ Иванъ Сирко посылалъ священника съ одиннадцатью куренными атаманами осмотрѣть на самозванцѣ природные знаки его. Посланные не нашли на немъ ни подобія царскаго вѣнца, ни двуглаваго орла, ни мѣсяца со звѣздой, какъ показывалъ челядникъ Василія Многогрѣшнаго, Лучка, а нашли лишь на груди, отъ одного до другаго плеча, восемь, подобно лишаямъ, бѣлыхъ и широкихъ пятенъ. По поводу этихъ пятенъ, самозванецъ сказалъ, будто о нихъ вѣдаетъ государыня царица да мама Марья, и что теперь, кромѣ стряпчаго Севастьянова, его никто не узнаетъ, да и онъ, кромѣ Севастьянова, никому не повѣритъ, также какъ писать только къ царскому величеству будетъ. Съ этихъ поръ и кошевой Сирко и козаки еще больше увѣровали въ истинное происхожденіе царевича.

Того же дня, кошевой атаманъ Иванъ Сирко, призвавъ къ себѣ царскихъ пословъ, въ присутствіи куренныхъ атамановъ, сказалъ имъ: «Рѣшили мы сообща отпустить васъ къ царскому величеству, а съ вами отправить своихъ посланцевъ, не вѣря ни тому, что въ грамотѣ къ намъ написано, ни тому, что вы намъ о царевичѣ говорили; въ листѣ своемъ мы отпишемъ всѣ слова царевича, да и онъ самъ отпишетъ его царскому величеству и гетману Самойловичу. Пословъ же своихъ главнымъ образомъ посылаемъ для того, чтобы они, слышавъ изъ самыхъ устъ государскихъ царское слово о царевичѣ, пріѣхавъ на Кошъ, намъ о томъ объявили, и тогда у насъ свой разумъ будетъ».

18 марта кошевой атаманъ Сирко и все посполитство, собравшись на раду, читали свои листы и листъ царевича, написанные

къ царскому величеству и къ гетману; московскіе послы не были приглашены на раду. Послѣ чтенія писемъ запорожцы выбрали, въ качествѣ посланцевъ къ царю, Процика Золотаря, Трофима Троцкаго да писаря Перепелицу, а послѣ выбора собственныхъ посланцевъ козаки призвали царскихъ пословъ въ курень кошеваго атамана и тамъ вычитали имъ свои листы; въ тѣхъ листахъ прописано было все то, что царскіе послы слышали о царевичѣ на радѣ; одно только въ листахъ показано было иначе: царевичу написано было 16 лѣтъ, а по осмотру пословъ ему больше 20 лѣтъ. Послѣ этого Чадуевъ, Щоголевъ и Черняченко, того же дня, были отпущены изъ Сичи.

Отъѣхавъ три версты отъ Сичи, царскіе послы должны были нѣкоторое время ожидать запорожскихъ посланцевъ, задержанныхъ кошевымъ и царевичемъ въ Сичи. Догнавъ царскихъ пословъ, запорожскіе посланцы объявили имъ, что съ ними имѣются только войсковые листы, а листа царевича при нихъ нѣтъ, потому что царевичъ изорвалъ его за то, что кошевой и поспольство не позволили ему, царевичу, ни свидѣться съ царскими послами, ни проводить ихъ. Послы не повѣрили тому, чтобы листъ царевича былъ изорванъ; напротивъ того, они убѣдились, что посланцы таятъ его для того, чтобы имъ самимъ, когда они будутъ у государевой руки, подать лично его царскому величеству тотъ листъ, иначе бояре того листа царевича до государя не допустятъ. Также сомнѣвались царскіе послы и относительно того, тѣ-ли везли съ собой запорожскіе посланцы листы, которые читаны были на радѣ, такъ какъ козацкіе посланцы послѣ отъѣзда царскихъ пословъ долго оставались въ Сичѣ. Тутъ же, догнавъ царскихъ пословъ, запорожскіе посланцы говорили имъ, что когда они выѣхали изъ Сичи, то царевичу поданы были три осѣдланныхъ лошади съ парой пистолетовъ при каждой, и царевичъ просился провожать Чадуева и Щоголева съ тѣмъ, чтобы побить ихъ, но кошевой Сирко не допустилъ его до того [1]). Къ этому запорожскіе посланцы добавили, что когда Чадуевъ и Щоголевъ пріѣхали въ Сичь, то къ царевичу былъ приставленъ крѣпкій караулъ, а до пріѣзда ихъ онъ ѣздилъ по полямъ свободно одинъ.

Оставивъ Сичу, Чадуевъ и Щоголевъ прибыли въ Кобыляки, а изъ Кобылякъ 4 апрѣля добрались въ городъ Переяславъ, къ

[1]) Это подтвердили потомъ и другіе свидѣтели. Акты, XI, 563.

гетману Ивану Самойловичу. Въ этомъ городѣ запорожскіе посланцы остановились кормить лошадей; тутъ къ нимъ пріѣхало изъ Сичи и изъ городовъ еще 34 человѣка козаковъ, которые хотѣли ѣхать къ царю. Въ Переяславѣ гетманъ Иванъ Самойловичъ и бояринъ Григорій Ромодановскій съ товарищами говорили царскимъ посламъ, чтобы они доложили государю, а государь бы указать изволилъ, кого прислать на Украйну, чтобы домà и животы Сирковы на великаго государя отписать, а жену его и зятей въ крѣпости держать, потому что Сирковы жена, зятья и дома въ его боярскомъ полку. Зятей его Сирковыхъ бояринъ велѣлъ взять въ Переяславъ, къ себѣ, а дома и животы Сирка и зятьевъ его онъ велитъ на государя отписать; но посадить въ крѣпость ни жены, ни зятьевъ безъ указа великаго государя не смѣетъ, чтобы избѣжать клеветы со стороны Сирка, какъ это было въ прошлую измѣну, когда Сирко клепалъ на боярина за многіе животы свои. Также просили гетманъ и бояринъ доложить государю о присылкѣ царскаго указа гетману Самойловичу, чтобы не пропускать никого въ Запорожье ни съ хлѣбомъ, ни съ харчой, ни съ какимъ другимъ дѣломъ изо всѣхъ городовъ и отъ людей всякихъ чиновъ, чего безъ царскаго указа самъ гетманъ не смѣетъ сдѣлать. Гетманъ хотѣлъ послать съ предупрежденіемъ о томъ хорунжаго своего въ крѣпость Переволочну, гдѣ переѣзжаютъ съ лѣваго берега Днѣпра на правый, т.-е. изъ Украйны на Запорожье, до прибытія царскаго указа. А о самозванцѣ онъ думаетъ, что достать его изъ Запорожья никакъ нельзя, потому что запорожцы увѣровали въ него, точно мусульмане въ своего Магомета. Относительно же тѣхъ козаковъ, которые пристали, не будучи посланы изъ Запорожья, къ царскимъ посламъ, гетманъ сказалъ, что хоть ихъ сто человѣкъ, то онъ ихъ всѣхъ пропуститъ къ царю; а когда они будутъ въ Москвѣ, то пусть государь изволитъ приказать отпустить изъ нихъ на Запорожье двухъ или трехъ человѣкъ, а остальныхъ велитъ задержать и на Запорожьѣ въ своей царской грамотѣ отписать: если козаки того самозванца не выдадутъ, то онъ всѣхъ оставленныхъ въ Москвѣ ихъ товарищей предастъ злой смерти.

Отъ гетмана царскіе послы уѣхали 6 апрѣля и въ томъ же мѣсяцѣ прибыли въ Москву. Въ Москвѣ они подробно доложили обо всемъ, что видѣли и что слышали въ Запорожьѣ и въ заключеніе сказали, что, будучи въ Сичи, они жили «купя свѣтъ»: старшинѣ и козакамъ, которые къ нимъ приходили и смертью угро-

жали, давали по одному, по два и по три ефимка; а заняли тѣ ефимки у гетмана Ивана Самойловича, будто бы, на покупку лошадей, по двадцати рублей, и всѣ тѣ деньги роздали, чѣмъ освободились отъ бѣды. А ту пищаль, изъ которой Василій Чадуевъ хотѣлъ застрѣлить самозванца, взялъ себѣ Сирко, цѣною жъ она была въ восемь рублей [1]).

Оставшись послѣ отъѣзда царскихъ пословъ въ запорожской Сичи, «царевичъ» сталъ просить Сирка, чтобы онъ далъ ему 100 или 200 человѣкъ козаковъ, съ которыми онъ могъ бы съѣхать на островъ Чортомлыкъ и оттуда написать на Донъ къ простой черни, дабы чернь вырубила старшину и приклонилась ему, царевичу: «А какъ та чернь приклонится, тогда я, собравши по городамъ людей, могу идти къ Москвѣ». На это Сирко ему сказалъ: «Къ чему тебѣ собирать войско? Если хочешь ѣхать къ Москвѣ, то я отпущу тебя съ провожатыми».—«Нельзя мнѣ ѣхать съ одними провожатыми въ Москву,—бояре убьютъ меня». Послѣ этого разговора Сирко сталъ особенно беречь «царевича», чтобы онъ куда-нибудь не уѣхалъ изъ Сичи [2]).

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XI, 342—364.
[2]) Акты южной и западной Россіи, XI, 610.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Посольство Сирка къ Дорошенку и Самойловичу съ предложеніемъ дѣйствовать сообща противъ враговъ христовой вѣры.—Заключеніе гетманомъ Самойловичемъ посланцевъ Сирка Яремы Кваши и Грицька Оглобли въ тюрьму.—Письма Сирка къ брату гетмана, священнику Тимоѳею Самойловичу, и боярину Григорію Ромодановскому по этому поводу. — Прибытіе запорожскихъ посланцевъ въ Москву по дѣлу о самозванцѣ. — Грамота царя Сирку о выдачѣ самозванца.—Отправка самозванца въ Москву, казнь его и пожалованіе царемъ Сирка.—Дѣло объ Иванѣ Мазепѣ.—Исповѣдь Мазепы въ Москвѣ и показанія его о Сиркѣ и Дорошенкѣ. — Новая гроза для Украйны отъ нашествія турокъ и татаръ. - Движенія Сирка за Бугъ и заднѣпровскую Украйну.—Вторженіе турокъ въ Подолію и взятіе ими Лодыжина и Умана.—Походы крымскаго хана въ лѣвобережную Украину.—Возвращеніе Сирка въ Сичу.

Отправивъ Василія Чадуева и Семена Щоголева изъ Сичи, кошевой Иванъ Сирко, въ слѣдъ за этимъ, отправилъ въ Чигиринъ войсковаго товарища Стефана Бѣлаго съ 25-ю товарищами къ гетману Дорошенку. Цѣль этого посольства раскрывается въ письмѣ войскового судьи Стефана Бѣлаго, писанномъ 7-го апрѣля 1674 года, изъ города Чигирина на имя знатнаго запорожца Григорія Пелеха съ товарищами, находившагося подъ регементомъ Самойловича. Письмо это передано было посланцемъ Бѣлаго не Пелеху, а украинскому козаку Дубягѣ и отъ Дубяги попало въ руки Самойловича; въ немъ было сказано, что Бѣлый и его товарищи присланы въ Чигиринъ къ Дорошенку по волѣ кошевого атамана Ивана Сирка и войска запорожскаго низового; въ Чигиринѣ они должны были сказать, что кошевой и все войско запорожское на общей радѣ постановили быть въ единомысліи и въ братолюбномъ совѣтѣ съ господиномъ гетманомъ Петромъ Дорошенкомъ для того, чтобы и между украинскимъ войскомъ и между всѣми украинскими городами никакого не было замѣшанья и кроворазлитія. Поэтому

Бѣлый совѣтовалъ Пелеху прекратить загоны подъ городами, оставаться въ полномъ спокойствіи и не препятствовать всѣмъ желающимъ идти въ Чигиринъ къ Дорошенку или къ своимъ родичамъ, чтобы тѣмъ сохранить въ цѣлости весь свой народъ въ случаѣ прихода общаго непріятеля, врага православной вѣры и козацкихъ вольностей. Прочитавъ и «выразумѣвъ» все изложенное въ письмѣ Стефана Бѣлаго, гетманъ Иванъ Самойловичъ немедленно отправилъ его въ Москву. Царь отвѣчалъ гетману грамотой, въ которой писалъ, что о ссылкѣ Сирка съ Дорошенкомъ ему, по гетманскому письму, теперь все извѣстно; извѣстно также и то, что въ Москву ѣдутъ посланцы Сирка изъ Сичи, а когда они придутъ въ Москву и когда объявятъ о своихъ дѣлахъ въ приказѣ Малой Россіи, тогда обо всемъ томъ царь прикажетъ извѣстить гетмана [1]).

Въ слѣдъ за посланцами, отправленными къ гетману Дорошенку, Сирко отправилъ посланцевъ къ Самойловичу. И здѣсь цѣлью его посольства было то, чтобы убѣдить гетмана соединиться всѣми силами и дѣйствовать сообща противъ грозныхъ враговъ. Но гетманъ Самойловичъ, едва успѣли прибыть къ нему посланные изъ Сичи козаки, приказалъ заключить ихъ въ тюрьму и никуда не выпускать. Узнавъ объ этомъ, Сирко написалъ два просительныхъ письма,—одно отъ 23-го мая къ брату гетмана, священнику Тимоѳею Самойловичу; другое отъ 28-го мая къ князю Григорію Ромодановскому, воеводѣ бѣлгородскому. Обоихъ Сирко просилъ подѣйствовать на гетмана, чтобы онъ, давъ свободу запорожскимъ посланцамъ, вернулъ ихъ назадъ въ Сичу [2]) и не считалъ бы запорожцевъ своими врагами: «Князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому, благодѣтелю нашему, нижайшее поклоненіе препосылаемъ и увѣдомляемъ, что я, кошевой, и все войско запорожское, по обѣщанію нашему, желаемъ вѣрно служить великому государю, пока свѣтъ будетъ свѣтить. Только сомнѣніе насъ беретъ и помѣхой нашимъ намѣреніямъ служитъ то, что нашихъ пословъ Ярема Квашу и Грицька Оглоблю уже нѣсколько десятковъ недѣль держатъ въ неволѣ, томятъ въ заключеніи и никакихъ полезныхъ намъ вѣстей о томъ, какъ бы мы могли противостать противъ давняго и общаго нашего непріятеля, знать не даютъ, отчего духов-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XI, 429, 443, 446.

[2]) Къ Тимоѳею Самойловичу писалъ (мая 23-го дня) о возвращеніи запорожскихъ пословъ и «царевичъ» Симеонъ Алексѣевичъ: Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, IV, 314.

ный врагъ и ненавистникъ, радуясь тому, начинаетъ между нами вражду распространять. Желая предотвратить эту вражду, хотѣли мы къ вашей княжей милости, ради вѣрности вашей, посланцевъ нашихъ, товарищей войсковыхъ Лукьяна Нужного и Михайла Креву, послать; черезъ этихъ посланцевъ, представивъ вамъ по истинной правдѣ, что служба наша его царскому величеству вѣрна и неотмѣнна, мы имѣли сказать, что чинить промысловъ надъ бусурманами не перестаемъ и много имѣемъ въ настоящее время пойманныхъ языковъ. Но только опасаемся послать ихъ, потому что не въ честь это приходитъ намъ. А что тѣ языки сказали намъ на словахъ, объявляемъ вамъ, что крымскій ханъ съ ордами имѣлъ выйти изъ Крыма съ наступленіемъ настоящаго мѣсяца, при Дорошенкѣ же орды, по словамъ нашихъ пословъ, не больше 1.000 или 1.500. И хотя посылали мы пословъ къ Дорошенку, но дѣлали это не для пагубы народа, а изъ желанія соединить и привести всѣхъ подъ высокодержавную и крѣпкую руку его царскаго пресвѣтлаго величества; что же касается того слуха, будто мы хотѣли мировую устроить съ крымцами, то это чистый вымыселъ. Просимъ вашу княжую милость всѣмъ тѣмъ словамъ не вѣрить. Извѣщаемъ васъ, что мы, для освобожденія нашихъ христіанскихъ невольниковъ, желаемъ обмѣнъ полоняниковъ сдѣлать. Бью челомъ вашей княжой милости, моему благодѣтелю, что въ моемъ домѣ имѣется турскій и татарскій полонъ; позволь мнѣ взять ихъ на откупъ для обмѣна близкихъ моихъ и изъ неволи тяжкой вызволить, также и посланцевъ войсковыхъ, раньше да и теперь посланныхъ, изволь, благодѣтель мой, скорѣе съ подлинными вѣстями, имѣющимися у васъ, отпустить, чтобы мы, не имѣя никакого сомнѣнія, могли стать противъ общаго нашего непріятеля, чего такъ усердно и желаемъ и хочемъ».

Между тѣмъ, когда шли эти переговоры съ Дорошенкомъ и Самойловичемъ, въ Москву прибыли, 1 мая, 1674 года, запорожскіе посланцы, Прокофій Семеновъ и его товарищи, числомъ 300 человѣкъ, по дѣлу о пребываніи въ Сичи «царевича» [1]). Явившись въ столицу, запорожскіе посланцы подали на имя царя листъ, въ которомъ Сирко со всѣмъ товариствомъ, называя царя божіимъ помазанникомъ, многомилостивымъ свѣтомъ и войска запорожскаго дыханіемъ, извѣщалъ, что въ Сичи объявился какой-то «молодикъ»,

[1]) Акты южной и западной Россіи, XI, 659.

называющій себя царевичемъ Семіономъ Алексѣевичемъ, который будто бы отъ обиды, нанесенной ему матушкой-государыней, бѣжалъ изъ Москвы, долго скитался по Россіи, а подъ конецъ пріѣхалъ въ Запорожье, гдѣ и сохраняется подъ строжайшимъ карауломъ и впредь будетъ сохраняться, до тѣхъ поръ, пока войско не услышитъ царскаго слова, правда-ли то, о чемъ разсказываетъ Семіонъ Алексѣевичъ. Вмѣстѣ съ письмомъ Сирка посланцы кошевого подали и письмо самого «царевича», въ которомъ онъ, называя себя Семіономъ Алексѣевичемъ, сыномъ царя Алексѣя Михайловича, благочестивымъ царевичемъ, билъ челомъ государю на думныхъ бояръ за то, что они хотѣли его уморить, хотя и не уморили, оттого онъ и теперь, желая идти къ своему батюшкѣ, не идетъ, чтобы на дорогѣ какого зла не было; жаловался онъ и на царскихъ пословъ Василія Чадуева и Семена Щоголева, которые хотѣли его изъ пищали застрѣлить; наконецъ, писалъ онъ царю и о томъ, что войско запорожское ему вѣрно служитъ и просилъ пожаловать козаковъ тѣмъ, о чемъ они будутъ бить челомъ, для лучшаго ихъ промысла надъ бусурманами, потому что козаки не только въ полѣ побѣждали ихъ, но водою прямо въ землю непріятельскую приходили и тамъ знатныя побѣды одерживали.

На листъ Ивана Сирка царь отвѣчалъ грамотой, въ которой упрекалъ кошевого въ томъ, что онъ презрѣлъ царскую милость и не исполнилъ своего обѣщанія, далъ вору и самозванцу печать и знамя, прежде пріѣзда въ Сичь царскихъ пословъ не извѣстилъ о немъ въ Москву, посылалъ священника и знатныхъ козаковъ распрашивать вора о его личности, безъ царскаго указа сносился съ Дорошенкомъ, напоминалъ Сирку о годѣ, днѣ смерти и мѣстѣ погребенія царевича Симеона Алексѣевича и въ заключеніе требовалъ, чтобы кошевой, сковавъ самозванца и его вождя Ивана Міюску, прислалъ бы ихъ, за крѣпкимъ карауломъ, въ Москву, въ залогъ чего царь оставлялъ въ Москвѣ посланцевъ кошевого и приказалъ удержать чайки (лодки), пушки, сукна и деньги въ городѣ Сѣвскѣ, до присылки самозванца [1]).

Получивъ царскую грамоту, Сирко немедленно извѣстилъ боярина Григорія Григорьевича Ромодановскаго о томъ, что человѣка, называющаго себя сыномъ царя и великаго князя, онъ отправляетъ

[1]) Акты южной и западной Россіи, XI, 562; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Москва, 1828, IV, 312.

скованнаго желѣзами, вмѣстѣ съ его шестью товарищами, въ Москву, а вмѣстѣ съ тѣмъ шлетъ его царскому пресвѣтлому величеству нижайшій листъ. Въ этомъ листѣ написано было слѣдующее: «Человѣка, который именуется вашего величества сыномъ, мы за крѣпкимъ карауломъ держали, честь не ему самому, а вашему царскому пресвѣтлому величеству, свѣту, нашему дыханію отдавали, потому что вашимъ прирожденіемъ именуется; теперь, какъ вѣрный слуга, отсылаю его къ вашему величеству, желая свое обѣщаніе исполнить и вѣрно до послѣднихъ дней живота служить; съ Дорошенкомъ ссылался я, желая привести его на службу къ вашему царскому величеству; смилуйся, великій государь, пожалуй насъ всякими запасами довольными, какъ на Дону. Мы просили у гетмана Ивана Самойловича перевоза, Переволочной, но онъ не далъ; просили же мы не для собиранія пожитковъ, какъ иные выпрашиваютъ, а на защиту вѣры христіанской. Всѣ поборы, которые съ христіанъ на Украйнѣ берутъ, вашему величеству не доносятъ, а намъ и одного перевоза не даютъ».

Привезенный изъ Запорожья въ Москву самозванецъ далъ три показанія и въ первомъ изъ нихъ объявилъ, что всѣхъ больше его принуждалъ принять «страшное» имя царевича кошевой атаманъ Иванъ Сирко, который хотѣлъ, собравшись, идти на Московское государство и побить бояръ. Въ остальныхъ двухъ показаніяхъ о Сиркѣ онъ ни слова не сказалъ, а заявилъ, что воровству тому научилъ его Иванъ Міюсскій, родомъ хохлачъ. О себѣ же самозванецъ сказалъ, что онъ подданный князя Димитрія Вишневецкаго, сынъ варшавскаго мѣщанина, перешедшаго въ Варшаву изъ Лохвицы [1]); отца его звали Иваномъ Андреевымъ Воробьевымъ, а его самого — Семеномъ Ивановымъ. Концомъ всей исторіи Лжесеміона царевича была казнь его въ Москвѣ, 17 сентября 1674 года, на Красной площади, въ присутствіи бояръ и народа.

Какъ понимать поведеніе Сирка въ отношеніи самозванца Лжесеміона? Трудно допустить, чтобы Сирко, человѣкъ опытный, дальновидный и проницательный, вѣрилъ въ подлинность происхожденія лица, называвшаго себя сыномъ царя Алексѣя Михайловича, и въ искренность сплетенной имъ басни о бѣгствѣ изъ Москвы и скитальничествѣ по Россіи. Скорѣе всего надо думать, что Сирко разыгралъ въ этомъ случаѣ роль человѣка, убѣжденнаго въ истин-

[1]) Лохвица—уѣздный городъ полтавской губерніи.

ности царственнаго происхожденія Лжесеміона,—такая роль полезна была ему для того, чтобы держать Москву въ своихъ рукахъ и тѣмъ сохранять политическую независимость Запорожья отъ нея; можетъ быть, къ этому присоединилась и месть за ссылку въ Сибирь, въ чемъ Сирко и проговорился во хмѣлю и о чемъ онъ никогда не могъ забыть до послѣднихъ дней жизни своей. Такъ или иначе, но свою роль Сирко разыгралъ настолько искусно, что заставилъ вѣрить въ царевича и всю массу запорожскаго войска. Вѣра эта сказывалась въ томъ, что всѣ запорожцы, до единаго, готовы были идти за царевича и въ огонь и въ воду, ни за что не хотѣли отдать его письма боярамъ, а рѣшили отвезти его прямо къ царю и, наконецъ, нигдѣ, ни въ оффиціальномъ, ни въ частномъ разговорѣ, не называли его ни бѣглецомъ, ни самозванцемъ; даже зложелатели Сирка и тайные сторонники Москвы не высказывали въ этомъ отношеніи своихъ сомнѣній о личности царевича и принятой въ отношеніи его роли Сирка.

Какъ бы то ни было, но Москва и на этотъ разъ должна была «пробачить» вины запорожцевъ, какъ «пробачила» она раньше убійство посла Лодыженскаго: царь послѣ казни Лжесеміона пожаловалъ кошевому Сирку два сорока соболей, цѣною по 50 рублей каждое сорокъ, да двѣ пары по 7 рублей пара [1]). Сирко, получивъ подарокъ, писалъ царю челобитную съ просьбой дать ему на жительство, вмѣстѣ съ женой и дѣтьми, городокъ Келеберду, у лѣваго берега Днѣпра, близъ Переволочной [2]): «Устарѣлъ я на воинскихъ службахъ, а нигдѣ вольнаго житья съ женой и дѣтьми не имѣю, милости получить ни отъ кого не желаю, только у царскаго величества: пожаловалъ бы великій государь, велѣлъ бы дать въ полтавскомъ полку подъ Днѣпромъ городокъ Келеберду». Царь внялъ просьбѣ Сирка, отправилъ войску денежное жалованье и боевые запасы, самому кошевому послалъ грамоту на городокъ Келеберду, а войску—грамоту на перевозъ Переволочну, но въ это дѣло вмѣшался злѣйшій врагъ и зложелатель Сирка, гетманъ Самойловичъ, и Сирко остался безъ Келеберды, а войско—безъ Переволочной.

Въ то время, когда дѣло о Лжесеміонѣ царевичѣ приходило къ концу, въ это самое время [3]) началось дѣло у Сирка съ Мазепой:

---

[1]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Москва, 1828, IV, 323.

[2]) Величко говоритъ, будто Келеберда осажена самимъ Сиркомъ, II, 356.

[3]) У лѣтописца Величка дѣло о Мазепѣ разсказано подъ 1673 годомъ, II, 371; въ дѣйствительности это было въ 1674 году: Костомаровъ, Русская исторія. Спб., 1876, II, 788; Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1862, XII, 165.

козаки Алексѣй Борода, Яковъ и Василій Темниченки доносили гетману Самойловичу, что, выйдя изъ Сѣчи со своимъ атаманомъ Сиркомъ, іюня въ 11 день, для объявленія своей вѣрной къ царскому величеству службы и для полученія милости пресвѣтлаго величества, въ степи, возлѣ рѣчки Ингула, захватили въ полонъ Дорошенкова посланца, Ивана Мазепу.

Все это дѣло, насколько можно составить о немъ представленіе по современнымъ актамъ и разсказамъ малороссійскихъ лѣтописцевъ, произошло слѣдующимъ образомъ. Мая 25 числа 1674 года въ городъ Чигиринъ, столицу правобережнаго гетмана Петра Дорошенка, пріѣхалъ, по царскому повелѣнію, отъ бѣлгородскаго воеводы князя Григорія Ромодановскаго стрѣлецкій сотникъ Терпигоревъ, чтобы склонить Дорошенка къ подданству русскому царю и убѣдить его ѣхать въ городъ Переяславъ для присяги на вѣрность великому государю. Принявъ посланца, Дорошенко отказался отъ этого предложенія, говоря, что хотя онъ прежде и хотѣлъ быть въ подданствѣ у царскаго величества, но теперь этого сдѣлать не можетъ, потому что онъ—подданный турецкаго султана. Давъ такой отвѣтъ посланцу, гетманъ Дорошенко съ тѣмъ вмѣстѣ приказалъ брату своему Андрею Дорошенку, взявъ часть козацкихъ полковъ и присоединивъ къ нимъ четыре тысячи находившихся при гетманѣ татаръ, идти къ Черкасамъ и другимъ городамъ противъ московскихъ воеводъ. Андрей Дорошенко не замедлилъ исполнить приказаніе брата. Успѣхъ оружія былъ сперва на сторонѣ Андрея Дорошенка, но потомъ, когда князь Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ выслали противъ него пять козацкихъ полковъ, Андрей Дорошенко былъ разбитъ (іюня 9 дня, у рѣчки Ташлыка) и раненый ушелъ назадъ. Тогда Петръ Дорошенко, желая возможно скорѣе получить помощь отъ турецкаго султана и крымскаго хана, а также напередъ задобрить ихъ, послалъ имъ въ даръ 15 человѣкъ, забитыхъ въ колодки, невольниковъ, козаковъ лѣвобережной Украйны [1]). Команду надъ колодниками гетманъ вручилъ ротмистру своей надворной хоругви, Ивану Мазепѣ,

[1]) Нѣсколько иначе передаетъ объ этомъ Величко: онъ говоритъ, что колодники были запорожскіе козаки, захваченные, по приказу Дорошенка, еще раньше его столкновенія съ Самойловичемъ въ разныхъ городахъ правобережной Украйны и отправленныхъ въ Чигиринъ; это была месть запорожцамъ за ихъ ненависть къ Дорошенку, какъ подданному султана. Сравни: Величко, II, 341 и Соловьевъ, XII, 165.

приказавъ ему идти степью подальше отъ Днѣпра, черезъ Ингулъ и Бугъ, до Очакова, а оттуда черезъ Днѣпръ въ Крымъ. Взявъ колодниковъ, кромѣ того 9 человѣкъ татаръ (вѣроятно, въ качествѣ охранителей), письма гетмана къ хану и визирю, Мазепа направился сообразно указанному маршруту. Но тутъ, на рѣчкѣ Ингулѣ, на него напалъ запорожскій чамбулъ, нѣкоторыхъ татаръ изрубилъ, нѣкоторыхъ заставилъ броситься въ рѣку, колодниковъ освободилъ, самого Мазепу взялъ въ полонъ и доставилъ его своему кошевому Ивану Сирку вмѣстѣ съ листами Дорошенка къ визирю и хану. По этому поводу въ Сичи собралась рада; на радѣ прочитаны были письма Дорошенка; узнавъ изъ этихъ писемъ и изъ словъ невольниковъ, куда и зачѣмъ ѣхалъ Мазепа, запорожцы до того были возмущены, что рѣшили тутъ же растерзать его. Но за Мазепу вступились Сирко и старые козацкіе атаманы: «Панове братья, просимъ васъ, не убивайте этого человѣка, можетъ онъ намъ и отчизнѣ нашей впередъ пригодится!» Запорожцы послушались, и Мазепа былъ спасенъ [1]). Тогда Сирко забилъ Мазепу въ кандалы, а всѣ листы Дорошенка отослалъ «для вѣдома» къ Ивану Самойловичу съ цѣлью передачи ихъ въ Москву.

Бѣлгородскій воевода, князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, узнавъ о поимкѣ Мазепы, послалъ къ Сирку гонца съ приказаніемъ выдать ему пойманнаго Мазепу и одного изъ уцѣлѣвшихъ при немъ татаръ. Сирко, получивъ это приказаніе и не желая почему-то тотчасъ отпустить Мазепу, отказалъ въ требованіи воеводѣ. Тогда Ромодановскій отправилъ посланцевъ въ городъ Харьковъ и черезъ нихъ приказалъ взять жену Сирка подъ караулъ, а зятя его, мерсоянскаго жителя, козака харьковскаго полка, Ивана Артемова, отправить за карауломъ къ себѣ въ полкъ. Когда же зять Сирка прибылъ къ воеводѣ, то воевода отправилъ его къ Сирку для выдачи ему Мазепы. Въ это же время царь, узнавъ о поимкѣ Мазепы отъ гетмана, также потребовалъ отъ Сирка выдачи захваченнаго въ плѣнъ Мазепы. Сирко на этотъ разъ не сталъ перечить и отправилъ Мазепу, поручивъ надсмотръ надъ нимъ своему зятю Ивану Артемову и знатному козаку Ивану Носу, къ гетману, о чемъ извѣстилъ его письмомъ отъ 6 іюля 1674 года. Въ письмѣ онъ писалъ Самойловичу, что посылаетъ къ нему Мазепу для разспроса его о томъ, что ему приказано было передать отъ До-

[1]) Акты, XI, 497, 525, 559; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Москва. 1828, IV, 315; Величко. Лѣтопись, II, 341.

рошенка турецкому визирю и крымскому хану и вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ, чтобы гетманъ исходатайствовалъ свободу для Мазепы: «Покажи милость свою, какъ отецъ милосердый, чтобы онъ въ неволѣ не былъ и чтобы войско запорожское, даровавшее ему и волю, и жизнь, и здоровье, не стало говорить, что Сирко засылаетъ людей въ неволю». Получивъ Мазепу и снявъ съ него допросъ, гетманъ Самойловичъ отправилъ его въ Москву, повторивъ отъ себя почти буква въ букву слова Сирка о дарованіи Мазепѣ свободы, и съ тѣмъ вмѣстѣ предупредивъ царя, чтобы онъ болѣе довѣрялъ Мазепѣ, нежели Сирку, который сносится съ Дорошенкомъ и присягаетъ ему присоединиться къ бусурманамъ и идти съ ними на благовѣрнаго царя [1]).

. Между тѣмъ Сирко и запорожцы, по словамъ лѣтописца Величка, отправивъ Мазепу Самойловичу, написали исполненное жестокихъ укоризнъ письмо гетману Дорошенку [2]), въ которомъ укоряли его за то, что онъ началъ ихъ, точно звѣрей степныхъ вылавливать и бестіярски (отъ bestium—звѣрь) снѣдать; называли, за посылку въ подарокъ христіанъ бусурманамъ, Іудинымъ товарищемъ, намѣревавшимся козаками, точно живою монетою, у бусурманъ милости снискать; предостерегали о непрочности союза съ бусурманами («разсмотри и уважъ о томъ, вихровата голово, Дорошенку»!); предрекали несомнѣнную погибель лично ему, а отчизнѣ запустѣніе, и послѣ всего этого такъ напугали его, что онъ, всегда любя развлекаться охотой, съ тѣхъ поръ сталъ выѣзжать на полеванье не въ ту сторону, что̀ отъ Крыма и Сичи, а въ ту, что̀ лежитъ отъ Чигирина до Крыма и Польши [3]).

Привезенный въ Москву и поставленный на допросъ, Иванъ Мазепа 5 августа 1674 года, между другими показаніями далъ такое: Передавшаяся на сторону царскаго величества старшина заднѣпровскаго города Лысянки присылала къ гетману Петру Дорошенку козаковъ съ предложеніемъ послѣдовать ихъ примѣру, пріѣхать въ Корсунь на раду и также передаться русскому царю. На это предложеніе Дорошенко отправилъ съ Мазепой листъ къ

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XI, 497, 525, 559, 562, 575, 579, 580.

[2]) Письмо это помѣчено 1673 годомъ, окт. 26 дня; хотя въ подлинности его трудно сомнѣваться, потому что оно не противорѣчитъ событію и содержитъ въ себѣ указаніе на другое, раньше посланное въ Сичу, письмо, но дата его сомнительна, потому что Мазепа пойманъ Сиркомъ въ 1674 г., іюня 11 дня.

[3]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 343—346.

лысянской старшинѣ и къ боярину Григорію Григорьевичу Ромодановскому, а на словахъ велѣлъ Мазепѣ сказать имъ, что если его, Дорошенка, назначатъ гетманомъ западной стороны Днѣпра, то онъ готовъ будетъ передаться царскому величеству; если же его гетманомъ не назначать, то пусть, по крайней мѣрѣ, знатные государевы люди присягнутъ ему на томъ, что ничего дурного ему не сдѣлаютъ; отпуская Мазепу, Дорошенко наказалъ ему, что если рады въ Корсунѣ не будетъ, то ѣхалъ бы онъ въ другой городъ. Когда Мазепа съ порученіями Дорошенка пріѣхалъ въ Корсунь, а изъ Корсуня въ Переяславъ и не засталъ нигдѣ рады, то передалъ листы Дорошенковы войсковой старшинѣ и боярину Ромодановскому. На эти листы Дорошенко получилъ приглашеніе ѣхать въ Переяславъ, не опасаясь никакого зла для своей цѣлости и здоровья. Тогда Дорошенко потребовалъ себѣ въ залогъ какого-нибудь честнаго человѣка, въ замѣнъ котораго обѣщалъ прислать собственныхъ заложниковъ. Такой человѣкъ былъ посланъ, и Дорошенко созвалъ въ Чигиринѣ раду, на которой спросилъ, посылать-ли ему собственныхъ заложниковъ? Рада отвѣтила согласіемъ, но въ это время пришло извѣстіе о томъ, что изъ Крылова въ Чигиринъ идутъ 23 человѣка, посланные къ Дорошенку кошевымъ Сиркомъ. Тогда заложниковъ задержали для того, чтобы прежде всего узнать, что скажутъ посланцы Сирка. Явившіеся въ Чигиринъ посланцы объявили, чтобы Дорошенко не ѣхалъ въ Переяславъ и оставался бы попрежнему гетманомъ западной стороны Днѣпра, потому что запорожцы хотятъ соединиться съ нимъ и съ крымскимъ ханомъ за-одно, какъ было при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ, а для скрѣпленія дѣла они уже отправили къ крымскому хану пословъ, чтобы онъ помирилъ Сирка съ Дорошенкомъ и просили Дорошенка пріѣхать въ Сичу. Дорошенко, однако, опасаясь государевыхъ людей, самъ въ Сичу не поѣхалъ, а вмѣсто себя послалъ туда чигиринскаго козака Бережецкаго, послѣ пріѣзда котораго запорожцы послали отъ себя къ Дорошенку знатнаго козака Носа о той же присягѣ, но была-ли та присяга, неизвѣстно. Въ заключеніе Мазепа разсказалъ, какъ Дорошенко, заставивъ присягнуть ему на вѣрность, послалъ его съ листами къ турецкому визирю, какъ на дорогѣ онъ пойманъ былъ Сиркомъ, какъ отдался ему безъ всякаго боя, вручилъ ему всѣ листы и пробылъ съ нимъ въ степи около пяти недѣль [1]).

[1]) Акты южной и западной Россіи, XI, 556—562.

Трудно сказать, насколько данное Мазепой показаніе было вѣрно: съ одной стороны нельзя не взять во вниманіе того обстоятельства, что Мазепа присланъ былъ въ Москву Самойловичемъ, которому онъ старался всячески угодить и потому его противника Сирка, всячески очернить; къ тому же, Самойловичъ былъ въ полномъ курсѣ въ Москвѣ, а Сирко въ полномъ подозрѣніи; съ другой стороны нельзя обойти молчаніемъ и того, что Сирко въ политическихъ вопросахъ своего Запорожья всегда старался держаться полной независимости, принимая то одну, то другую сторону, смотря по тому, что выгоднѣе было для низовыхъ козаковъ. Впрочемъ, дальнѣйшія дѣйствія Сирка показали, что онъ, сносясь съ Дорошенкомъ, хотѣлъ, по его собственнымъ словамъ, на этотъ разъ лишь одного—приклонить Дорошенка на сторону русскаго царя и сообща дѣйствовать противъ мусульманъ; но не успѣвъ въ этомъ, отсталъ отъ гетмана и изловилъ его посланца, чтобы узнать истинные планы Дорошенка. Быть можетъ, это противорѣчіе въ показаніяхъ Самойловича съ Мазепой съ одной стороны и кошевого Сирка—съ другой можно примирить тѣмъ, что самое сношеніе съ Дорошенкомъ съ цѣлью вступить въ союзъ съ нимъ и съ татарами, велось лично не отъ Сирка, а отъ цѣлаго войска, въ чемъ какъ будто бы проговаривается самъ Мазепа при допросѣ его въ Москвѣ.

Такъ или иначе, но пока все это происходило, въ это время на Украйну вновь надвинулась мрачная туча: турецкій султанъ, крымскій ханъ и Дорошенко, взявшіе въ 1672 году польскій городъ Каменецъ и на время остановившіеся въ своихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ, снова собрались во-едино, чтобы идти походомъ въ Малороссію и, во что бы то ни стало, взять городъ Кіевъ. Теперь Сирко опять дѣлался какъ для царя Алексѣя Михайловича, такъ и для гетмана Ивана Самойловича нужнымъ человѣкомъ. Оттого Самойловичъ зорко слѣдитъ съ этихъ поръ за Сиркомъ и о каждомъ его движеніи доноситъ въ Москву. Такъ, въ грамотѣ, писанной отъ 15 іюля 1674 года, на имя царя Алексѣя Михайловича, Самойловичъ извѣщалъ, что Сирко увѣдомляетъ гетмана о движеніи крымскаго хана подъ городъ Каменецъ, куда приближался также турскій султанъ съ визиремъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ со словъ очевидца передавалъ царю, что Сирко, перешедши въ началѣ іюля мѣсяца рѣку Бугъ, стоялъ на Чечельникѣ; потомъ оставилъ Чечельникъ и поднялся къ Уманю, гдѣ стоялъ въ Капустяной долинѣ со всѣмъ войскомъ своимъ и хотѣлъ чинить промыселъ надъ бусурманами, поджидая войскъ гет-

мана Самойловича. Къ собственной грамотѣ Самойловичъ приложилъ письмо Сирка, писанное отъ 6 іюля 1674 года «съ войскъ надъ Бугомъ изъ-подъ Козавчина», гдѣ Сирко писалъ Самойловичу, что въ прошлый пятокъ онъ хотѣлъ учинить воинскій промыселъ около Оргѣева, но потомъ, перешедъ Днѣпръ и узнавъ отъ взятыхъ языковъ о приближеніи крымскаго хана къ Каменцу, а турецкаго султана съ визиремъ къ Цыцорѣ, повернулъ назадъ съ добычей къ Уманю, чтобы тамъ соединиться съ уманскимъ и торговицкимъ полками и общими силами ударить на татарскую орду, стоявшую на рѣчкѣ Ташлыкѣ, недалеко отъ Торговицы: «Только изволь, вельможность ваша, поскорѣе прислать ко мнѣ часть войска, находящагося при полковникѣ Дмитрашкѣ, въ особенности же московскихъ донцовъ съ пушками, чтобы тѣ поганые больше не распространялись въ нашей и безъ того разоренной отчизнѣ и душъ христіанскихъ въ неволю не брали. Самому же вамъ, со всею моею любовью и съ полнымъ попеченіемъ о нашей отчизнѣ, совѣтую наступать, какъ можно скорѣе, къ Чигирину, со всѣми силами, потому что Дорошенко тамъ одинъ, безъ непріятельской помощи пребываетъ, какъ о томъ я имѣю подлинныя извѣстія» [1]).

Не долго, однако, пришлось Сирку стоять подъ Уманью: августа 1674 года стало извѣстно, что турки, перешедъ Днѣстръ и вторгнувшись въ Подолію, взяли городъ Лодыжинъ, а изъ-подъ Лодыжина двинулись на Умань; въ это же время стало извѣстно и то, что крымскій ханъ, со всѣми своими ордами, шелъ на малороссійскіе города лѣвой стороны Днѣпра. Узнавъ о послѣднемъ отъ пойманнаго языка, Сирко, оставивъ Капустину долину, близь Уманя, поспѣшилъ вернуться въ Сѣчу, откуда намѣревался идти въ Крымъ на промыселъ: «А чаютъ, что онъ нынѣ въ Крыму». Къ тому времени и крымскій ханъ, оставивъ Украйну, 8 октября повернулъ въ Крымъ, а турецкій султанъ, перейдя Днѣстръ, въ началѣ сентября направился въ свою землю [2]).

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XI, 579, 582—586.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XI, 659.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Приходъ короля Яна Собѣсскаго въ западную Украйну и замѣшательство между старшиной и козацкой массой въ восточной Украйнѣ. — Доносы Самойловича на Сирка въ Москву. — Оправдательное посольство Сирка въ Москву.—Отказъ царя въ просьбахъ Сирка.—Сношенія Сирка съ польскимъ регментаремъ Мондреевскимъ и королевскимъ посломъ Завишею.—Разсказъ объ этомъ самого Сирка и царскаго посла Перхурова. — Походъ Сирка подъ Перекопъ.—Дружба и вражда Самойловича къ Сирку.—Доносы Самойловича на Сирка въ Москву.—Оправдательное письмо Сирка къ царю. — Сношенія Сирка съ Дорошенкомъ и старанія его склонить гетмана на сторону Москвы.—Присяга Дорошенка Сирку на вѣрность московскому царю. — Недовольство за то на Сирка со стороны царя.—Месть турокъ Сирку за Дорошенка.

Начало 1675 года ознаменовалось разными слухами, встревожившими настроеніе жителей всей Украйны. Поводомъ къ этимъ слухамъ послужилъ приходъ въ западную Украйну польскаго короля Яна Собѣсскаго. Узнавъ о движеніи польскихъ войскъ на правой сторонѣ Днѣпра, жители лѣвой стороны вообразили, что польскій король идетъ съ тѣмъ, чтобы взять у русскаго царя Кіевъ и вмѣстѣ съ нимъ всю восточную Украйну. Тогда между простой массой и козацкой старшиной началось шатаніе, пошли ссоры и доносы другъ на друга. Такъ, съ этого времени гетманъ Иванъ Самойловичъ безпрестанно писалъ доносъ за доносомъ на кошевого Ивана Сирка, указывая на его невѣрность и собственную преданность московскому царю. Сирко, въ свою очередь, писалъ царю, что онъ вполнѣ преданъ ему, хотя вправѣ считалъ себя сноситься и съ польскимъ королемъ, и съ правобережнымъ гетманомъ, держать и разрушать миръ съ крымскимъ ханомъ и турецкимъ султаномъ.

Въ половинѣ января 1675 года гетманъ Самойловичъ черезъ московскаго подъячаго Михайлова доносилъ царю, что къ нему, гетману, пришла подлинная вѣсть о Сиркѣ, который, будто бы, собирался идти разорять тѣ самые русскіе города, которые разорялъ воръ и богоотступникъ Стенька Разинъ, и не исполнилъ своего за-

мысла единственно потому, что въ томъ старшина запорожская помѣшала ему. Теперь же онъ несомнѣнно собирается къ польскому королю и уже писалъ къ нему, какъ король укажетъ идти къ нему, пѣхотою-ли, конницею-ли и съ пушками или безъ пушекъ. Но въ началѣ февраля тотъ же Самойловичъ писалъ письмо къ запорожскимъ козакамъ, въ которомъ, выражая свои прежніе знаки къ нимъ расположенія, совѣтовалъ не довѣрять дружбѣ ляховъ и воевать турокъ и укорялъ Сирка за то, что онъ не помнитъ доброты гетмана и питаетъ къ нему вражду: «Лучше любовь имѣть, нежели питать недружбу: любовь все доброе между людьми умножаетъ, а несогласіе все развѣваетъ и ни во что обращаетъ. О Келебердѣ, которую просилъ себѣ господинъ кошевой, пусть не теряетъ надежды: если онъ пожелаетъ жить съ нами въ городахъ, то для него не только это мѣстечко, но и другія найдутся, и такъ какъ въ Келебердѣ нѣтъ еще никакого устройства, то объ ней нечего и убиваться особенно. О Переволочномъ перевозѣ долженъ вамъ сказать, что одну половину его доходовъ будетъ вамъ доставлять полтавскій полковникъ, а другую оставлять на полковыя надобности. Пусть онъ, кошевой Сирко, не претендуетъ на насъ и за то, что мы удержали королевскихъ пословъ, ѣхавшихъ изъ Сѣчи, и провожавшихъ тѣхъ пословъ запорожцевъ, у себя до царскаго указа: живя подъ властью монарха, мы должны дѣлать то, что ему, какъ Богу, угодно. Впрочемъ, пословъ вашихъ мы держимъ не въ заключеніи, а во всякомъ довольствѣ, и для нихъ лично, и для ихъ лошадей. Когда придетъ царскій указъ, то мы готовы отпустить ихъ туда, куда будетъ приказано намъ» [1]).

Въ началѣ марта послано было, на имя Сирка, запорожцамъ царское жалованье—500 червонцевъ, 150 половинокъ анбургскаго и польскаго сукна, 50 пудовъ свинцу и 50 пудовъ пороху; а въ началѣ апрѣля гетманъ писалъ жалобу на кошевого Сирка воеводѣ князю Григорію Ромодановскому, въ которой называлъ Сирка тайнымъ недоброжелателемъ русскаго царя и явнымъ сторонникомъ польскаго короля: «Извѣщаю тебя, благодѣтеля моего, что давній врагъ, Сирко, на сырной недѣлѣ присылалъ къ намъ писаря своего съ нѣкоторыми товарищами войска, подъ предлогомъ требованія запасовъ, а въ дѣйствительности для развѣдки о поведеніи нашихъ полковъ и о мѣстѣ нахожденія польскихъ войскъ. А про то, что всегда

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XII, 34, 50.

говорилъ Сирко, мнѣ самъ писарь, по совѣсти, сказалъ и своею рукой па бумагѣ написалъ, а именно: Сирко служить Москвѣ не помышляетъ и что-де присягалъ онъ въ Москвѣ по неволѣ, а какъ родился за ляхами, такъ и умереть хочетъ за ними. А что освободили его изъ Сибири, то онъ о томъ никого не просилъ, да кромѣ того у него съ нѣсколькими людьми была и такая мысль, чтобы самимъ оттуда уйти. А что онъ, помимо гетманскаго вѣдома, выпросилъ себѣ мѣстечко Келеберду, то онъ недаромъ того добивался: еслибъ только онъ могъ туда войти, то у него было бы прямое убѣжище. Было и есть у Сирка намѣреніе за-одно дѣйствовать съ ляхами, но только войско съ нимъ въ томъ не соглашается; а что до пущенной имъ молвы о приходѣ въ нашу Украйну ляховъ, то это онъ дѣлалъ для того, чтобы склонить на свою сторону полтавскій полкъ. Напослѣдокъ онъ войску такъ сказалъ: «хотя-де въ десяти коняхъ поѣду, а буду тамъ». И я, гетманъ, зная непостоянство Сирка, посылалъ нарочныхъ посланцевъ къ запорожскимъ козакамъ, совѣтуя имъ держаться нашего государя и быть со мной въ добромъ совѣтѣ. А онъ, собака, отписалъ мнѣ листъ, какъ къ безумному,—тотъ листъ посылаю твоей милости и прошу о возвратѣ его мнѣ обратно; а что до его угрозъ, то объ нихъ совѣстно и писать твоей милости: грозитъ поднять орду, произвесть бунты и замѣшаніе. И несмотря на все это, вновь посылаетъ къ царскому величеству, чтобы ему дали войска, въ особенности позволили бы набрать калмыковъ и призвать ихъ въ Запорожье. Увидишь, твоя милость, что онъ, взявъ калмыковъ, минетъ Крымъ. Да и самозванца онъ держалъ потому, что, надѣясь на калмыковъ, съ которыми большое знакомство ведетъ, думалъ идти къ Астрахани и къ Сибири. Моя мысль такова, чтобы калмыковъ тѣхъ вручить или кому-нибудь на Дону, или твоей милости, или харьковскому полковнику,—оттуда съ ними надежнѣе будетъ промышлять Крымъ, нежели изъ Запорожья... О всемъ томъ писарь Сирка, разсказавъ мнѣ, просилъ меня, чтобы я не ославилъ его въ этомъ дѣлѣ, за что обѣщался мнѣ и впредь тайно извѣщать обо всемъ» [1]).

Совсѣмъ иное говорили посланцы Сирка, полковникъ Грицько Минченко и 41 человѣкъ товарищей, прибывшіе въ Москву 2 мая 1675 года. Они передавали, что когда, по выѣздѣ изъ Сичи, они

[1]) Акты южной и западной России, XII, 90; Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1675, № 2, св. 44.

прибыли въ Батуринъ, то гетманъ, осердясь на Сирка за то, что кошевой, прежде отправленія своихъ посланцевъ, писалъ ему, гетману, о присылкѣ въ Сичу жалованныхъ на Келеберду и Переволочный перевозъ царскихъ грамотъ и объ отдачѣ запорожцамъ взятыхъ Ханенкомъ арматъ, задержалъ посланцевъ у себя полторы недѣли, не давъ имъ листа къ царю и не пославъ Сирку жалованныхъ грамотъ. Тѣ же послы разсказывали, что польскій король четыре раза присылалъ своихъ посланцевъ зимой на Кошъ къ Сирку съ приглашеніемъ идти къ нему въ обозъ, но Сирко всякій разъ отказывалъ королю тѣмъ, что безъ указа царскаго величества идти къ нему не смѣетъ. Этотъ отвѣтъ Сирко давалъ черезъ королевскихъ посланцевъ, но своихъ онъ никогда къ королю не посылалъ: не посылалъ онъ къ королю и тѣхъ двухъ человѣкъ чичельничанъ, которыхъ задержалъ было въ Батуринѣ и которые добровольно пришли съ королевскими послами; не получалъ Сирко и жалованья отъ короля Яна Собѣсскаго, только отъ умершаго короля Михаила Вишневецкаго козаки получили 1.000 ефимковъ, а больше того не бывало. Не сносился Сирко и съ Дорошенкомъ, да и Дорошенко къ Сирку никого не присылалъ. Сирко только и сдѣлалъ то, что послѣ Рождества Христова, въ мясоѣдъ, посылалъ съ 300 человѣкъ пѣхоты и нѣсколькими человѣками конницы, подъ начальствомъ полковниковъ Миска да Волошенка, подъ турецкій городъ Очаковъ, что сидитъ надъ Лиманомъ; тѣ полки, взявъ стада подъ Очаковомъ, вернулись на Кошъ передъ сырной недѣлею. Да въ Филипповъ постъ приходило къ Сирку калмыковъ 100 человѣкъ, посланныхъ отъ тѣхъ, которые стояли на Молочныхъ водахъ, въ 100 верстахъ отъ Сичи, но Сирко съ ними никуда не ходилъ, во-первыхъ, потому, что лошадей не было, а во-вторыхъ, потому, что послать было некого: войско раздѣлилось пополамъ и стояло врознь. Сирко далъ калмыкамъ хлѣба и соли и отпустилъ ихъ съ Коша. Ко всему этому посланцы прибавили, что когда прошлою весною возвращался изъ Украйны Калга-Султанъ въ Крымъ, то въ 60 верстахъ ниже Сичи, на Тамани (Тавани), запорожцы разбили его и большой ясырь и наметъ у него отбили, и тотъ наметъ гетману въ подарокъ отослали. Запорожцы и теперь бы большую помѣху туркамъ чинили, своимъ войскомъ на море безпрестанно ходили-бъ, но у нихъ большихъ челновъ на то нѣтъ; есть суда малыя, въ которыхъ, для собственной нужды, можетъ сѣсть самое большее 10 человѣкъ, но тѣми судами въ

море ходить нельзя, держатся же они только для рыбной ловли и для всякаго хоромнаго и дровяного припасовъ.

Въ слѣдъ за Грицькомъ Минченкомъ посланъ былъ Сиркомъ листъ царю черезъ Грицька Дробиненка, прибывшаго въ Москву 3 мая 1675 года. И тутъ Сирко увѣрилъ царя въ своей преданности.

«Божіею милостію, великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу вѣрные слуги войско запорожское Днѣпровое, кошевое, верховое, низовое, будучее на поляхъ, на лугахъ, на полянкахъ и на всѣхъ урочищахъ, днѣпровыхъ и полевыхъ и морское, кошевой атаманъ Иванъ Дмитріевичъ Сирко, старшина и чернь, вашему царскому пресвѣтлому величеству многолѣтія и одолѣнія надъ непріятелями и вашимъ царскаго пресвѣтлаго величества наслѣдникамъ отъ всесильнаго Христа Спаса отъ вѣрной службы нашей усердно желаемъ и нижайшія наши поклоненія до лица земнаго, падши передъ вашимъ царскимъ пресвѣтлымъ величествомъ сотворяемъ. Въ нынѣшнемъ 1675 года, марта 8 дня, посылаемъ мы изъ Коша нашихъ товарищей Грицька Дробиненка и Ѳедьку къ вашему царскому пресвѣтлому величеству, объявляя вамъ, что его королевское величество въ третій разъ пишетъ намъ о томъ, чтобы мы шли къ нему на службу и чинили бы общій на бусурманъ промыселъ. Но мы, вѣрно служа вашему величеству, безъ указа вашего величества не йдемъ, а будетъ на то указъ, тогда идти готовы. Да чрезъ этихъ же посланцевъ нашихъ бьемъ челомъ вашему величеству прислать намъ въ Запороги 20.000 войска, кромѣ того просимъ послать донскому войску и калмыцкому тайшѣ Аюку указъ о присоединеніи къ намъ для общаго промысла надъ крымскими улусными людьми, а гетмана направить въ Крымъ Муравскими шляхами. И какъ придетъ къ намъ на Кошъ гетманское войско, то мы тотъ же часъ пойдемъ единодушно за вѣру православную и за церкви божіи чинить промыселъ на Крымъ и на крымскіе улусы. Имѣемъ подлинную вѣсть, что вся воинская орда пошла на помощь къ турскому султану, а коль скоро ханъ услышалъ бы о нашемъ выходѣ, то онъ тотъ часъ покинулъ бы чужую и вернулся въ свою землю. Бьемъ челомъ вашему величеству и о пушкахъ, порохѣ, ядрахъ, о всѣхъ нашихъ прямыхъ клейнотахъ и о войсковыхъ коняхъ, которые забралъ гетманъ Иванъ Самойловичъ у Михаила Ханенка, теперь держитъ у себя и не возвращаетъ ихъ намъ на Кошъ. Да чтобы

ваше царское пресвѣтлое величество пожаловали насъ перевозомъ въ Переволочной, котораго намъ не дали. Просимъ и о морскихъ челнахъ, сколько ихъ есть готовыхъ, чтобы они присланы были намъ въ Переволочну. Смилуйся, великій государь, не презри насъ вѣрныхъ слугъ своихъ своимъ милостивымъ окомъ. При семъ нижайшія услуги наши вашему царскому величеству въ премногую милость отдаемъ. Данъ съ Коша надъ Чортомлыкомъ, въ нынѣшнемъ 1675 году, марта въ 4 день. Вашему царскому пресвѣтлому величеству вѣрные нижайшіе слуги, кошевой атаманъ Иванъ Сирко со всѣмъ войскомъ запорожскимъ до лица земнаго челомъ бьемъ». Въ маѣ мѣсяцѣ того же года Сирко снова написалъ листъ царю, въ которомъ просилъ великаго государя взять его, Сирка, окруженнаго въ Сичи опасностями, изъ Запорожья и позволить жить, съ женой и дѣтьми, «въ прежнемъ дому своемъ, въ Мереоѣ» [1]).

На этотъ листъ царь, настроенный навѣтами гетмана Самойловича, отвѣчалъ Сирку полнымъ отказомъ по всѣмъ пунктамъ его просьбы: къ польскому королю не ходить, а идти одному съ козаками на море, о клейнотахъ не хлопотать, потому что клейноты тѣ вручены польскимъ королемъ Ханенку, а Ханенко ихъ передалъ Самойловичу, а о Келебердѣ и Переволочанскомъ перевозѣ узнать отъ гетмана, который отвѣтитъ Сирку по своему разсмотрѣнію; ни о царскомъ войскѣ, ни донскомъ козачествѣ, ни о калмыцкомъ тайшѣ не просить,—калмыцкіе тайши, вмѣстѣ съ черкесскимъ княземъ Каспулатомъ Муцаловичемъ, ногайскими и едисанскими ордами, особо отъ Сирка, пойдутъ на крымскіе улусы, а самъ гетманъ, соединясь съ княземъ Григоріемъ Ромодановскимъ, пойдетъ противъ турскаго султана и крымскаго хана. Въ заключеніе Сирку внушалось, чтобы впредь изъ Запорожья являлись въ Москву не полтораста, не сто и не сорокъ человѣкъ посланцевъ, а всего лишь десять человѣкъ, лишніе же будутъ кормиться въ Москвѣ на свой счетъ [2]).

Послѣ этого немудрено, что Сирко не исполнилъ одного изъ приказаній царя — прекратить сношеніе съ польскимъ королемъ: мая 13 числа 1675 года писалъ Сирку изъ Межибожья коронный регіментарь Андрей Мондреевскій письмо, въ которомъ извѣщалъ, что, услышавъ отъ господина Стремежскаго, бывшаго съ Сиркомъ

[1]) Поповъ. Русское посольство въ Польшѣ. Спб., 1854, 215.

[2]) Акты южной и западной Россіи. XII, 97, 98, 99, 100, 103—105.

на подъѣздѣ, о походѣ Сирка на оборону вѣры христіанской, на защиту престола королевскаго и на побѣжденіе гордости бусурманской, онъ, Мондреевскій, тотъ же часъ о дву-конь извѣстилъ короля о двукратной побѣдѣ Сиркомъ непріятелей и объ освобожденіи имъ многихъ полоняниковъ [1]) и въ заключеніе приглашалъ его пріѣхать съ товарищами къ королю, за что обѣщалъ ему самому большую милость и вѣчное воздаяніе отъ короля, а всѣмъ его товарищамъ барвы, т.-е. платья богатыя, и довольство во всемъ; мѣсто, куда бы Сирко могъ пріѣхать къ нему, Мондреевскій назначалъ Баръ и Деразну города. Къ этому письму приложено было другое письмо къ тому же Сирку и отъ того же лица. Въ немъ, отъ 5 іюня 1675 года, региментарь извѣщалъ Сирка, что къ нему отправленъ, на услугу, сотникъ и товарищъ Мондреевскаго съ десятью хоругвями, которымъ Сирко можетъ приказать присоединиться къ себѣ у Олатычева и Брагилова; но такъ какъ эти хоругви представляютъ изъ себя пѣхоту и Сирко оттого не требуетъ сотника къ себѣ, то поэтому Мондреевскій просилъ Сирка, чтобы онъ прислалъ къ нему на подъемъ кошевое войско, потому что враговъ сойдется далеко не столько, какъ предполагалось, а нѣсколько десятковъ тысячъ, да и къ тому же пѣшее войско всегда удобнѣе оставлять при крѣпости, а коннымъ дѣлать нападеніе на непріятеля; а если бы самому Сирку захотѣлось осадить пѣхотой Винницу, хотя бы со стороны Седлища, то тамъ такую всегда можно будетъ принанять, лишь бы только о томъ господину Стахорскому, гдѣ бы онъ ни былъ, сказать [2]).

Въ самомъ концѣ мѣсяца мая гетманъ Самойловичъ извѣстилъ царя, что кошевой Сирко принималъ у себя въ Сичи посла польскаго короля Яна III Собѣскаго, ротмистра Ивана Завишу, и, отпуская его отъ себя, подъ видомъ того, чтобы проводить посла изъ Сичи, взялъ съ собой немалую часть войска и вышелъ въ степь, но тутъ войско, видя, что онъ замыслилъ идти къ королю, остановилось и, выбравъ себѣ другого старшого, вернулось въ Сичь; Сирко же, съ небольшой, но вѣрной ему дружиной и съ польскимъ посломъ направился къ королю. Однако, это извѣстіе гетмана оказалось не совсѣмъ вѣрнымъ, въ чемъ увѣряли сами запорожцы письмомъ на имя царя, писаннымъ отъ 1 іюня 1675 года. По словамъ за-

[1]) Гдѣ и когда происходила эта битва въ письмѣ не сказано.
[2]) Акты южной и западной Россіи, XII, 105—107.

порожцевъ и ихъ наказнаго атамана Брекала дѣло происходило такъ: апрѣля 21 дня козаки принимали у себя московскаго посла Василія Перхурова, привезшаго имъ царское жалованье—500 червонцевъ, 150 половинокъ суконъ, 50 пудовъ свинцу и пороху и задержали у себя царскаго посла съ 21 апрѣля по 1 іюня; задержка же произошла потому, что запорожцы поджидали къ себѣ кошевого Сирка, а почему и какъ Сирко вышелъ изъ Сичи, козаки объясняли такъ: весной на святую четыредесятницу пріѣзжалъ къ нимъ польскій посолъ Иванъ Завиша, приглашая войско на службу къ польскому королю, но войско отъ предложенія отказалось и послало съ тѣмъ посломъ къ королю двухъ своихъ козаковъ; обо всемъ этомъ войско извѣстило и гетмана Самойловича. Дѣло происходило апрѣля 12 дня; въ этотъ же день Сирко, взявъ съ собой часть коннаго войска, пошелъ въ поле за Бугъ для добычи и языка; разгромивъ за Бугомъ орду, Сирко расположился тамъ станомъ съ отрядомъ нѣсколько болѣе двухсотъ человѣкъ и поджидалъ случая, чтобы вновь напасть на враговъ. Въ это самое время и прибылъ царскій посолъ Василій Перхуровъ; запорожцы, со дня на день поджидая Сирка въ Сичу и не дождавшись его, рѣшили, наконецъ, не удерживать больше посла въ Запорожьѣ и отправили его отъ себя іюня перваго числа, обѣщаясь извѣстить царя о приходѣ Сирка въ Сичу и о всѣхъ вѣстяхъ, которыя онъ привезетъ съ собой. Самъ Сирко, вернувшійся въ Сичу іюня 19 дня, писалъ обо всемъ, что съ нимъ произошло по выходѣ изъ Запорожья на Бугъ, къ боярину Григорію Григорьевичу Ромодановскому слѣдующее: «Апрѣля 12 числа вышелъ я изъ Коша, съ частью конныхъ козаковъ, не для чего иного, какъ для того, чтобы чинить промыселъ надъ непріятелями, турками и татарами, и узнать обо всѣхъ ихъ замыслахъ. Пробывъ нѣсколько недѣль въ Кугманѣ и въ другихъ обыкновенныхъ мѣстахъ, гдѣ обращаются непріятели, я однимъ погромомъ шестью (sic) орду разгромилъ и 1.000 человѣкъ христіанскаго ясыря изъ неволи освободилъ, потомъ, узнавъ, что присланный турецкимъ султаномъ Ибрагимъ-паша отъ Днѣстра къ Рашкову перешелъ, а крымскій ханъ у Чернаго-Острова сталъ и оба вмѣстѣ подъ Кіевъ положили идти, я, не мало не медля, на Кошъ повернулъ. Идя полемъ близь рѣки Великаго Ингула, я наткнулся на крымскую орду и на городчанъ, къ Дорошенку шедшихъ; тутъ божіею помощью, и счастьемъ великаго государя, я ихъ всѣхъ разбилъ и языковъ взялъ; тѣ языки ска-

зали мнѣ, что они шли къ ханову сыну, который стоялъ при Дорошенкѣ съ 500 татаръ. Пришедъ же на Кошъ іюня въ 16 день, я обо всемъ твоей княжей милости подробно написалъ. А прежде моего прихода на Кошъ, другимъ днемъ, пришли къ намъ больше двухъ сотъ человѣкъ калмыковъ и донскихъ козаковъ, имѣя большую охоту съ непріятелемъ побиться, а особенно на Крымъ ударить, потому что тамъ теперь, кромѣ одного Калги-Султана въ Перекопѣ, совсѣмъ войска нѣтъ. И если бы твоей милости угодно было съ господиномъ гетманомъ намъ козацкаго войска и ратныхъ людей прислать, то мы могли бы большое замѣшаніе нынѣшнимъ временемъ въ Крыму учинить».

Иначе изложилъ все это дѣло царскій посолъ Василій Перхуровъ, пріѣхавшій въ Москву іюня 24 дня. Перхуровъ разсказывалъ слѣдующее: Пріѣхавъ въ Сичу апрѣля 21 дня, онъ кошевого атамана Сирка тамъ не засталъ, потому что 10 апрѣля кошевой изъ Запорожья ушелъ, ушелъ же онъ вотъ почему: пріѣзжалъ къ нему польскій посолъ Иванъ Завиша и обнадежилъ Сирка, что королевское величество пожалуетъ его честью, сдѣлаетъ его гетманомъ надъ всѣми гетманами, такъ какъ королевское величество всегда сѣтуетъ, что Сирко, такой славный воинъ, въ ратномъ дѣлѣ большой промышленникъ, много лѣтъ на полѣ подвизавшійся, но и по настоящее время не взысканъ и не пожалованъ честью. Привезъ тотъ посолъ войсковой старшинѣ королевскаго жалованья—кошевому 40, судьѣ, писарю, асаулу по 10 червонцевъ; козаки, узнавъ о томъ, отняли у старшины тѣ всѣ 70 червонцевъ и положили ихъ въ войсковую скарбницу. Сирко, по пріѣздѣ посла, собиралъ двѣ рады, и на тѣхъ радахъ Завиша говорилъ козакамъ, чтобы они вновь сдѣлались подданными польскаго короля и шли бы къ нему на помощь, обнадеживая ихъ и деньгами, и сукнами, и жалованьемъ. Но войско, выслушавъ это, отвѣтило, что прежде того ходило оно на помощь къ польскимъ королямъ въ штанахъ, а возвращалось отъ него безъ штановъ. Тогда Сирко, выкинувшись изъ рады, пошелъ изъ круга сперва одинъ съ Завишей, а потомъ къ нему пришло въ поле около 300 человѣкъ козаковъ. Разсердясь на козаковъ, питая надежду на польскаго короля и будучи недоволенъ на гетмана за то, что именно онъ, а не Сирко, получилъ этотъ чинъ, кошевой назначилъ вмѣсто себя наказнаго атамана Ивана Брекала, а самъ ушелъ къ королю. На отходѣ козаки говорили Сирку, чтобы онъ къ польскому королю не ходилъ; если же пойдетъ и станетъ

ему служить, то они отыщутъ его жену и будутъ держать ее въ крѣпости, на что Сирко имъ отвѣчалъ, что прежде всего онъ желаетъ сдѣлать угодное королю, а король, пожаловавъ его гетманомъ, прикажетъ и жену его отыскать. По выходѣ изъ Сичи отъ Сирка отдѣлились около ста человѣкъ козаковъ съ Власомъ Бородавченкомъ во главѣ, и пошли подъ турецкіе города Кизы-Кермень и Касминъ. Потомъ Власъ Бородавченко вернулся въ Сичь и привелъ съ собой трехъ человѣкъ языковъ; тѣ языки сказали, что турецкіе паши стоятъ подъ Рашковомъ и Брацлавомъ, а сколько всего войска, того не знаютъ. Во время пребыванія царскаго посла въ Запорожьѣ, ходилъ изъ Сичи, съ 300 козаковъ, бывшій кошевой атаманъ Луцыкъ, подъ городъ Перекопъ, а обратно изъ Крыма—въ Бѣлогородчину; онъ былъ въ походѣ полъ-третьи недѣли и пришелъ въ Сичу съ большою добычею и ясыремъ,—на каждаго козака по одному ясырю. А раньше пріѣзда въ Сичь посла, ходило около 40 человѣкъ козаковъ подъ турскіе города на море, и тѣ благополучно вернулись на Сичь, добывъ себѣ по 15 ефимковъ да по два ясыря на человѣка. За недѣлю передъ самымъ отъѣздомъ царскаго посла изъ Запорожья, 500 человѣкъ козаковъ ходили подъ Перекопъ съ начальнымъ человѣкомъ Василіемъ Трофимовымъ, тѣмъ самымъ, который раньше задержанъ былъ въ Москвѣ до привоза туда самозванца; да на море, кромѣ того, ходило человѣкъ 300 или больше того. Всѣ запорожцы очень желали, чтобы къ нимъ пришли калмыки, человѣкъ 300 или 500, тогда бы они немедленно ударили на Крымъ; давно были бы козаки и подъ Перекопомъ, да Сирко своимъ походомъ ихъ остановилъ [1]).

Сводя къ общему всѣ четыре показанія—Самойловича, Сирка, Брекала и Перхурова,—мы видимъ, что запорожцы съ своей стороны утаивали обо всѣхъ своихъ намѣреніяхъ, а Самойловичъ и Перхуровъ съ своей стороны черезчуръ подозрѣвали ихъ въ коварныхъ замыслахъ. Несомнѣнно здѣсь одно, что хотя Сирко и сносился съ польскимъ королемъ, желая черезъ него добиться гетманской булавы, но онъ вовсе не думалъ измѣнять русскому царю, а тѣмъ болѣе мирволить крымскому хану.

Октября 1 дня, 1675 года, Сирко доносилъ гетману Самойловичу, что въ Сичу, по царскому указу, присланы были къ Сирку черкесскій князь Каспулатъ Муцаловичъ, стольникъ Иванъ Леонтьевъ,

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XII, 111, 112—115, 127, 132, 137, 377.

голова стрѣльцовъ Иванъ Лукашкинъ, донской атаманъ Фролъ Минаевъ (съ 200 человѣкъ донцовъ) и калмыцкій начальникъ мурза Мазанъ; съ ними Сирко, имѣя у себя 1.500 человѣкъ козаковъ, ходилъ 17 сентября подъ городъ Перекопъ и, будучи въ Крыму, несмотря на извѣстіе перебѣжчика кумычанина, сообщившаго татарамъ о приходѣ въ Крымъ козаковъ, несмотря на татарскія заставы, заранѣе противъ козаковъ устроенныя, большой непріятельскій отрядъ разбилъ, села огнемъ опустошилъ, большую добычу взялъ, много христіанскихъ душъ изъ неволи освободилъ и послѣ всего этого въ полной цѣлости и безъ всякаго урона возвратился въ Сичь.

Узнавъ о дѣйствіяхъ Сирка противъ татаръ, Самойловичъ сталъ показывать ему видимое расположеніе, для чего прислалъ въ Сичь гостинецъ — хлѣбные запасы, ветчину и вино. Впрочемъ, черезъ 18 лѣтъ послѣ этого запорожцы говорили, что это дружеское расположеніе Самойловича къ Сирку вызвано было угрозой со стороны Сирка за отнятыхъ гетманомъ у запорожцевъ плѣнниковъ: «Когда бывшій гетманъ Самойловичъ попробовалъ сдѣлать надъ нами такой подкопъ,—писали запорожцы Мазепѣ,—то Сирко написалъ ему, что на него готовится 100.000 сабель, и Самойловичъ такъ струсилъ, что тотчасъ прислалъ къ намъ и вина, и ветчины и всякаго запасу» [1]. Такъ или иначе, но Сирко отвѣчалъ гетману благодарственнымъ листомъ за полученный гостинецъ, причемъ высказывалъ полную готовность примириться съ гетманомъ и сообща дѣйствовать противъ наступающихъ непріятелей на благо отчизны и вѣрность царю: «Такъ какъ мы нѣкогда передъ образомъ Христа и Богоматери обязались истинное пріятство между собой соблюдать, то я всею душою хочу сдержать свое обѣщаніе, хотя злохитрый врагъ постоянно, съ обѣихъ сторонъ, даетъ поводъ къ разрыву той дружбы и добраго союза межъ нами. Теперь же, когда твоя вельможность прислалъ мнѣ ласковый листъ съ выраженіемъ дружбы своей ко мнѣ, то я готовъ вспомнить обоюдную клятву нашу передъ святымъ образомъ и призвать на помощь всемогущаго Бога, чтобы онъ продолжилъ згоду между нами на благое дѣло отчизны дорогой». Тутъ же Сирко не забылъ попросить гетмана о ходатайствѣ о немъ передъ царемъ, чтобы царь, видя старость кошевого, позволилъ ему въ собственномъ домѣ жить и отъ всякихъ бѣдъ тѣмъ избавиться [2])

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1864, XIV, 209.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XII, 258—260, 374, 288.

Скоро, однако, эта дружба гетмана съ кошевымъ оказалась дружбой двухъ котовъ, посаженныхъ въ одинъ мѣшокъ. Не прошло и двухъ недѣль послѣ обмѣна письмами гетмана съ кошевымъ, какъ Самойловичъ, узнавъ о сношеніяхъ Сирка съ Дорошенкомъ, снова началъ строчить доносы на кошевого въ Москву, подозрѣвая его въ коварствѣ и въ невѣрности царю. Но Сирко и на этотъ разъ вовсе не думалъ объ измѣнѣ ни гетману, ни царю.

«Гетманъ войска запорожскаго Петръ Дорошенко,—писалъ Сирко царю,—отъ давнихъ лѣтъ имѣя подданственное намѣреніе къ пресвѣтлому престолу вашего царскаго величества, не могъ за многими нѣкоторыхъ завистныхъ людей препонами, привести его въ совершеніе. Но теперь, желая его совершить, писалъ къ войску низовому, дабы мы для этого добраго дѣла пріѣхали къ нему. Мы, учинивъ раду войсковую общую, рѣшили къ нему идти [1]), и какъ скоро подошли къ Чигирину съ войскомъ низовымъ запорожскимъ и частію донского [2]), то Дорошенко тотчасъ, въ присутствіи чина духовнаго, со всѣмъ старшимъ и меньшимъ товариствомъ и со всѣмъ своимъ войскомъ и посполитыми людьми, передъ святымъ евангеліемъ присягнулъ на вѣчное подданство вашему царскому величеству; а мы присягнули ему, что онъ будетъ принятъ вашимъ царскимъ величествомъ въ отеческую милость, останется въ цѣлости и ненарушенъ въ здоровьѣ, въ чести, въ пожиткахъ, со всѣмъ городомъ, со всѣми товарищами и войскомъ, при милости и при клейнотахъ войсковыхъ, безо всякой за прошлыя преступленія мести, отъ всѣхъ непріятелей, татаръ, турокъ и ляховъ, будетъ войсками вашего царскаго величества защищенъ, мѣста всѣ запустѣлыя на сей западной) сторонѣ Днѣпра опять людьми населятся и будутъ они вольностями своими тѣшиться и разживаться, какъ и заднѣпровская (восточная) сторона».

Лѣтописецъ Самоилъ Величко, разсказывая объ этомъ свиданіи Сирка съ Дорошенкомъ почти буква въ букву съ приведеннымъ письмомъ, прибавляетъ лишь то, что послѣ присяги Дорошенка, Сирко нѣсколько дней гулялъ въ Чигиринѣ, а при отпускѣ получилъ, вмѣстѣ со всѣмъ значнымъ запорожскимъ низовымъ това-

---

[1]) По указанію Величка, у Сирка было 1.500 добраго товариства: II, 370.

[2]) Вмѣстѣ съ Фроломъ Минаевымъ, а также съ частью калмыковъ; Акты, XII, 275.

риствомъ, большіе подарки, кромѣ того особо для всего войска—три добрыхъ арматы (пушки) съ конями и со всѣмъ приборомъ [1]).

О томъ же писали самъ Сирко [2]), Дорошенко и гоголевскій священникъ Исаакій гетману Самойловичу, а переяславскій полковникъ Войца-Сербинъ кіевскому воеводѣ Алексѣю Голицыну. Сирко лишь скрылъ то, какъ отнеслось къ нему большинство козаковъ во время пребыванія его въ Чигиринѣ: полтавскій полковникъ Левенецъ сообщалъ по этому поводу гетману, что запорожскіе козаки, разсердившись на кошевого и войскового товарища Квашу, за какую-то казну, чуть не предали ихъ смерти посреди Чигирина, а гадячскій полковникъ Михайловъ сообщалъ гетману, что Сирко едва не былъ убитъ, уже идя назадъ изъ Чигирина, во-первыхъ, за то, что онъ не взялъ съ собой Дорошенка, когда представился такой удобный случай къ тому; во-вторыхъ, за то, что не всѣ клейноты войсковые съ собою взялъ, оставивъ много пушекъ за городомъ; въ-третьихъ, за то, что раньше обоюдной присяги Сирка и Дорошенка, не доѣзжая до города, за пять верстъ, гетманъ кланялся Сирку за урядъ гетманства и булаву ему свою вручилъ; это послѣднее всего больше раздражило козаковъ, и когда Сирко отозвался, что сами же они, позволяя покрыть сырно (т.-е. столъ) знаменами, гетманство ему давали, то козаки отвѣчали, что онъ съ гетманомъ что-то губительное выдумалъ для отчизны своей; по всему этому Сирко едва успѣлъ «собственнымъ вымысломъ» уйти отъ озлобленныхъ козаковъ: одинъ гадячскій козакъ разсказывалъ, что Сирко, нагнавъ его, самъ лично, о дву-конь, спросилъ, котораго куреня онъ, и узнавъ, что это городовой козакъ, побѣжалъ шляхомъ отъ него; по догадкамъ козака, Сирко спросилъ о куренѣ потому, что запорожцы хотѣли дѣлить полученную ими водку въ Чигиринѣ по куренямъ, а когда окончился тотъ дѣлежъ, то казаки, перепившись, побили старшину [3]).

Оставивъ Чигиринъ и принявъ отъ Дорошенка присягу на подданство русскому царю, кошевой Сирко въ слѣдъ за этимъ разослалъ листы объ этомъ всѣмъ полковникамъ гетмана Самойловича: «Объявляю, что гетманъ Петръ Дорошенко отъ турскаго султана и крымскаго хана отступилъ, и подъ высокодержавную

[1]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 370, 371.

[2]) 12 октября 1675 года: Акты, XII, 273—276, 265, 368.

[3]) Акты южной и западной Россіи, XII, 326, 287—290, 305.

руку царскаго величества подклонился; такъ извольте междоусобную брань между народомъ христіанскимъ оставить и инымъ заказать, которыхъ много, что̀ общему христіанскому дѣлу не рады; ибо всѣ мы единаго Бога созданіе, надобно жить, чтобы Богу было годно и людямъ хвально, дабы Богъ обратилъ ярость злую на бусурманъ. Всѣмъ людямъ прикажите, чтобы никто не ходилъ на ту сторону обиды дѣлать».

Узнавъ обо всемъ происшедшемъ въ Чигиринѣ, гетманъ Самойловичъ въ одинъ и тотъ же день (октября 19 дня) написалъ «о хитростяхъ и коварствѣ Дорошенка и Сирка» украинскимъ полковникамъ и всему народу своему; потомъ написалъ самому кошевому Сирку, совѣтуя ему, чтобы онъ внушилъ Дорошенку, если тотъ искренне желаетъ перейти къ царю, пріѣхать въ Батуринъ со старшиной и тамъ въ присутствіи гетмана и бояръ присягу въ подданство православному монарху установить. Въ это же самое время (октября 19 дня) Самойловичъ писалъ боярину Артемону Сергѣевичу Матвѣеву; въ письмѣ къ Матвѣеву гетманъ называлъ Сирка коварнымъ и хитрымъ человѣкомъ и совѣтовалъ не во всемъ вѣрить черкесскимъ и калмыцкимъ посламъ, ѣхавшимъ изъ Сичи въ Москву съ извѣстіемъ о побѣдѣ козаковъ въ Крыму: «Нынѣ уразумѣлъ я, что Сирко подучилъ ихъ такъ, какъ передъ нами и передъ всѣми нашими въ Батуринѣ явно говорили черкесы и калмыки: «намъ, сказываютъ, съ Москвою трудно ходить, потому что русскіе тяжко ходятъ, пустъ съ нами одни козацкія войска ходятъ». «Да и въ дѣлѣ съ Дорошенкомъ ни ему, ни Дорошенку вѣрить нельзя: и турки и татары Дорошенка оставили безъ помощи теперь, гетмановать ему не надъ кѣмъ, потому что отъ Днѣпра до Днѣстра и духа человѣческаго нѣтъ, кормить войско, вслѣдствіе наступленія зимы, нечѣмъ ему, оттого и придумалъ онъ подданство православному царю, чтобы вновь, съ весной, идти противъ насъ. А Сирко и по прошлымъ дѣламъ извѣстенъ намъ: въ прошломъ году, какъ и теперь, онъ помѣшалъ намъ сдѣлать доброе дѣло и черезъ своихъ посланцевъ Бѣлаго и Кривоноса говорилъ Дорошенку такія слова: если будетъ на тебя Москва наступать, тотъ часъ войско запорожское къ тебѣ въ помощь придетъ, а клейнотовъ войсковыхъ отнюдь Москвѣ не отдавать». Самъ царь обо всемъ происшедшемъ въ Чигиринѣ извѣщенъ былъ ноября 17 дня.

Тутъ же, къ случаю, гетманъ, черезъ посланца своего доно-

силъ въ Москву, что въ Чигиринѣ писали Сирку 100 человѣкъ запорожскихъ черкасъ, завезенныхъ Ханенкомъ къ польскому королю, потомъ вышедшихъ со знаменемъ и литаврами на лѣвую сторону Днѣпра и поселенныхъ было гетманомъ по разнымъ городамъ, но послѣ сношенія ихъ съ Сиркомъ лишенныхъ своихъ клейнотовъ и разосланныхъ въ дальнія мѣста.

Царь на письмо Самойловича отвѣчалъ грамотой отъ 25-го ноября на имя Дорошенка, въ которой приказывалъ ему, если желаетъ поступить въ подданство великаго государя, учинить присягу о томъ въ присутствіи боярина Ромодановскаго и гетмана Самойловича; а о клейнотахъ царь Сирку, чтобы онъ отослалъ ихъ гетману. О томъ же извѣщены были гетманъ Самойловичъ и бояринъ Ромодановскій.

Получивъ извѣщеніе отъ гетмана и воеводы о пріѣздѣ къ нимъ для присяги царю и о приводѣ турскихъ санджаковъ [1]) съ собой, Дорошенко, боясь за безопасность свою, послалъ къ Сирку спросить его совѣта на этотъ счетъ, отдавать-ли ему санджаки за Днѣпръ, или нѣтъ [2]).

Въ тоже время, не чувствуя за собой никакой передъ царемъ вины и искренне желая передаться ему, Дорошенко отправилъ въ Москву собственнаго посланца Ивана Сенкевича съ подробнымъ изъясненіемъ всего происшедшаго между нимъ и Сиркомъ въ Чигиринѣ. Сенкевичъ, прибывъ въ Москву, разсказалъ, что, посланный отъ Дорошенка, онъ прежде всего явился къ гетману Самойловичу, отъ Самойловича поѣхалъ къ воеводѣ Ромодановскому; выѣхалъ съ 30 запорожскими козаками—Евсевіемъ Шаполомъ съ товарищами, оставленными Сиркомъ въ Чигиринѣ; гетманъ ихъ не принялъ у себя, а воевода, отпустивъ Сенкевича, задержалъ у себя Шапола съ 30 товарищами; на отпускѣ посланца Дорошенко наказалъ ему бить челомъ великому государю быти въ вѣчномъ подданствѣ подъ самодержавною рукой у его царскаго пресвѣтлаго величества; а, о гетманѣ Самойловичѣ и воеводѣ велѣлъ сказать, что къ нимъ онъ для присяги потому не поѣхалъ, чтобы съ нимъ не случилось того, что случилось съ Брюховецкимъ и Сомкомъ; оттого, имѣя это опасеніе, онъ написалъ въ Запо-

---

[1]) «Санджакъ» съ турецкаго на русскій значитъ знамя.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XII, 278, 272, 280, 312, 319—321, 324, 329—337, 355.

рожье къ кошевому Ивану Сирку, чтобы онъ пріѣхалъ въ Чигиринъ быть свидѣтелемъ присяги Дорошенка на подданство его царскому величеству; по тому зову кошевой атаманъ, взявъ съ собой около 1.500 запорожскихъ козаковъ, донского станичнаго атамана Флора Минаева и 200 человѣкъ донцевъ, пришелъ и сталъ въ пяти верстахъ не доходя Чигирина; тогда Дорошенко, съ людьми духовнаго и мірскаго чина и съ малыми дѣтьми, вышелъ Сирку на встрѣчу; не доходя полверсты до города, былъ пропѣтъ молебенъ за многолѣтнее государское многолѣтіе, послѣ чего Дорошенко, со всей старшиной и поспольствомъ, въ присутствіи Сирка, Минаева и всего войска, принесъ присягу предъ святымъ евангеліемъ на вѣрное и вѣчное подданство его царскому величеству, и всѣ клейноты войсковые поручилъ Сирку и войску; послѣ той присяги чинили стрѣльбу изъ пушекъ и изъ мелкихъ ружей почти весь день; пріѣхавъ въ самый городъ, Сирко и Минаевъ обѣдали у Дорошенка; послѣ того прожили они въ Чигиринѣ 13 дней; оставивъ въ Чигиринѣ вышеупомянутыхъ запорожцевъ съ Евсевіемъ Шашоломъ во главѣ, числомъ 30 человѣкъ, да донскихъ козаковъ 3 человѣка и взявъ съ собой клейноты—булаву, знамя, 6 пушекъ полковыхъ, да двѣ бочки пороху, ушли въ Запорожье; а объ остальныхъ клейнотахъ сказали ему, чтобы онъ берегъ ихъ до весны и до царскаго указа; да онъ же Сирко велѣлъ ему, Дорошенку, писать себя попрежнему гетманомъ, до царскаго указа [1]).

Само собою разумѣется, что поступокъ Сирка и Дорошенка не могъ понравиться царю, и потому царь на донесеніе Дорошенка и Сирка отвѣчалъ грамотою кошевому такъ: «Ты это сдѣлалъ не по нашему указу, не давши знать князю Ромодановскому и гетману Самойловичу: и впредь бы тебѣ и всему войску запорожскому низовому съ Дорошенкомъ не ссылаться и въ дѣла его не вступаться, и тѣмъ съ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ не ссориться. Да намъ извѣстно, что ты взялъ у Дорошенка клейноты войсковые гетманскіе, данные нами прежде гетманамъ, булаву, бунчукъ, знамя, и отвезъ ихъ къ себѣ на Запорожье, и теперь эти клейноты у тебя: и ты-бъ сейчасъ же отослалъ ихъ къ князю Ромодановскому и гетману, потому что прежде на Запорожьѣ никогда гетманскихъ клейнотовъ не бывало». Вмѣстѣ съ этимъ отвѣтомъ

[1]) Акты южной и западной Россіи, XII, 372, 305.

Дорошенку и Сирку послана была царская грамота для вѣдома и гетману Ивану Самойловичу. По той грамотѣ гетманъ писалъ (отъ 18 декабря) кошевому письмо, въ которомъ упрекалъ его за то, что онъ листы свои къ полковникамъ Самойловича объ отпаденіи Дорошенка отъ турскаго султана и крымскаго хана писалъ, и что онъ съ такимъ, какъ Дорошенко, обманчивымъ человѣкомъ, столькихъ людей туркамъ и татарамъ отдавшимъ изъ своихъ рукъ, въ дружбу вступилъ; а въ заключеніе совѣтовалъ Сирку не приставать къ развращенному Дорошенкову расколу, не посылать листовъ къ гетманскимъ полковникамъ и не утверждать Дорошенка на гетманство [1]).

Тѣмъ не менѣе Сирко и послѣ всего этого не переставалъ просить царя (черезъ посланца своего Максима Щербака, 1675 года, ноября 12-го дня) оказать премногую свою милосердую милость гетману Дорошенку, причемъ извѣщалъ царя, что турскіе санджаки, дарованные Дорошенку султаномъ, Сирко посылаетъ царю. На листъ кошевого царь Алексѣй Михайловичъ отвѣчалъ грамотой (1675 года 21 января) Дорошенку, въ которой приказывалъ гетману ѣхать къ Ромодановскому и Самойловичу и въ присутствіи ихъ учинить присягу, а о безопасности Дорошенка со стороны боярина и гетмана царь приказалъ послать 27 декабря [2]) особыя грамоты какъ Самойловичу, такъ и самому Дорошенку [3]); въ грамотѣ было сказано, что если Дорошенко окажется по истинѣ вѣрнымъ царю, то о прежнихъ дѣлахъ его будетъ забыто все; а пожелаетъ онъ со всѣми родственниками пріѣхать въ Москву, то получитъ тамъ премногую милость и жалованье и будетъ отпущенъ, по желанію, въ одинъ изъ малороссійскихъ городовъ.

Между тѣмъ о переходѣ Дорошенка къ русскому царю тотъ же часъ узнали турки; узнали они и о томъ, что виною всему тому кошевой Сирко, и потому рѣшили ему отомстить: «Увѣдавъ про то, что Дорошенко турскому султану измѣнилъ, онъ велѣлъ крымскому хану быть готову и идти, какъ снѣгъ сойдетъ и вода вскроется, на Дорошенка и на Сѣрка. Да турскій же султанъ хочетъ послать нынѣшнею весною на Сѣчю на Сѣрка, сухимъ и водянымъ путемъ, ратныхъ людей, чтобъ въ Сѣчѣ городъ поста-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XII, 393—398.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XII, 398, 401, 464.

[3]) Акты южной и западной Россіи, XII, 444—446, 462.

вить для того, дабы запорожскіе козаки впредь на море не выходили и имъ, туркамъ, разореніе не чинили» [1]).

Угроза эта приведена была въ исполненіе турецкимъ султаномъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1675 года; объ этомъ событіи разсказываетъ съ особенною подробностью малороссійскій лѣтописецъ Самоилъ Величко.

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XII, 417.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Планъ турецкаго султана Магомета IV о разрушеніи Сичи.—Присылка имъ въ Крымъ 15.000 человѣкъ янычаръ.—Походъ крымскаго хана съ 40.000 татаръ и 15.000 янычаръ въ Сичу.—Случайный спаситель Сичи Шевчикъ.—Избіеніе тринадцати съ половиной тысячъ янычаръ въ Сичи. — Погоня за ханомъ и очищеніе Сичи отъ непріятельскихъ труповъ. — Письмо хана въ Сичь съ просьбой о выкупѣ плѣнныхъ.—Походъ Сирка въ Крымъ, раздѣленіе на двѣ половины войска и страшный погромъ Крыма.—Возвращеніе Сирка назадъ, отдыхъ въ степи и избіеніе 4.000 человѣкъ христіанъ.—Прибытіе Сирка въ Сичу и отправка листа крымскому хану и смѣхотворнаго письма турецкому султану.

Не насытившись поглощеніемъ премногаго козацко-русскаго народа, разореніемъ семнадцати городовъ во главѣ съ Лодыжинымъ и Уманью, не удовольствовавшись обращеніемъ ихъ въ пепелъ и сравненіемъ съ землей, турецкій султанъ Магометъ IV задумалъ истребить все запорожское войско и разорить самый Кошъ его; на это дѣло онъ прислалъ осенью 1675 года на корабляхъ изъ Константинополя 15.000 отборныхъ стамбульскихъ янычаръ и велѣлъ крымскому хану съ этими янычарами и со всей крымской ордой, при наступленіи зимы, постараться выбить всѣхъ запорожцевъ до конца, а самую Сичь ихъ разорить до основанія. Ханъ, желая слышать о томъ приказаніе изъ устъ самого султана и его визиря, бѣгалъ на легкѣ тою же осенью въ Стамбулъ и, не долго оставаясь тамъ, повернулъ въ Крымъ; все время послѣ этого онъ совѣтовался со своими крымскими солтанами, агами и мурзами и выискивалъ способовъ, какими можно было бы исполнить свой злой умыселъ надъ войскомъ низовымъ запорожскимъ и его Кошемъ. Послѣ совѣта поставлено было привести въ исполненіе злое приказаніе турецкой Порты непремѣнно въ предстоящую зиму, на святкахъ Рождества Господня, когда войско запорожское привыкло гулять и подпивать. И вотъ, какъ скоро тог-

дашняя зима, «чрезъ майстерство крѣпкихъ морозовъ своихъ», замуровала днѣпровскія глубины и рѣчки полевыя твердыми льдами и пріодѣла достаточными снѣгами, тогда крымскій ханъ тотъ же часъ приказалъ сорока тысячамъ крымской орды быть готовыми для военнаго похода, а пятнадцати тысячамъ янычаръ велѣлъ дать лошадей, не объявляя никому, куда именно онъ поведетъ ихъ въ походъ. Когда кончился филипповъ постъ, тогда самъ ханъ, снявшись изъ Крыма со всѣмъ названнымъ войскомъ своимъ, пошелъ по направленію къ запорожской Сичи, стараясь держаться въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега Днѣпра, чтобы не быть замѣченнымъ запорожцами, зимовавшими по днѣпровскимъ островамъ и вѣткамъ и чтобы все войско запорожское низовое какимъ-нибудь способомъ не узнало о томъ. На третью или четвертую ночь Рождества Христова, въ самую полночь, ханъ, приблизившись къ Сичи, захватилъ сичевую стражу, стоявшую въ верстѣ или въ двухъ верстахъ отъ Сичи на извѣстномъ мѣстѣ, и отъ этой стражи узналъ, что войско пьяное спитъ безпечно по куренямъ и что другой стражи нѣтъ ни около, ни въ самой Сичи; ханъ очень обрадовался этому и сейчасъ же, выбравши самаго лучшаго изъ пойманныхъ сторожевыхъ и пообѣщавъ ему свободу и большую награду, приказалъ ему провести пѣхотныхъ янычаръ во внутрь запорожской Сичи чрезъ ту фортечку [1]), которая, по показанію самихъ сторожевыхъ, не была заперта на ту пору. Итакъ, отправивши всѣхъ янычаръ въ Сичу съ названнымъ запорожскимъ сторожевымъ, ханъ приказалъ имъ, вошедши въ нее, «учинить належитій военній надъ пьяноспящими запорожцами промыселъ». Самъ же между тѣмъ, объѣхавши съ ордой вокругъ Сичь и густо обступивши ее, стоялъ неподалеку наготовѣ, чтобы не выпустить и «духа имѣющихъ утекать» запорожцевъ. Но на этотъ разъ надъ турками и татарами сбылась старая пословица: «що человѣкъ себѣ обѣцуе, тое Богъ нищуе»: надежда хана выгубить все запорожское войско и разорить самый кошъ не осуществилась. Хотя ханъ и зналъ, что войско запорожское привыкло въ праздничные дни подпивать и безпечно спать, но не припомнилъ того, что множество этого же самаго войска имѣло обыкновеніе собираться въ праздникъ Рождества Христова до Сичи со всѣхъ низовыхъ днѣпровскихъ луговъ [2]) и что большинство изъ

[1]) Фортка—въ смыслѣ калитки, прохода или «пролаза».

[2]) Въ виду предстоящихъ выборовъ войсковой старшины, происходившихъ у запорожцевъ 1 января каждаго новаго года.

этого войска были трезвые, а не пьяные люди. Но вотъ насталъ «полуночный часъ»; все войско, не слыша ни о какой тревогѣ и не имѣя вѣсти о намѣреніи бусурманъ, «зашпунтовавшись» въ куреняхъ, безпечно опочивало; въ это самое время янычары, тихо введенные чрезъ открытую фортку пойманнымъ запорожскимъ сторожевымъ, вошли въ Сичу и наполнили собой всѣ ея улицы и переулки и такъ стѣснились, какъ то бываетъ въ церкви. Однако, имѣя въ рукахъ готовое оружіе, они помрачены были всевидящимъ Богомъ въ ихъ разумѣ: войдя въ Сичу, они и не подумали о томъ, что дальше дѣлать и какимъ способомъ разорить то рыцарское гнѣздо низово-днѣпровскихъ козаковъ, нашихъ мальтійскихъ кавалеровъ, и какъ ихъ всѣхъ выбить до конца; или, быть можетъ, начальники янычаръ, за тѣснотой, не могли сойтись и посовѣтоваться между собой, какъ начать и кончить свой злодѣйскій умыселъ. Такъ или иначе, но, наполнивъ собою всю Сичу, захвативъ всѣ сичевыя арматы, заступивъ всѣ открытыя мѣста, янычары стояли нѣсколько времени въ недоумѣніи и тихомъ молчаніи; когда же повернуло съ полночи и Богъ Вседержитель благословилъ соблюсти въ цѣлости то православное и преславное низовое запорожское войско, тогда онъ отогналъ сонъ нѣкоему Шевчику, козаку одного куреня; этотъ Шевчикъ, вставши для своего дѣла и отворивши кватерку [1]), началъ сквозь оконную щель присматриваться, рано-ли еще или нѣтъ, и неожиданно увидѣлъ людей, непріятелей-турокъ, всю улицу заполонившихъ собой; Шевчикъ пришелъ въ ужасъ; однако, тотъ же часъ тихо засвѣтилъ нѣсколько свѣчей въ своемъ куренѣ, сообщилъ знаками пятерымъ или шестерымъ товарищамъ своимъ, еще не ложившимся спать, но сидѣвшимъ въ углу куреня, закрывшимся тамъ и игравшимъ въ карты. Товарищи, услышавъ слова Шевчика и побросавъ карты, заразъ бросились тихонько ко всѣмъ окнамъ куреня своего и, не отворяя ихъ, стали присматриваться въ оконныя щели, чтобы убѣдиться, правда-ли то, что сказалъ Шевчикъ. Когда же и сами увидѣли, что Сичь ихъ наполнена непріятелями-турками, то немедленно и возможно тихо побудили всѣхъ товарищей своего куреня, которыхъ было до полутораста человѣкъ, и сообщили имъ о грозившей бѣдѣ. Товарищи быстро повставали, тихо поодѣвались, осторожно забрали въ

---

[1]) «Кватерка» съ польскаго собственно значитъ «четвертая часть» окна, въ нашемъ смыслѣ «форточка» окна.

руки оружіе и потомъ послѣ совѣта съ куреннымъ атаманомъ, рѣшили устроить слѣдующее: поставить къ каждому окну по нѣсколько человѣкъ лучшихъ стрѣльцовъ, чтобы они безпрестанно стрѣляли, а другіе, чтобы только заряжали ружья и первымъ подавали. Устроивши все это безъ великаго шума и помолившись Богу, козаки сразу поотворяли всѣ окна и оконницы и начали густо и безпрестанно стрѣлять въ самое скопище янычаръ, сильно поражая ихъ; тогда другіе курени, услышавъ выстрѣлы и увидѣвши непріятеля, тотъ же часъ открыли со всѣхъ сторонъ чрезъ окна густой и безпрестанный мушкетный огонь, и какъ бы молніей освѣтили темную ночь въ Сичи, тяжко поражая турокъ, кои отъ одного выстрѣла падали по двое и по трое человѣкъ. Янычары же, не имѣя возможности, вслѣдствіе своей тѣсноты, направлять оружія прямо противъ куренныхъ оконъ, стрѣляли на воздухъ и, «аки козлы между собою мятущися», падали на землю убитыми и утопали въ собственной крови. Когда же толпы янычаръ стали рѣдѣть по улицамъ и переулкамъ, такъ что ихъ едва третья часть осталась въ живыхъ, тогда запорожцы, видя, что, стрѣляя изъ куреней на непріятелей, они стрѣляли другъ противъ друга и наносили себѣ тѣмъ вредъ, крикнули единогласно до ручного бою; и такъ по той командѣ тотчасъ всѣ разомъ, высыпавши изъ куреней, съ мушкетами, луками, копьями, саблями и дрекольемъ, начали доканчивать ручнымъ боемъ еще оставшихся въ живыхъ турокъ, нещадно поражая ихъ. На самомъ разсвѣтѣ дня они покончили съ турками, и всю Сичь и всѣ курени со всѣхъ сторонъ, и всю божественную церковь и всѣ арматы окрасили и осквернили бусурманскою кровію, а всѣ сичевые улицы и переулки непріятельскими трупами завалили: трупы тѣ лежали, облитые ихъ же собственною кровію, склеенные и замороженные сильнымъ морозомъ, бывшимъ въ то время; какъ велико было ихъ число, видно изъ того, что изъ пятнадцати тысячъ янычаръ едва полторы тысячи ушло изъ Сичи и спасено татарами на лошадяхъ. А между тѣмъ ханъ, стоявшій около Сичи и ожидавшій конца задуманной облавы, увидя несчастный конецъ неудавшагося замысла, взвылъ, какъ волкъ, подобно древнему Мамаю, побѣжденному русскими на Куликовомъ полѣ при рѣкѣ Непрядвѣ, видя, какое великое число отборныхъ стамбульскихъ янычаръ онъ потерялъ и выгубилъ, разсчитывая завоевать запорожскую Сичу. Пораженный, вслѣдствіе этого несчастья, великимъ страхомъ, онъ бросился отъ Сичи, днемъ и ночью спѣшилъ въ

Крымъ, боясь, чтобы раздраженные запорожцы, сѣвши на коней, не догнали и не разгромили его самого.

Скоро послѣ смутной и кровопролитной ночи пришлось людскимъ очамъ увидѣть пасмурный и невеселый день. Въ тотъ день, послѣ войскового совѣта, а болѣе всего послѣ приказа кошевого Сирка, около двухъ тысячъ добраго панцырнаго запорожскаго товариства, сѣвши на коней и объѣхавъ всю Сичу кругомъ, бросились по слѣдамъ хана. Но потомъ, пройдя отъ Сичи миль «о полтретѣ» и убѣдившись, что ханъ отъ боязни дѣйствительно убѣжалъ въ Крымъ, товариство повернуло назадъ къ Сичѣ и пришло назадъ какъ разъ къ концу божественной службы. По окончаніи службы все войско отпѣло общій благодарственный молебенъ пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ и своей всеблагоутробной защитницѣ, а затѣмъ приступило къ похоронамъ своихъ товарищей, сраженныхъ въ бою; всѣхъ ихъ было убито въ ночной «заверусѣ» пятьдесятъ человѣкъ, а ранено до осьмидесяти; убитыхъ товарищей тогда же, прежде похоронъ янычаръ, предали землѣ «честнымъ и знаменитымъ погребеніемъ» и приказали сичевымъ священникамъ служить по нимъ сорокоустъ неотлагаемо и безпрестанно съ приличнымъ за труды вознагражденіемъ, а раненыхъ распорядились отдать на излѣченіе сичевымъ цырульникамъ съ награжденіемъ изъ войсковаго скарба. Послѣ этого козаки разошлись по своимъ куренямъ и весь тотъ день гуляли въ своихъ куреняхъ, стрѣляли изъ ружей, палили изъ пушекъ, такъ густо окропленныхъ бусурманскою кровію; трупы смерзшихъ янычаръ пока оставались на улицахъ и переулкахъ и представляли изъ себя настоящіе валы и могилы.

На другой день, какъ только стало свѣтать, тотъ же часъ, по приказу кошевого, ударили въ котлы на раду. Собравшееся на раду войско держало совѣтъ о томъ, какъ поступить съ трупами янычаръ; одни совѣтовали повыволакивать трупы изъ Сичи и сжечь ихъ по бусурманскому обычаю; другіе находили удобнымъ предать ихъ на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, подальше оттащивъ отъ Сичи; третьи предлагали въ землю позагребать, а четвертые въ воду повкидать. Изъ этихъ совѣтовъ три не были приняты: первый, если въ землю погребать, то много времени придется употребить да и никто даромъ работать не станетъ, мерзлой земли копать; другой, если палить, много дровъ пришлось бы истребить; третій, если отдать на съѣденіе звѣрямъ, то звѣри, разстервившись, и живому войску могутъ принести шкоду; а на четвертомъ совѣтѣ

все войско остановилось: повытащивъ изъ Сичи всѣ трупы убитыхъ янычаръ, отдать ихъ днѣпровскимъ глубинамъ и быстринамъ.

Тотчасъ послѣ этой рады отправлено было нѣсколько сотъ человѣкъ на Днѣпръ для рубки «полонокъ»; другимъ приказано было раздѣлить смерзшіеся вмѣстѣ трупы и приготовить ихъ для выволакиванія изъ Сичи, а третьимъ велѣно быть готовыми съ конями и арканами. Такъ около условленнаго часа козаки, работавшіе на Днѣпрѣ дали знать кошевому и куреннымъ атаманамъ, что они уже приготовили пять или шесть обширныхъ «полонокъ» на Днѣпрѣ. Тогда немедленно приказано было цѣплять арканами окровавленные собственной кровью и смерзшіеся отъ сильныхъ морозовъ трупы янычаръ, привязывать ихъ до кульбачныхъ стремянъ по десять, по двадцать и больше того, «плитами и брилами» прочь изъ Сичи таскать и около «полонокъ» оставлять; а бывшей на Днѣпрѣ пѣхотѣ велѣно тѣ смерзшіеся трупы янычаръ въ «полонки» втаскивать и подъ ледъ пускать. А такъ какъ того дня всѣхъ труповъ выволокти изъ Сичи не могли, то и на другой день до обѣденной поры войско должно было заниматься тѣмъ же.

Изъ добычи отъ убитыхъ янычаръ, кромѣ оружія, осталось запорожцамъ очень мало; ибо на мертвыхъ и смерзшихся трупахъ кафтаны, кунтуши, кожухи, шаровары, шапки, пояса, сапоги были точно вымочены въ бусурманской крови и казались сплошными смерзшимися плитами, такъ что если бы кто захотѣлъ снять съ нихъ что-либо и тѣмъ осквернить руки свои, то развѣ отрубливалъ бы одинъ трупъ отъ другого топоромъ, а дорогое одѣяніе сдиралъ бы шматками; также, если кто хотѣлъ вынуть изъ-подъ труповъ оставшееся оружіе (первое оружіе тотъ же часъ по окончаніи битвы вынуто было изъ подъ труповъ еще не смерзшихся), то опять-таки долженъ былъ разрубывать трупы, а рога и шабелтасы [1]) просто обрѣзывать около нихъ.

Когда же, наконецъ, всѣ трупы отданы были днѣпровскимъ глубинамъ, тогда все войско, вмѣстѣ собравшись, поочищало и повыскабливало всѣ улицы и переулки въ Сичи и за Сичь все съ снѣгомъ повыметало, также пообтесывало и пообмывало всѣ страшно облитыя кровью стѣны куренныя и арматы сичевыя; а переночевавши и отправивши рано заутреню, за ней божественную службу

[1]) Шабелтасы съ татарскаго «шабультасъ» на русскій значитъ пороховая сумка, носимая при помощи ремня черезъ плечо.

и за божественной службой молебенъ отпѣвши и воду освятивши, всѣ сичевые священники со всѣмъ церковнымъ клиромъ пошли по улицамъ, переулкамъ и курснямъ, безпрестанно молитвы читая и святой водой всѣ мѣста окропляя. По окончаніи очистительной церемоніи, все войско до самаго вечера весело гуляло и подпивало, простые козаки, собравшись въ куреняхъ, а знатные у кошевого атамана Сирка, но гуляло тихо, безъ арматныхъ и мушкетныхъ громовъ [1]).

На другой день послѣ всего этого запорожцы поднялись рано, вновь собрались на раду, подѣлили по жребію все оружіе, найденное между трупами янычаръ и до времени сложенное въ общую кучу, и затѣмъ рѣшили написать гетману Дорошенку «прикрое и досадительное» письмо, приписывая злодѣйскій умыселъ нападенія татаръ и турокъ на Сичь его злобѣ и коварству. Отправка письма Дорошенку возложена была на кошевого Сирка. Сирко послалъ его чигиринскими чумаками, случившимися на ту пору въ Сичи. Дорошенко, прочитавъ то письмо, страшно разъярился на запорожскихъ козаковъ, но потомъ, одумавшись и успокоившись отъ гнѣва, послалъ имъ съ своей стороны пространное письмо, увѣряя клятвами и присягами, что онъ чистъ въ отношеніяхъ къ нимъ; напротивъ того, питаетъ дружбу и особенную пріязнь ко всему запорожскому войску. Запорожцы, получивъ отъ гетмана это письмо, смягчились и въ свою очередь увѣряли, что они кромѣ пріязни ничего другого не питаютъ къ гетману.

Послѣ страшной и кровавой битвы, кромѣ тринадцати тысячъ пятисотъ человѣкъ убитыхъ въ Сичи, осталось еще въ плѣну полтораста человѣкъ янычаръ и четыре аги: они скрылись въ разныхъ мѣстахъ между строеніями. Крымскій ханъ, узнавъ объ этомъ, тотъ же часъ написалъ Сирку и всему запорожскому войску письмо, въ которомъ усердно просилъ отпустить невольниковъ въ Крымъ. Сирко и все войско согласились. Тогда ханъ прислалъ за ними подводы, а вмѣстѣ съ подводами и подарки низовому товариству: двѣнадцать тысячъ киндяковъ и шесть большихъ бутъ добраго крымскаго вина. Запорожцы, принявъ подарокъ, отпустили полтораста невольниковъ янычаръ, снабдивъ ихъ въ дорогу хлѣбомъ, мясомъ и рыбою, но четырехъ аговъ оставили у себя, потому что хотѣли получить за нихъ выкупъ по двѣ тысячи

---

[1]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 358—364.

левовъ съ каждаго. Но какъ скоро деньги пришли, тогда и четыре аги, получивъ вспоможеніе на дорогу, были честно отпущены въ Крымъ. Между тѣмъ, турецкій султанъ, услышавъ о гибели своихъ янычаръ въ запорожской Сичи, страшно озлился на своего визиря, который посовѣтовалъ ему отправить на запорожцевъ янычаръ; онъ готовъ былъ предать его смертной казни, но потомъ, однако, даровалъ ему жизнь; зато забралъ все его имущество въ царскую казну, а самого отправилъ въ вѣчную ссылку на островъ Родосъ.

Послѣ этого истребленія янычаръ въ Сичи, турки на все время не осмѣливались предпринимать походовъ противъ запорожскихъ козаковъ съ цѣлью искорененія ихъ войскового коша. Напротивъ того, нападеніе татаръ и турокъ на Сичь дало поводъ самимъ запорожцамъ вторгнуться въ Крымъ.

Того же 1675 года въ послѣднихъ числахъ іюля мѣсяца, созвавъ въ Сичь запорожское товариство изъ ближнихъ и дальнихъ полевыхъ вѣтокъ и рѣчекъ, кошевой атаманъ всего низового запорожскаго войска, Иванъ Сирко, предложилъ ему на главной радѣ идти на Крымъ и отомстить крымскому хану за прошлозимнее нападеніе, вредъ и безпокойства, причиненные имъ всему низовому войску; а именно за то, что ханъ, пришедъ ночью съ турецкими янычарами и ворвавшись, подобно злодѣю, въ запорожскую Сичь, хотѣлъ разрушить ее до основанія, а все находившееся въ ней низовое войско истребить и въ плѣнъ забрать. На предложеніе Сирка все войско охотно согласилось, прося его вести на такое доброе дѣло. Тогда Сирко распустилъ изъ Сичи все войско по рѣкамъ и вѣткамъ, приказалъ ему изготовиться въ походъ на Крымъ на три недѣли, запастись харчей и прочими военными принадлежностями, и черезъ двѣ недѣли явиться въ Сичу. Войско, охотно исполнивъ приказаніе, явилось въ Сичь со всѣмъ необходимымъ; тогда Сирко, выбравъ лучшихъ изъ козаковъ, числомъ около двадцати тысячъ и перешедъ Днѣпръ на крымскую сторону, двинулся со всевозможною поспѣшностью въ предстоящій путь. Но, не желая идти прямо къ Перекопу, онъ взялъ налѣво въ степь, остерегаясь встрѣчи съ блукавшими, ради промысловъ, по степи татарами. Разсчетъ его вполнѣ удался: татары дѣйствительно не замѣтили его и не могли дать знать о томъ въ Крымъ. Между тѣмъ Сирко, быстро прошедъ со всѣмъ своимъ войскомъ длинныя степи и переправившись въ крым-

ское царство чрезъ Сивашъ, на мѣстѣ ему хорошо извѣстномъ, оставилъ Перекопъ далеко въ правой рукѣ.

Потомъ, оставивши при себѣ самыхъ лучшихъ молодцовъ, три или четыре тысячи, и расположившись съ ними внутри Крыма надъ Сивашемъ, у названной переправы, Сирко все остальное войско, подъ начальствомъ добрыхъ вождей, знавшихъ хорошо всѣ крымскія мѣста и осѣдлости, отправилъ въ самый Крымъ, приказавши тѣмъ вождямъ весь Крымъ «несчадно струснути» и на пятый день возвратиться къ сивашской переправѣ. Тогда войско, сѣвъ на своихъ «вѣтроногихъ» коней, внезапно ворвалось внутрь крымскихъ селеній и, раздѣлившись съ общаго совѣта на нѣсколько частей, засѣяло и наполнило собой весь Крымъ, предавая огню и мечу какъ самый Крымъ, такъ и города его Козловъ, Карасевъ, даже столицу ханскую Бахчисарай и другіе города, причиняя вездѣ страшныя бѣды и разоренія. Ханъ, узнавъ «о такой фуріи несподѣваныхъ и недишкретныхъ гостей», едва успѣлъ выхватиться изъ Бахчисарая со всѣми своими солтанами, мурзами и крымскими начальниками и убѣжать въ крымскія горы; туда же бѣжала къ хану одна часть татаръ, успѣвшая спастись отъ запорожскаго оружія; другая часть ушла въ крѣпкіе города, а третья часть боевымъ оружіемъ положена была на крымскихъ поляхъ и селахъ. Послѣ этого, когда ханъ узналъ отъ пойманныхъ запорожскихъ языковъ, какое то было войско, кто надъ нимъ былъ начальникомъ и главнымъ вождемъ и какимъ трактомъ пришло оно въ крымскую державу; тогда, поднявшись со всѣмъ своимъ крымскимъ войскомъ, котораго пришло къ нему въ горы до пятидесяти тысячъ человѣкъ, устремился къ той самой сивашской переправѣ, чрезъ которую вторглись въ Крымъ запорожскіе козаки; онъ не зналъ, что тамъ стояла другая часть запорожскаго войска. У сивашской переправы ханъ имѣлъ остановиться и ждать возвращенія всего запорожскаго войска, грассовавшаго по Крыму.

И дѣйствительно, ханъ прибылъ со своей ордой какъ разъ въ тотъ самый день, когда и запорожское войско разсчитывало возвратиться изъ Крыма къ Сирку, на переправу. Увидя у переправы запорожское войско подъ начальствомъ Сирка, ханъ вообразилъ, что здѣсь собралось все козацкое войско, приказалъ спѣшиться и готовиться къ бою. А между тѣмъ къ Сирку поворачивало изъ Крыма съ большой добычей и плѣнниками то самое вой-

ско, которое тамъ гостило и оставило въ немъ послѣ себя великія руины. Узнавъ отъ пойманнаго татарскаго языка, что ханъ пошелъ къ Сивашу на переправу, войско сейчасъ же свернуло въ сторону, оставило съ отрядомъ часть своей добычи и денегъ, потомъ подняло для обмана татаръ мусульманскія знамена, взятыя въ добычу, и поспѣшило вслѣдъ за ханомъ.

Ханъ, видя позади себя съ ордынскими знаменами войско и воображая, что то идутъ къ нему на помощь разогнанные татары, крѣпко и со всею силою ударилъ на Сирка; но, не смогши сломить его, напротивъ того, потерявши въ одинъ разъ до четырехъ тысячъ орды, сдѣлалъ отступленіе. Сирко, увидя позади хана войско и узнавъ, что то было его собственное, сталъ строиться, чтобы вторично схватиться съ ханомъ; ханъ, въ свою очередь, ожидая, что позади его идетъ къ нему на помощь орда, также выстроился противъ Сирка. Но, ударивъ вторично на Сирка, онъ, подобно первому разу, встрѣтилъ такой отпоръ, что съ большимъ для своей орды урономъ вновь отступилъ. Тогда Сирко, сѣвши со всѣмъ своимъ войскомъ въ одно мгновеніе на коней, сильно ударилъ на орду и началъ налегать и разить ее. Орда, бывшая съ ханомъ, увидя позади себя не ордынскія, а козацкія войска, сразу потеряла мужество и воинскую доблесть, стремительно разсыпалась по крымскимъ полямъ и прямо попала въ глаза козацкому войску, бывшему позади нея. А козаки, гоняясь за перепуганными по полю татарами, нѣсколько тысячъ изъ нихъ убили, нѣсколько тысячъ забрали въ плѣнъ, за малымъ не поймавъ и самого хана.

Послѣ такой счастливой и блестящей побѣды надъ ханомъ, все козацкое войско, соединившись съ Сиркомъ и забравши свою добычу, оставленную на время въ сторонѣ, пришло къ сивашской переправѣ какъ разъ около полудня. Отдохнувъ здѣсь немного послѣ военныхъ подвиговъ и подкрѣпившись пищею, оно немедленно двинулось изъ Крыма чрезъ Сивашъ на ту сторону, которая идетъ отъ Сиваша до Запорожья. Пройдя Сивашъ передъ заходомъ солнца и уже не слѣдуя тѣмъ трактомъ, которымъ шло изъ Сичи въ Крымъ, войско вдалось отъ переправы на Колончакъ, къ Черной долинѣ и Кочкарамъ, оставивъ Перекопъ въ лѣвой сторонѣ. Струснувши около Черной долины и Кочкаръ всѣ поля и крымскія скотныя пастбища, захвативши много рогатаго скота и овечьихъ ватагъ вмѣстѣ съ бывшими при нихъ татарами, войско запорожское двинулось вверхъ по Днѣпру, до своей Сичи, имѣя у себя

множество добычи и тридцать тысячъ ясыру — плѣнныхъ татаръ и бывшихъ въ крымской неволѣ христіанъ. Отдалившись со всѣмъ войскомъ и добычею на нѣсколько миль отъ Крыма и остановившись въ удобномъ для полуденнаго попаска мѣстѣ, Сирко однимъ изъ казаковъ приказалъ побольше наварить каши, чтобы ея было достаточно какъ для войска, такъ и для ясыра, а другимъ велѣлъ разлучить на двое ясырь, христіанъ особо, а бусурманъ особо. Когда это было сдѣлано, тогда Сирко приказалъ всѣхъ бусурманъ повязать, а къ христіанамъ, которыхъ было мужескаго и женскаго пола семь тысячъ, сказалъ такое слово, испытывая ихъ: «Кто хочетъ, идите съ нами на Русь, а кто не хочетъ, возвращайтесь въ Крымъ». Христіане и родившіеся отъ христіанъ въ Крыму «тумы», услыша то слово Сирка, раздѣлились на двѣ половины: одни, числомъ три тысячи, нашли за лучшее вернуться въ Крымъ, нежели идти въ христіанскую землю; другіе, числомъ четыре тысячи, пожелали вернуться въ свою землю на Украину. Сирко приказалъ всѣхъ ихъ накормить и потомъ однихъ оставилъ при себѣ, а другихъ отпустилъ въ Крымъ; отпуская послѣднихъ, спросилъ у нихъ, зачѣмъ они стремятся въ Крымъ; спрошенные отвѣчали, что въ Крыму у нихъ есть осѣдлости и господарства, и потому тамъ имъ лучше будетъ жить, нежели на Руси, гдѣ они ничего не имѣютъ. Отпуская тѣхъ людей, Сирко не вполнѣ еще вѣрилъ, чтобы они дѣйствительно пошли въ Крымъ, но надѣялся, что они вернутся на Русь, и, поднявшись на бывшую тамъ могилу, смотрѣлъ на нихъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не стало видно. Когда же убѣдился въ ихъ твердомъ намѣреніи идти въ Крымъ, тогда приказалъ молодымъ козакамъ сѣсть на коней, догнать отпущенныхъ и всѣхъ до единаго и безъ всякой пощады выбить и вырубить, имѣя намѣреніе и самъ тотъ же часъ за ними поѣхать и посмотрѣть, все-ли будетъ исполнено по его приказу. Получивъ отъ Сирка такое приказаніе, козаки, догнавъ названныхъ людей, поступили сообразно приказу, не оставивъ въ живыхъ ни одной души. Немного погодя и самъ Сирко, сѣвъ на коня, поскакалъ туда, гдѣ исполнялось его приказаніе. Прибѣжавъ на мѣсто и увидѣвъ, что его воля въ точности исполнена, онъ поблагодарилъ трудившихся тамъ козаковъ, а къ мертвымъ трупамъ сказалъ слѣдующія слова: «Простите насъ, братія, а сами спите тутъ до страшнаго суда Господня, вмѣсто того, чтобы размножаться вамъ въ Крыму между басурманами на наши христіанскія молодецкія го-

ловы и на свою вѣчную безъ крещенія погибель». Послѣ этого Сирко вернулся къ войску и двинулся въ путь отъ становища; приблизившись къ Сичи, онъ подуванилъ все свое войско добычею и добромъ. Прибывши же въ самую Сичу, первымъ дѣломъ со всѣмъ своимъ войскомъ отдалъ хвалу всесильному Богу, своему помощнику, и молебное благодарствіе пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ. Потомъ, приготовивъ на всѣ курени довольное число мяса изъ крымскаго скота и овецъ, которыхъ было захвачено до восемнадцати тысячъ, устроилъ со всѣмъ войскомъ въ Сичи генеральный банкетъ; два дня гуляли Сирко и все войско и тѣшились безпрерывными арматными и мушкетными громами. Послѣ этого разошлись въ рѣчки и вѣтки, а выведенные изъ Крыма христіанскіе плѣнники съ новокрещенными въ Сичи бусурманами, которыхъ обоего пола было полторы тысячи, отправлены въ Малую Россію. Изъ бусурманскаго же ясыра одна часть послана въ Москву, другая къ гетману Самойловичу, а третья, числомъ четыре тысячи, оставлена въ Сичи. Послѣднимъ Сирко съ атаманами объявилъ, чтобы каждый изъ нихъ, если желаетъ быть въ Крыму, постарался о скоромъ выкупѣ; если же невольники не будутъ стараться о своемъ выкупѣ, то всѣ они скоро будутъ отосланы въ Москву въ вѣчную неволю. Услыша эти слова Сирка, всѣ татары вздрогнули и сейчасъ же начали торговаться съ Сиркомъ и атаманами и предлагать за себя выкупъ по своему состоянію. Итакъ всѣ, отъ мала до велика, пообѣщавъ за себя выкупъ, написали по-татарски реестръ своихъ именъ и обѣщаннаго выкупа, выпросили у Сирка трехъ татаръ и послали черезъ нихъ тотъ реестръ хану съ горячимъ прошеніемъ поскорѣе собрать выкупъ и прислать его въ Сичу. Черезъ этихъ же татаръ и Сирко со всѣмъ товариствомъ написалъ письмо хану; въ этомъ письмѣ онъ сообщалъ о причинѣ вторженія козаковъ въ Крымъ, происшедшаго по винѣ самихъ же татаръ, а не по винѣ запорожскихъ козаковъ, и тутъ же напомнилъ хану о древней доблести и рыцарствѣ войска запорожскаго.

«Ясневельможнѣйшій мосце хане крымскій со многими ордами, близкій нашъ сосѣде! Не мыслили бы мы, войско низовое запорожское, входить въ войну и непріязнь съ вашею ханскою милостью и со всѣмъ крымскимъ панствомъ, если бы не увидѣли начала ея съ вашей стороны; ваша ханская милость, послушавъ дурного совѣта сумасброднаго и безумнаго цареградскаго визиря, а по немъ и приказанія найяснѣйшаго и найвельможнѣйшаго султана своего,

начали съ нами войну прошлой зимы. Вы приходили къ намъ, низовому запорожскому войску, съ султанскими янычарами и со многими крымскими ордами; подкравшись ночнымъ временемъ къ нашей Сичѣ и снявъ стоявшую за ней нашу стражу, вы отправили въ Сичь пятнадцать тысячъ янычаръ, которымъ приказали (что стыдно было вамъ дѣлать) не «по кавалерству» выбить и истребить всѣхъ насъ молодцовъ, войско запорожское, сонныхъ и нечающихъ никакой бѣды, а кучу нашу сичевую до основанія раскопать и разорить; сами же вы съ ордами стали было около Сичи, чтобы и духа уходившихъ молодцовъ не упустить. Но ваше намѣреніе и замыселъ Христосъ Богъ и премилосерднѣйшій нашъ Спаситель обратилъ на благо, а болѣзнь и бѣдствія наши въ болѣзнь и бѣдствія на головы турецкихъ янычаръ, о чемъ ваша ханская мосць хорошо знаетъ. Не предвидя отъ васъ никакого злого умысла и скрытнаго дѣйствія (ибо вы хотѣли дѣйствовать тайно въ отношеніи тѣхъ людей, которые занимаются рыцарскимъ дѣломъ), мы нигдѣ не ожидали васъ, не брали предосторожности и не были готовы къ тому, чтобы дать вамъ отпоръ. Одинъ Господь Богъ Спаситель сохранилъ и защитилъ насъ отъ вашей напасти и нашего крайняго бѣдствія. И такъ какъ вашъ поступокъ огорчилъ насъ и причинилъ намъ, войску запорожскому, досаду, то мы, по примѣру древнихъ предковъ и братьевъ нашихъ, рѣшили постараться за обиду и огорченіе воздать и отомстить вашей ханской мосцѣ и всему ханству равнымъ за равное, но не тайно, какъ вы поступили, а явно, по рыцарски. И Богъ сердцевѣдецъ за нашу правду помогъ намъ лучше погостить въ вашемъ крымскомъ панствѣ, нежели вамъ въ нашей сичевой кучкѣ. И если та «гостина» наша въ вашемъ панствѣ показалась вамъ «недишкретною», то, быть можетъ, такъ оно и есть, ибо казаки, какъ не одной матери дѣти, такъ и не одного врава: одни стрѣляли направо, другіе налѣво, а третьи прямо, но такъ дóбре, что всѣ въ цѣль попадали. Да и «недишкреціи» той мы отъ васъ научились, а не сами выдумали, ибо непринявши насъ за гостей и добрыхъ кавалеровъ въ самомъ Крыму, ваша ханская мосць поспѣшили было со своими сильными ордами до Сивашу, къ той самой переправѣ, черезъ которую мы вошли въ ваше панство; стоя здѣсь и ожидая нашего возвращенія, вы хотѣли насъ истребить, не пустить черезъ переправу. Но и тутъ опять тоже всемогущій Богъ не допустилъ исполниться вашему намѣренію, а намъ за нашу правду

явилъ свою милость и далъ возможность восторжествовать надъ вами. И если мы въ этомъ торжествѣ чѣмъ-нибудь обезпокоили вашу ханскую мосць и вамъ показалось что-нибудь съ нашей стороны «недишкретнымъ», то извини насъ на томъ, ваша ханская мосць; не забывай, однако, что всякая «недишкреція» обыкновенно платится за такую же «недишкрецію». Разумѣется, вашей ханской мосцѣ ничего подобнаго и не снилось, чтобы наше низовое запорожское войско, въ такомъ маломъ и ничтожномъ числѣ, осмѣлилось наступать войной на знаменитое и многолюдное крымское панство. Но этого и не могло бы быть (конечно, не вслѣдствіе вашей боязни, а вслѣдствіе сосѣдственной съ Крымомъ пріязни), если бы съ вашей стороны не было подано повода и причинъ для вражды и войны съ нами, запорожскимъ низовымъ войскомъ. Не изволь, ваша ханская мосць, смотрѣть на сраженіе, какъ на пугало и насъ, войско запорожское, ни во что ставить, а впредь на насъ открытой войной наступать; въ противномъ же случаѣ, если будешь поступать иначе, то и мы, взаимно собравшись уже гораздо лучше и въ большей силѣ, явимся въ крымское панство не на сивашскую переправу, а прямо въ самый Перекопъ, выломавъ въ немъ и отворивъ для себя ворота, на что имѣемъ всѣ средства, и до тѣхъ поръ изъ него не выйдемъ, пока, при всесильной божьей помощи, не увидимъ конца своего дѣла. Ибо если и прежніе отважные кавалеры и мужественные вожди войска запорожскаго, наши предки и славные антецессоры, издавна воевали Крымъ и царство турецкое [1]), то намъ, ихъ наслѣдникамъ, кто же можетъ запретить идти тѣмъ же славнымъ воинскимъ путемъ нашихъ предковъ? И такъ, мы, войско запорожское низовое, не желаемъ воевать и быть въ распрѣ съ вашею милостію и со всѣмъ крымскимъ панствомъ; однако, если снова увидимъ съ вашей стороны поводъ къ войнѣ, то мы взаимно не побоимся напасть на крымское панство. А что до того, что нѣкоторыя ватаги вашихъ и нашихъ охочихъ молодцовъ, гуляя по широкимъ и дикимъ степямъ, будутъ сходиться и вступать между собою въ борьбу, того намъ и вамъ не слѣдуетъ ставить въ причину великой войны. Не будемъ распространяться больше

[1]) Самоилъ Кошка, Федоръ Богданко, Петро Конашевичъ Сагайдачный, Богданъ Хмельницкій, Иванъ Сулима «коснулись мужественно и самыхъ стѣнъ константинопольскихъ, довольно мушкетнымъ дымомъ окуривши; Синопъ и Трапезонтъ выстинали; мощному Бѣлагороду не разъ крылья осмаливали».

въ нашемъ письмѣ къ вашей ханской мосцѣ; сообщимъ лишь, что вашихъ крымскихъ невольниковъ, начальныхъ и простыхъ, у насъ въ Кошу найдете еще четыре тысячи. Эти невольники сами, написавъ списокъ своихъ именъ и обозначивши за себя выкупъ, выпросили у насъ, войска, трехъ татаръ и посылаютъ чрезъ нихъ свой списокъ въ руки вашей ханской милости. Если ты изволишь, ваша ханская милость, приказать родственникамъ невольниковъ доставить тотъ выкупъ какъ можно скорѣй и прислать его къ намъ въ Кошъ съ особымъ отъ вашей ханской дишкрепіи на насъ, войско запорожское, подаркомъ, то мы всѣхъ невольниковъ вашихъ немедленно отпустимъ въ Крымъ. А если же далѣе полутора мѣсяца того выкупа не будетъ, то объявляемъ, что мы отошлемъ всѣхъ невольниковъ до пресвѣтлѣйшаго его царскаго величества, добраго и богатаго государя и добродѣтеля нашего, который несомнѣнно вознаградитъ насъ изъ своей монаршей казны за присылку тѣхъ татаръ. Изложивъ все это, желаемъ вашей ханской мосцѣ добраго здоровья и счастливой жизни. Писанъ въ запорожской Сичи 1675 года, сентября 23 дня. Вашей ясневельможной ханской мосцѣ доброжелательные пріятели Иванъ Сирко, Атаманъ кошевой со всѣмъ войска низоваго запорожскаго товариствомъ».

Однако, ненависть мусульманъ къ запорожскимъ козакамъ и всему христіанскому населенію Украйны послѣ этого событія такъ сильно возгорѣлась, что турки рѣшились предпринять или, по крайней мѣрѣ, распускали слухъ, что имѣютъ предпринять походъ на запорожскую Сичу и разорить ее до основанія. Существуетъ преданіе, что, прежде чѣмъ отправить войска на запорожскую Сичу, турецкій султанъ Мухаммадъ IV послалъ запорожцамъ письмо съ требованіемъ добровольно покориться ему, какъ непобѣдимому рыцарю; на это письмо запорожцы, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, отвѣтили султану письмомъ, въ которомъ отрицали всякую доблесть у него и жестоко смѣялись надъ кичливостью «непобѣдимаго рыцаря». У многихъ любителей южно-русской старины и до сихъ поръ хранятся копіи этого, можетъ быть, мнимаго, но совершенно согласнаго съ духомъ запорожскихъ козаковъ, письма турецкаго султана и курьезнаго отвѣта на него запорожцевъ.

«Султанъ Мухаммадъ IV запорожскимъ козакамъ. Я, султанъ, сынъ Мухаммада, братъ солнца и луны, внукъ и намѣстникъ божій, владѣлецъ царствъ—македонскаго, вавилонскаго, іерусалимскаго, Великаго и Малаго Египта, царь надъ царями,

властелинъ надъ властелинами, необыкновенный рыцарь, никѣмъ непобѣдимый воинъ, неотступный хранитель гроба Іисуса Христа, попечитель самаго Бога, надежда и утѣшеніе мусульманъ, смущеніе и великій защитникъ христіанъ,—повелѣваю вамъ, запорожскіе козаки, сдаться мнѣ добровольно и безъ всякаго сопротивленія и меня вашими нападеніями не заставлять безпокоить. Султанъ турецкій Мухаммадъ IV». «Запорожскіе козаки турецкому султану. Ты—шайтанъ турецкій [1]), проклятого чорта братъ и товарышъ, и самóго люцыперя секретарь! Якій ты въ чорта лыцарь? Чортъ выкидáе, а твое військо пожирáе. Не будешь ты годенъ сынивъ хрестіянськихъ пидъ собою мати [2]); твогò війска мы не боимóсь, землею и водою будемъ быться зъ тобою. Вавилонскій ты кухáрь, македонській колесныкъ, іерусалимській броварныкъ [3]), александрійскій козолýпъ, Великого й Малóго Египта свынарь, армянська свыня, татарскій сагайдакъ [4]), каминéцкій катъ, подолянській злодіюка, самóго гáспида [5]) внукъ и всего свиту и подсвиту блáзень [6]), а нашого Бога дурень, свыняча морда, кобыляча с...а, ризныцька собака, нехрещеный лобъ, хай бы взявъ тебе чортъ! Оттакъ тоби козаки видказáли, плюгáвче [7])! Невгóденъ еси мáтери вирныхъ хрестіянъ! Числа не знáемъ, бо календаря не мáемъ, мисяць у нéба, годъ у кнызи, а день такій у насъ, якъ и у васъ, поцилуй за те ось-куды насъ!.. Кошовый атаманъ Иванъ Сирко зо всимъ кóшомъ запорожськимъ».

---

[1]) Шайтанъ—чортъ. [2]) Мати—имѣть. [3]) Броварныкъ—пивоваръ. [4]) Сагайдакъ—козелъ. [5]) Гаспидъ—дьяволъ. [6]) Блазень—глупецъ. [7]) Плюгавецъ—поганецъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Присяга Сирка царю Өедору Алексѣевичу.—Старое дѣло Сирка о подданствѣ русскому царю Дорошенка.—Старанія Самойловича о разрывѣ союза между Дорошенкомъ и Сиркомъ.—Посольство Самойловича къ запорожцамъ и угрозы ихъ перейти къ другому царю въ случаѣ задержки припасовъ гетманомъ.—Инструкціи Самойловича, посланныя въ Москву объ устраненіи затѣваемыхъ Сиркомъ и Дорошенкомъ своевольныхъ радъ и о средствахъ прибрать въ руки запорожцевъ.—Принятіе инструкціи въ Москвѣ и указъ о томъ царя въ Сичу.—Продолженіе сношеній Сирка съ Дорошенкомъ.—Упреки и посольства Самойловича къ Сирку по этому поводу.—Доносъ Самойловича въ Москву на Сирка и оправдательное письмо послѣдняго.

Новый 1667 годъ начался для Сирка и запорожскихъ козаковъ тѣмъ, что, по смерти царя Алексѣя Михайловича, января 30 дня, онъ долженъ былъ присягать новому царю Өедору Алексѣевичу съ его братьями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами, за что кошевому и всему войску запорожскому обѣщано было держать ихъ на жалованьи, призрѣніи и оборонѣ отъ всѣхъ враговъ и не нарушать правъ на вольности ни въ чемъ: «Великаго государя царя и великаго князя Өеодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи, самодержца, его царскаго величества подданные войска запорожскаго низового, азъ кошевой атаманъ Иванъ Сѣрко и будучіе при немъ судья, писарь, ясаулы, атаманы куренные, и всѣ старшіе и меньшіе войска запорожскаго посполъстю обѣщаемся Господу Богу предъ святымъ евангеліемъ, по непорочной заповѣди Его, якожъ въ семъ святомъ евангеліи указася, еже-ей-ей, на томъ служити великому государю царю и великому князю Өеодору Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу, и его государскимъ наслѣдникомъ и матери его великой государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Наталіи Кирилловнѣ, и братьямъ его».

Присягая на вѣрность новому русскому царю, Сирко принесъ ему старое дѣло свое о подданствѣ Дорошенка Москвѣ. Дорошенко все еще оставался въ Чигиринѣ, говоря, что Чигирину согласно пословицѣ «гдѣ булава—тамъ и голова»—невозможно безъ гетмана быть. Гетманъ Самойловичъ, приписывая всѣ бѣдствія на Украйнѣ не кому иному, какъ Дорошенку, по вступленіи на престолъ царя Ѳедора Алексѣевича, «началъ писать письма въ Москву на своего противника, будто бы онъ орды крымскія и бѣлогородскія въ рейментъ его тогобочный вторгаетъ». Узнавъ о томъ, Дорошенко, снимая съ себя всякую вину за бѣдствія на Украйнѣ, написалъ (марта 21 1676 года) Сирку и запорожцамъ письмо, въ которомъ краснорѣчиво и прочувствованно изобразилъ бѣдствія отчизны отъ нашествія мусульманъ и причиной всѣхъ несчастій выставилъ «Сарданапала» Самойловича, который «гетмановать любитъ, а изъ перинъ делѣкатныхъ, якъ щуръ, вылѣзти и взяться за оружіе до обороны отчизны отъ волковъ крымскихъ не хочетъ». Сирко, получивъ письмо Дорошенка, велѣлъ созвать со всѣхъ луговъ и вѣтокъ днѣпровыхъ низовое запорожское войско, учинить раду войсковую и на ней прочитать гетманскій листъ. Во время чтенія листа «мало не всѣ запорожцы плакали, на несчастье упадлой отчизны своей малороссійской тогобочной съ болѣзненными сердцами вздыхали». На скорбный листъ Дорошенка запорожцы отвѣчали своимъ листомъ, въ которомъ совершенно соглашались съ гетманомъ, что Самойловичъ дѣйствительно затѣялъ «душевредное» дѣло и совѣтовали ему защищаться всѣми мѣрами противъ лѣвобережнаго гетмана, обѣщая съ своей стороны помощь въ его борьбѣ съ врагомъ [1]). Послѣ этого дружественныя отношенія между Сиркомъ и Дорошенкомъ еще болѣе того укрѣпились. Поддерживая во всемъ Дорошенка, Сирко въ концѣ мѣсяца февраля послалъ къ нему двѣнадцать человѣкъ козаковъ и черезъ нихъ писалъ, чтобы онъ у великаго государя въ вѣчномъ подданствѣ былъ, но въ Москву изъ Чигирина безъ войсковой рады не ходилъ, а радѣ подъ Переяславомъ быть и на ту раду ѣхать какъ Дорошенку, такъ и Самойловичу, о чемъ онъ, Сирко, великому государю имѣетъ писать [2]).

Такъ доносилъ Самойловичу гоголевскій священникъ Исакій, и

---

[1]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 390—396.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XII, 477, 489, 513.

Самойловичъ платилъ сторицею за то Сирку. Прежде всего онъ отправилъ въ Запорожье къ кошевому Карпа Надточія съ увѣщательнымъ письмомъ отстать отъ Дорошенка, клейноты возвратить, смутъ на Украйнѣ не заводить и о выборѣ новаго гетмана не думать. Карпъ Надточій, пріѣхавъ января 12-го дня, къ вечеру, въ Сичу, на другой день, когда только что стало свѣтать и когда запорожское войско, по обычаю своему, собралось на войсковую раду, явился къ Сирку, еще не выходившему въ раду, въ его курень, и, поклонившись, подалъ ему гетманскій листъ. Вмѣстѣ съ Надточіемъ вошли въ курень Сирка Луцыкъ и русскій человѣкъ, по имени Иванъ Ивановичъ, подавшій Сирку грамоту князя Ромодановскаго съ наказомъ ему явиться къ боярину и жить въ своемъ дому въ слободской Украйнѣ. Сирко тѣхъ листовъ и грамоты въ куренѣ не принялъ, а взялъ ихъ по выходѣ на площадь къ козакамъ. На радѣ сперва прочтены были царскія грамоты, а потомъ листъ гетмана Ивана Самойловича. Не дослушавъ и половины того гетманскаго листа, войско стало кричать, что арматъ, взятыхъ отъ Дорошенка, оно не выдастъ и что гетману прилично было бы еще нѣсколько новыхъ арматъ въ Сичу прислать, а не то, чтобы прежнія отбирать. Послѣ этихъ словъ Надточій сказалъ козакамъ: «Не хорошее вы, господа братія, сдѣлали постановленіе на весну раду созывать и новаго гетмана избирать. Вѣдайте, что на то не будетъ воли государя, чтобы вамъ, помимо Ивана Самойловича, кого другого можно было въ гетманы выбрать, потому что вы и безъ того, являясь въ города, большое смятеніе производите». Выслушавъ ту рѣчь Надточія, два козака мышастовскаго куреня (одинъ изъ нихъ былъ Троцкій Андрей) сказали: «То правду говоритъ Карпъ, потому что, выбравъ гетмана промежъ себя, мы, позволяя людямъ, живущимъ въ городахъ, всякія пакости, нестерпимыя обиды и шарпанины, до пущаго разоренія и опустошенія Украйну приведемъ». Когда послѣ такихъ рѣчей рада разошлась, то во всѣхъ куреняхъ атаманы и знатное товариство стало говорить такія рѣчи: «Если гетманъ вздумаетъ задерживать запасы, ватаги и охочее войско, идущее въ Сичь, то мы найдемъ себѣ иного царя, который неподалеку отъ насъ, и сдѣлаемъ всю сторону Украйны, находящуюся подъ рукою царя, также пустою, какъ гетманъ и бояринъ Дорошенкову сторону сдѣлали». Самъ Сирко въ своемъ куренѣ говорилъ: «Пусть гетманъ идущихъ на Запорожье ватагъ и охочихъ войскъ не за-

держиваетъ, въ противномъ случаѣ мы знаемъ, что намъ предпринять. А что въ грамотѣ царскаго величества повелѣно было мнѣ въ домъ и къ боярину ѣхать, того я ни въ коемъ случаѣ не исполню, ибо знаю, что меня опять хотятъ уловить и въ соболи запровадить, довольно ужъ и того, что было,—больше не поѣду». И потомъ, ходя по куренямъ, наговаривалъ войску, чтобъ государю отписало, будто все войско не пожелало къ боярину его отпустить [1]).

Въ февралѣ гетманъ Самойловичъ писалъ царю, что готовъ ему, какъ и блаженной памяти отцу его, вѣрно служить и невѣрныхъ бить, но чтобъ только не было препоны въ томъ отъ Дорошенка и Сирка, и чтобъ государь своими государскими грамотами, а бояринъ своими напоминательными листами Сирка и Дорошенка отъ непостоянства удержали, да чтобъ Сирко до боярина, ради совѣта о крымскихъ промыслахъ, изъ Запорожья въ Курскъ пріѣзжалъ, а къ Сирку на Запорожье и запасы и охотныхъ людей пропускать заказалъ, а также своевольныя рады въ городахъ созывать и гетмановъ выбирать воспретилъ [2]). Тутъ же Самойловичъ извѣщалъ, что на посланный имъ черезъ козака Карпа Надточія къ Сирку листъ, вмѣсто Сирка, отвѣчали куренные запорожскіе атаманы; они доказывали ему, что напрасно онъ, гетманъ, разными способами поноситъ ихъ, такъ какъ они съ тѣмъ Дорошенкомъ часть гордости турку сломили и половину бѣдной отчизны изъ рукъ его вырвали, а самъ онъ, гетманъ, имѣя больше чѣмъ нужно войска, ни Дорошенка въ бѣдѣ не вызволилъ, ни несчастнымъ лодыженцамъ и уманцамъ противъ татаръ и турокъ помощи не оказалъ; напрасно онъ, гетманъ, также и о клейнотахъ говоритъ, будто имъ не надлежитъ на Кошѣ быть: какъ начало козачества у Днѣпра стало и какъ здѣсь первые гетманы живали, то сюда и клейноты государями даваны, а послѣ ужъ, въ новомъ Запорожьѣ и въ новыя времена, вслѣдствіе неустройства отчизны, тѣ клейноты на необыклыя мѣста съ мѣста на мѣсто переноситься стали, такъ же, какъ и рады, для которыхъ особое мѣсто, Росава, есть, которыя теперь въ Стародубъ забрели; напрасно также и въ самоволіи запорожцевъ упрекаетъ онъ: доброе дѣло, никого не спрашивая, нужно дѣлать, да и возможно-ли за много верстъ постоянно спрашивать гетмана обо всемъ, также какъ нельзя тре-

---

[1]) Акты западной и южной Россіи, XII, 548—550.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XII, 516, 545, 546.

бовать отъ запорожцевъ отчета въ дѣлахъ ихъ, когда они и славу, и продовольствіе, и кормъ—все привыкли самопалами да саблями себѣ добывать, съ опасностію за свою жизнь работать за всѣхъ, и не будь ихъ вовсе, то давно-бъ уже среди отчизны козацкой кочевища татарскія завелись; напрасно, наконецъ, упрекая запорожцевъ въ неповиновеніи волѣ своей, онъ забываетъ, что самъ не исполняетъ воли царской: государь пожаловалъ запорожцевъ Переволочанскимъ перевозомъ, а гетманъ спряталъ царскую грамоту на то пожалованіе у себя [1]).

Получивъ и прочитавъ письмо, писанное куренными атаманами, гетманъ Самойловичъ отвѣтилъ Сирку оправдательнымъ листомъ отъ взводимыхъ на него обвиненій и, указавъ на вредные поступки Дорошенка, снова напомнилъ Сирку о необходимости быть вѣрнымъ русскому государю и послушнымъ ему, гетману [2]). А въ слѣдъ за этимъ отправилъ въ Москву, черезъ своихъ посланцевъ Леонтія Полуботка и Карпа Надточія, цѣлую инструкцію о томъ, какъ устранить собраніе своевольныхъ радъ, затѣваемыхъ Дорошенкомъ и Сиркомъ, какъ успокоить Украйну и прибрать къ рукамъ запорожскихъ козаковъ. Для этого нужно: во-первыхъ, отправить къ Сирку посла [3]) и привести кошевого къ присягѣ на вѣрность русскому царю; во-вторыхъ, заказать Сирку, чтобы онъ только въ своемъ урядѣ, въ низовомъ Кошѣ пребывалъ и свой порядокъ остерегалъ, а на малороссійскіе города не дерзалъ и своихъ запорожцевъ не пускалъ; въ-третьихъ, въ случаѣ непослушанія Сирка, объявить грамотой ему, что гетманъ всѣхъ своевольныхъ, вышедшихъ въ города, запорожскихъ козаковъ будетъ хватать и какъ бѣглецовъ казнить [4]).

Инструкція гетмана была принята въ Москвѣ вполнѣ: марта 5-го дня посланъ былъ царскій указъ Сирку о томъ, чтобы онъ, помня свою клятву въ Москвѣ, подущеній Дорошенковыхъ не слушалъ и отъ своевольныхъ радъ своевольныхъ людей всякими мѣрами, промысломъ и радѣніемъ своимъ удерживалъ, запорожцамъ ходить въ города не позволялъ, а всячески старался надъ непріятелями промыслъ чинить и вѣрно царскому величеству служить, за что царь жаловалъ козакамъ 500 червонцевъ, 150 половинокъ

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XII, 522—527.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XII, 590.

[3]) Названъ былъ, въ качествѣ посла, стряпчій Иванъ Протасьевъ.

[4]) Акты южной и западной Россіи, XII, 545—562.

суконъ и 50 пудовъ свинцу, зелья тожъ, а на случай своевольства и бунтовъ ихъ въ малороссійскихъ городахъ объявлялъ, что ихъ будутъ бояринъ и гетманъ по войсковымъ правамъ унимать. Въ одинъ и тотъ же день съ такимъ же распоряженіемъ о запорожскихъ козакахъ посланъ былъ указъ и гетману обоихъ сторонъ Днѣпра, Ивану Самойловичу [1]).

Получивъ царскую грамоту и гетманскій листъ, Сирко, однако, по прежнему не переставалъ сноситься съ Дорошенкомъ, о чемъ усердно извѣщали Самойловича его сторонники: такъ, марта 15 дня, стависскій протопопъ Иванъ Дзеня извѣщалъ гетмана, что Сирко прислалъ въ Чигиринъ къ Дорошенку своихъ посланцевъ, черезъ которыхъ приглашалъ его въ Запорожье ѣхать, а войсковыхъ клейнотовъ гетману Самойловичу не отдавать, потому что Самойловичъ выбранъ гетманомъ на переяславской сторонѣ, гдѣ запорожскихъ старшинъ и старшинъ другихъ козаковъ не было и гдѣ радѣ быть вовсе не подобаетъ, а подобаетъ ей быть въ урочищѣ Росавѣ. Тѣмъ посланцамъ Дорошенко сказалъ, что не можетъ поѣхать въ Сичь единственно потому, чтобъ кто другой не завладѣлъ городомъ Чигириномъ. О сношеніяхъ Сирка съ Дорошенкомъ доносилъ гетману и переяславскій полковникъ Войца-Сербинъ [2])..

Самъ Дорошенко, чувствуя за собой силу въ связи съ Сиркомъ, открыто высказывался противъ гетмана: «Пью на томъ, что мнѣ не отдавать булавы Ивану Самойловичу, силою у меня Ивану Самойловичу булавы не взять!»—говорилъ онъ на обѣдѣ, въ присутствіи посланца князя Ромодановскаго, Горянинову. «Не выдайте меня, какъ донцы Степана Разина выдали; пусть донцы выдаютъ, а вы не выдавайте!»—сказалъ Дорошенко тутъ же, за столомъ, сидѣвшимъ посланцамъ Сирка. «Не выдадимъ!»—отвѣчали запорожцы.

Очевидно, нужно было поспѣшить покончить съ Дорошенкомъ, чтобы укротить Сирка и расположить его къ Москвѣ, что́ такъ необходимо было въ виду новой угрозы со стороны турокъ и татаръ. Сперва къ Дорошенку посланъ былъ стольникъ Деремонтовъ, а потомъ противъ него пошелъ съ семью полками самъ гетманъ Самойловичъ. Переправившись за Днѣпръ, Самойловичъ отправилъ къ Дорошенку черниговскаго полковника Василія Бурковскаго съ

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XII, 537, 559.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XII, 562, 565, 575.

порученіемъ передать ему приказаніе государя сложить съ себя начальство и принести присягу русскому царю. На это приказаніе Дорошенко отвѣчалъ отказомъ, сославшись на то, что онъ не можетъ ничего дѣлать безъ согласія всего запорожскаго низового войска. Послѣ этого одинъ изъ полковниковъ Дорошенка, съѣхавшись тайно съ Бурковскимъ, сказалъ ему, чтобы онъ отнюдь не вѣрилъ Дорошенку, потому что онъ сносится съ Крымомъ и съ Запорожьемъ [1]). Обо всемъ этомъ гетманъ Самойловичъ донесъ царю (апрѣля 1-го дня) особой грамотой, на что царь отвѣчалъ ему (апрѣля 7 дня), чтобы онъ съ Дорошенкомъ задоровъ не чинилъ, а всѣми мѣрами къ переходу на царскую сторону склонялъ. Такой оборотъ дѣлъ сильно обезпокоилъ гетмана, особенно въ виду слуховъ о новой затѣѣ Дорошенка собрать черную («чёрневую») раду для выбора гетмана обѣихъ сторонъ Днѣпра [2]).

Не мало безпокоилъ гетмана и кошевой Иванъ Сирко. Апрѣля 22 дня къ кошевому Сирку отправленъ былъ гетманомъ въ Сичь, со стряпчимъ Иваномъ Протасьевымъ, жильцомъ Василіемъ Перхуровымъ [3]) и слугой Квитковскимъ, посланецъ, войсковой канцеляристъ Василій Романовскій съ гетманскимъ увѣщательнымъ листомъ не отрываться отъ подданства христіанскаго монарха и не склоняться на сторону турского султана и крымскаго хана. Сирко, принявъ и выслушавъ листъ, сталъ упрекать гетмана за то, что онъ запасовъ въ Запорожье не пускаетъ, а запорожская чернь въ это самое время подняла крикъ и всякія поносныя слова про гетмана говорила. На другой день послѣ этого, Сирко, сильно подвыпившій, призвалъ къ себѣ въ курень Василія Романовскаго, схватилъ его за грудь, требовалъ у козаковъ подать ему саблю и въ сильномъ гнѣвѣ говорилъ: «Знаешь ли ты, что я тебѣ голову могу отсѣчь? Узнаетъ тогда твой гетманъ, какъ я отъ Стародуба зайду и начну оттуда его бить! Хоть я и присягнулъ русскому царю, но только дѣдичнаго государя польскаго не оставлю!» Досталось отъ Сирка и слугѣ гетмана, Квитковскому: этого Сирко за волосы дралъ и билъ и тутъ же про гетмана поносныя слова говорилъ. Ругая гетмана, Сирко такъ говорилъ: «Какъ гетманъ Иванъ Самойловичъ придетъ къ намъ на Запорожье и войску поклонится, то будетъ гет-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XII, 596—602, 604.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XII, 602, 610, 622.

[3]) Московскіе люди везли запорожцамъ жалованье.

маномъ, а не придетъ къ намъ Самойловичъ, придетъ Дорошенко къ намъ, и гетманомъ Дорошенко будетъ». Отправляя посланцевъ гетмана изъ Сичи, кошевой Сирко вмѣстѣ съ ними послалъ гетману свой листъ (марта 22 дня), въ которомъ, благодаря царя за присланную Перхуровымъ войску казну, посылалъ Самойловичу упрекъ за его «непотребное» увѣщаніе козаковъ отъ христіанскаго монарха отрываться (на то и надежды никогда не будетъ) и къ невѣрному царю склоняться, а также и за то, что онъ царскихъ указовъ не исполняетъ: царскаго боропна въ Сичь не посылаетъ, ватагамъ съ кормомъ ходить заборопяетъ, залоги, чтобы на Конъ ни одного человѣка не пустить, по крайнимъ днѣпровымъ городамъ учиняетъ; оттого «козаки, нисколько не жмуря своихъ очей передъ гетманомъ, а даже, напротивъ того, проглядѣвъ всѣ очи свои, до сихъ поръ не получили отъ него и самой ничтожной милости». О клейнотахъ Сирко въ листѣ писалъ, что гетманъ получитъ ихъ тогда, когда, сойдясь съ Дорошенкомъ, ради предстоящей съ Крымомъ войны, «случится» съ запорожцами [1]).

Разумѣется, гетманъ обо всемъ происшедшемъ въ Сичи и въ городѣ Чигиринѣ немедленно донесъ въ Москву. Въ Москву же пошла жалоба (мая 6 дня) и отъ Сирка на гетмана. Сирко жаловался на Самойловича за то, что онъ удержалъ у себя грамоту царя Алексѣя Михайловича на пожалованье кошевому мѣстечка Келеберды, а запорожскому войску—Переволочанскаго перевоза и въ полтавскомъ полку мельницъ, велѣлъ выбить запорожское войсковое съ коньми товариство изъ городовъ и запретилъ ватагамъ ходить съ хлѣбными запасами въ Запороги. Царь и на донесеніе гетмана, и на жалобу Сирка отвѣчалъ одною грамотой мая 14 дня, на имя Самойловича, отославъ вмѣстѣ съ грамотой и самые листы кошевого съ приказаніемъ объявить Сирку, что всѣ жалобы его на гетмана будутъ отсылаться гетману же. Тутъ же приказано было объявить Сирку съ войскомъ, что грамоты блаженной памяти царя Алексѣя Михайловича о дачѣ Келеберды и Переволочанскаго перевоза не приведены въ исполненіе потому, что просьба, поданная объ этомъ царю, послана безъ вѣдома гетмана, да и впредь запорожцы не должны ни о чемъ просить царя, не предваривъ о томъ гетмана. Кошевому предложена была, для жительства его съ женой, вмѣсто Келеберды, слобода Мереоа, гдѣ онъ

[1]) Акты южной и западной Россіи, XII, 632—636.

«напередъ сего жилъ», а о Келебердѣ ему вовсе велѣно забыть: «Мы, великій государь, указали, по прежнему нашего царскаго величества указу, каковъ послали тебѣ, гетману, апрѣля 14 числа (1676), по твоему челобитью, кошевому атаману Ивану Сирку и войску низовому запорожскому въ томъ во всемъ отказать, потому изстари никогда того не бывало, чтобъ войско низовое запорожское, для прокормленія, въ городахъ чѣмъ владѣли... Только бъ ватаги тебѣ, гетману, къ нимъ на Кошъ съ хлѣбными запасами отпускать позволить, чтобъ задержаніемъ запасовъ ихъ. запорожцевъ, отъ нашіе государскіе милости не отлучить» [1]).

Между тѣмъ сношенія Сирка съ Дорошенкомъ не прекращались, о чемъ усердно доносили гетману его сторонники. Такъ, въ самомъ концѣ мая гетманъ извѣщенъ былъ, что Дорошенко прислалъ въ Сичу на волахъ 40 полтей ветчины, 4 бочки вина, 1 возъ табаку, и все то, вмѣстѣ съ волами, отдалъ войску [2]); тутъ же гетманъ увѣдомленъ былъ, что Сирко съ Дорошенкомъ имѣетъ постановить миръ, для чего хочетъ собрать раду въ городѣ Крюковѣ, подъ Крыловымъ. Въ самомъ концѣ іюня гетману донесли, что запорожское войско требовало Дорошенка къ себѣ въ Кошъ съ войсковыми клейнотами, но самъ кошевой Сирко словесно, подъ строгимъ секретомъ, передавалъ черезъ человѣка Дорошенку, чтобы онъ, не смотря на просьбу войска, отнюдь въ Запорожье не шелъ, сидѣлъ бы спокойно въ Чигиринѣ и ни гетману, ни боярину отнюдь, если желаетъ быть живымъ, не сдавался бы. Въ этомъ, кромѣ Сирка, поддерживалъ Дорошенка и нѣжинскій протопопъ Симеонъ Адамовичъ, лишенный многихъ маетностей черниговскимъ архіепископомъ Лазаремъ Барановскимъ, съ согласія гетмана Ивана Самойловича [3]).

Не переставая сноситься съ Дорошенкомъ, Сирко тѣмъ не менѣе увѣрялъ, что онъ далекъ отъ мысли вступать въ переговоры съ турками и татарами. Такъ, отъ 14 іюля онъ писалъ письмо къ боярину князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому по поводу выкупа изъ плѣна его сына, Андрея, и сына Скуратова, Александра: «Послали мы выкупъ или о размѣнѣ за турковъ, 8 человѣкъ, которые взяты были нашимъ товариствомъ

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XII, 641—647.

[2]) По Самовидцу, живность, горилку, тютюнъ и деньги: Лѣтопись, 128.

[3]) Акты южной и западной Россіи, XII, 655, 661, 774.

и которые хотѣли за себя дать деньгами 5.000 или же вмѣсто денегъ прислать сына твоей княжей милости или окольничаго Петра Скуратова; но та ихъ рѣчь не пришла въ совершеніе: тѣ 8 человѣкъ турковъ за двѣ тысячи въ одкупъ пошли. Листы отъ твоей княжей милости, писанные въ Крымъ къ князю Андрею Григорьевичу и отъ Скуратова къ сыну его, Александру, мы добрыми посланцами послали, но на то отвѣта никакого не имѣемъ, а какой будетъ на то отвѣтъ, извѣстить не замедлимъ. А что при нынѣшнемъ выкупѣ, по давнимъ войсковымъ обычаямъ, какъ и на Дону бываетъ, мы вступили въ дружбу съ городчанами и очаковцами до святого архистратига Михаила, то сдѣлали это для того (а не для иного чего, храни Боже), дабы имѣть вольный для войска проходъ на Низъ за солью и за иными промыслами. А о хановомъ походѣ твоей княжей милости чинимъ, что стоитъ онъ со всѣми силами у Каланчака».

Однако, ни князь, ни гетманъ, ни его сторонники не вѣрили такому заявленію Сирка: іюля 21 дня изъ Жовнина доносили Самойловичу, что крымскій ханъ съ сильными ордами стоитъ на рѣчкѣ Ингулѣ у Бѣлыхъ-Колодезей и ждетъ Сирка съ войскомъ, и коль скоро Сирко придетъ, то союзники двинутся къ Чигирину, а изъ Чигирина Сирко пойдетъ лѣвою стороною Днѣпра, а Дорошенко правою на Украйну. Впрочемъ, скоро оказалось, что къ Чигирину, вмѣстѣ съ татарами, пошла только часть запорожцевъ, самъ же Сирко не пошелъ и остался въ Сичи [1]). Августа 30 дня (1676) поляки жаловались во Львовѣ посланцу гетмана Самойловича Борису Моршевскому, что Сирко, взявъ перемиріе съ крымцами, большое число орды въ Польшу тѣмъ пропустилъ, потому что крымцы, не имѣя опасенія со стороны Сирка, свободно шли изъ Крыма и большія бѣдствія причинили Польшѣ. Но тутъ же гетманскій посланецъ узналъ, что Сирко прислалъ къ польскому королю, неизвѣстно для чего, 50 человѣкъ козаковъ; королевское величество пожаловалъ тѣхъ козаковъ 20 рублями на человѣка и отослалъ ихъ къ коронному гетману во Львовъ; во Львовѣ имъ дано корму по 6 рублевъ, послѣ чего они, безъ писемъ, безъ подводъ и безъ подорожняго листа, уѣхали назадъ; просили тѣ запорожцы гетманскихъ посланцевъ взять ихъ съ собой, но тѣ отказались отъ нихъ [2]).

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XII. 682, 698, 701, 718.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XII, 829, 832.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Окончательная развязка съ Дорошенкомъ.—Походъ Сирка противъ татаръ.—Первый походъ турокъ подъ Чигиринъ. — Исканіе дружбы у Сирка со стороны царя, султана и хана.—Сношеніе Сирка съ Юріемъ Хмельницкимъ.—Прибытіе въ Сичу царскихъ пословъ Перхурова и Карандѣева.—Переписка Сирка съ Самойловичемъ.—Бѣгство турокъ и татаръ изъ-подъ Чигирина.—Уклоненіе Сирка отъ похода къ Чигирину и укорительное письмо по этому поводу гетмана кошевому.—Пріѣздъ царскаго посла въ Сичу съ разспросомъ о причинахъ уклоненія Сирка отъ похода.—Отвѣтъ на этотъ запросъ Сирка и запорожцевъ.—Возвращеніе посла въ Москву и разсказъ его о замыслахъ и дѣйствіяхъ запорожцевъ.

Такъ или иначе, но въ Москвѣ рѣшили какъ можно скорѣе поспѣшить развязкой съ Дорошенкомъ, пока къ нему не пришли турки и татары на помощь, тѣмъ болѣе, что на этомъ особенно настаивалъ и гетманъ Самойловичъ. По царскому указу двинуты были вторично къ Днѣпру русскія, подъ начальствомъ Ромодановскаго, и козацкія войска, подъ начальствомъ Самойловича, противъ гетмана Дорошенка. На этотъ разъ Дорошенко, послѣ небольшаго колебанія, сдался союзникамъ, сложилъ передъ ними войсковые клейноты и открылъ Чигиринъ для вступленія русскихъ и козацкихъ войскъ. При разспросѣ Дорошенка относительно замысловъ турокъ и татаръ онъ, между другими статьями, показалъ, что турки, собираясь идти на Украйну, имѣли намѣреніе построить въ Запорожьѣ свои города: въ Чортомлыцкой Сичѣ, у Хортицы, въ узкомъ Днѣпрѣ, и въ Кодакѣ, на правомъ берегу Днѣпра, откуда можно всей Украйной управлять [1]).

Послѣ сдачи Самойловичу Дорошенка, Сирко, повидимому, совершенно успокоился, и наказный кошевой атаманъ Василій Крыловскій извѣщалъ Самойловича, что ноября 11 дня, Сирко, выбрав-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи XII, 818.

шись чинно съ товариствомъ изъ Сичи, сошелся съ товариствомъ, бывшимъ на Низу, и, не переставая въ природной къ воинскому дѣлу надъ бусурманами своей охотѣ, а также желая оказать услугу отчизнѣ, всему христіанскому міру и царскому величеству, пошелъ противъ татаръ, возвращающихся изъ Польши въ Крымъ, имѣя намѣреніе татарскимъ войскамъ уронъ учинить и христіанскихъ невольниковъ изъ мучительныхъ рукъ освободить [1]).

Между тѣмъ возникъ вопросъ, куда дѣвать гетмана Дорошенка, т.-е. оставлять-ли его въ Малороссіи, или же отправить въ Москву. Въ началѣ декабря 1676 года гетманъ Самойловичъ, по этому поводу, писалъ царю, что отсылать Дорошенка въ Москву неудобно именно въ виду непріятности, которая можетъ произойти отъ кошевого Сирка: «Сирко со всею своею старшиной, услыша о томъ, сейчасъ же разславитъ по всей Украйнѣ, межъ войсковыми людьми и посполитымъ народомъ, разные слухи для возвращенія противъ разсказовъ воды на свое колесо, для порухи вашего царскаго величества и для поношенія моего нерадѣнія: онъ станетъ упрекать меня въ томъ, что я допускаю въ отношеніи Дорошенка безправіе и имѣю намѣреніе заслать его въ Сибирь». Царь вполнѣ согласился съ такими доводами гетмана, и потому Дорошенко на время оставленъ былъ въ Малороссіи и только спустя нѣсколько времени послѣ этого отправленъ былъ въ Москву. Но и тутъ гетманъ просилъ царя, чтобы Дорошенко жилъ въ Москвѣ на виду у всѣхъ, «дабы посланцы мои и Сирковы, какъ будутъ на Москвѣ, его видѣли и вѣдали, что онъ живетъ при милости царскаго величества».

Въ это время Сирко все еще оставался въ мирномъ настроеніи въ отношеніи къ гетману Самойловичу: «Сирко нынѣ на Запорожьѣ, изъ Коша подъ турскіе и крымскіе городки ходилъ и съ татарами перемиріе разорвалъ», писалъ объ немъ самъ гетманъ въ Москву. Въ такомъ же мирномъ настроеніи находился Сирко и въ отношеніи къ царю; тѣмъ болѣе, что въ слѣдъ за отсылкой Дорошенка въ Москву кошевой получилъ отъ него письмо съ пріятнымъ извѣстіемъ о томъ, что бывшему гетману оказана была въ Москвѣ «великая честь и премногая царская милость» [2]).

Однако, настроеніе Сирка въ пользу русскаго царя и малороссійскаго гетмана продолжалось недолго. Это сказалось съ начала

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XII, 820.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XII, 823, 834; XIII, 56, 57, 25, 75.

1677 года, со времени такъ-называемаго перваго чигиринскаго похода татаръ и турокъ. Татары и турки, давно грозившіе новымъ походомъ на Украйну, рѣшили, наконецъ, весной 1677 года привести свое намѣреніе въ исполненіе. Чуя бѣду, русскій царь началъ брать противъ враговъ разныя мѣры предосторожности. Прежде всего послана была изъ Москвы извѣстительная грамота кошевому Сирку о замыслахъ непріятелей и о чиненіи промысла надъ ними; приказано было Петру Дорошенку написать о томъ же письмо кошевому Сирку; велѣно было снова допросить Дорошенка о томъ, гдѣ турки, намѣреваясь завладѣть Украйной, хотѣли укрѣпиться городами, на что полученъ былъ прежній отвѣтъ, что вниманіе ихъ всегда было обращено на островъ Хортицу, урочище Кичкасъ и городъ Кодакъ, отъ Сичи въ 70 верстахъ; отдано было распоряженіе, чтобы непріятелю въ Кодацкой крѣпости пристанища не имѣть, войскомъ низовымъ ту крѣпость осадить и липы (лодки) туда послать [1]).

Но въ то время, когда царь и гетманъ такъ напряженно простирали свои взоры къ Сирку, въ это самое время на него имѣли виды и турки съ татарами. Султанъ, лишившійся Дорошенка, выдвинулъ вмѣсто него плѣнника своего, Юрія Хмельницкаго, и черезъ него сталъ склонять Сирка на свою сторону. Апрѣля 5 дня Юрій Хмельницкій, называя себя гетманомъ, вождемъ малороссійскаго войска и малороссійскимъ княземъ, писалъ Сирку: «Спасителю нашему все возможно: нищаго посадить съ князьями, смиреннаго вознести, сильнаго низложить. Лихіе люди не допустили меня пожить въ милой отчизнѣ; убѣгая отъ нихъ, претерпѣлъ я много бѣдъ, попалъ въ неволю. Но Богъ подвигнулъ сердце наияснѣйшаго цесаря турскаго: онъ даровалъ мнѣ свободу, удоволилъ меня своею милостію и княземъ малороссійскимъ утвердилъ. Когда я былъ на Запорожьѣ, то вы мнѣ обѣщали оказать любовь и желательство и вождемъ меня имѣть хотѣли; исполните теперь ваше обѣщаніе и отправляйте пословъ своихъ въ Кызы-Кермень для переговоровъ со мной».

Получивъ этотъ листъ Хмельниченка, Сирко отправилъ его гетману и вмѣстѣ съ нимъ приложилъ и собственный листъ: въ послѣднемъ онъ писалъ (апрѣля 22 дня), что прошлой зимой изъ города Кызы-Керменя посланъ былъ противъ запорожцевъ турец-

[1]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 90, 92, 122, 123, 163, 100.

кій подъѣздъ, взявшій въ лугу [1]) двухъ запорожскихъ козаковъ и отправившій ихъ въ неволю: оба козака, однако, успѣли вернуться въ Сичь—одинъ «бодрымъ своимъ промысломъ освободился изъ неволи», а другой, будучи въ Бабѣ и свидѣвшись тамъ съ Хмельниченкомъ, черезъ него сдѣлался свободнымъ; съ этимъ послѣднимъ козакомъ Хмельниченко и прислалъ въ Сичь свой листъ Сирку отъ апрѣля 5 дня. Отправляя этотъ листъ Хмельниченка и собственный гетману Самойловичу, Сирко тутъ же объявлялъ послѣднему, что онъ послалъ свой листъ и Юрію Хмельницкому съ просьбой ходатайствовать передъ турскимъ султаномъ объ освобожденіи козаковъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Лодыжинѣ, изъ турецкой неволи.

Прочитавъ посланіе Юрія Хмельниченка и листъ Ивана Сирка, гетманъ за первое благодарилъ кошевого, а за второй упрекнулъ его въ томъ, что ему совсѣмъ не слѣдовало бы сноситься съ Юріемъ, «дабы не дать тѣмъ Хмельниченку къ горѣ возвыситься и паче предъ турками подкрѣпиться»; гетманъ совѣтовалъ кошевому на будущее время отъ сношеній съ Хмельницкимъ себя воздержать, а посланнаго къ нему запорожца, когда онъ въ Сичь повернется, «для выразумѣнія о намѣреніи непріятельскомъ», къ нему, гетману, прислать. Вмѣстѣ съ этимъ Самойловичъ не замедлилъ о всемъ происшедшемъ въ Сичи извѣстить царя, пославъ къ нему письма Хмельниченка и Сирка [2]).

Извѣстію гетмана царь придалъ особенно важное значеніе и немедленно отправилъ къ нему Алексѣя Иванова, специальнаго, съ царскою грамотою для передачи Сирку, посла. Черезъ этого посла царь приказывалъ Самойловичу, выбравъ какого-нибудь знатнаго человѣка изъ своихъ старшинъ, возможно скорѣе отправить его къ Сирку и черезъ него наказать кошевому отъ перемирія съ крымцами отстать, размѣновъ плѣнниками не дѣлать, а, по своему древнему воинскому обыкновенію, надъ Крымомъ и крымскими городками промыселъ чинить. Гетманъ, выслушавъ приказаніе царя, немедленно отправилъ царскую грамоту Сирку и къ ней приложилъ отъ себя писанный іюня 15 дня свой листъ; въ послѣднемъ гетманъ писалъ, что кошевой, забывъ страхъ божій,

---

[1]) Нужно разумѣть Великій-Лугъ противъ Чортомлыцкой Сичи.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 105—111, 141.

милость и жалованье государя, подъ видомъ обмѣна плѣнными, помирился съ ханомъ, вмѣсто того, чтобы въ такое тревожное время чинить промыселъ надъ нимъ: «Тебѣ бъ, кошевому, для сохраненія церквей божіихъ, для милости великаго государя и для цѣлости малороссійскихъ городовъ, то перемиріе оставить и розмѣну ту отложить, а промыселъ надъ непріятелями чинить» [1]).

Между тѣмъ Юрій Хмельницкій вновь прислалъ Сирку, одно за другимъ, три письма (мая 15 и 19 дня и іюня 14 дня), въ которыхъ онъ, изъявляя готовность просить султана о взятыхъ въ неволю и находящихся въ цареградской башнѣ козакахъ, съ тѣмъ вмѣстѣ приглашалъ кошевого, когда дѣло дойдетъ до войны, со всѣмъ своимъ коннымъ войскомъ, съ частью пѣхоты и съ пушками, къ нему, князю Юрію, Гедеону, Венжику, приходить, за что какъ ему самому, такъ и всему войску низовому милость у турскаго султана обѣщалъ исходатайствовать, вольности войску даровать и со стороны Крыма отъ всѣхъ препонъ устранить: «Какъ отъ источника всякія струи истекаютъ, такъ и отъ васъ, войска запорожскаго низового, всякое основаніе исходитъ... И если ваша милость немедленно въ Бендеры пріѣдете, то тамъ, дастъ Господь Богъ, посовѣтовавшись съ вами на счетъ того, какъ поступить, мы благодатно отпустимъ васъ назадъ». Сирко и эти письма Хмельницкаго отправилъ гетману, а вмѣстѣ съ ними и два собственныхъ (іюня 22 и 29 дня) послалъ; въ послѣднемъ изъ своихъ писемъ онъ писалъ:

«Извѣстно милости твоей, что мы ни о чемъ другомъ не думаемъ, какъ о воинскомъ промыслѣ, имѣя цѣлью оплаканную отчизну охранить и отъ непріятеля креста Господня, котораго ведетъ наслѣдникъ Хмельницкаго, защитить. Извѣстно тебѣ также и то, что Хмельницкій присылалъ къ намъ свой листъ; по тому листу мы отправили къ нему самыхъ надежныхъ козаковъ, Трофима Троцкаго, Леонтія Коржа да войскового писаря Петра, и сдѣлали то не для чего иного, какъ для ходатайства черезъ него у турскаго султана о плѣнныхъ товарищахъ нашихъ, а также и для того, чтобы узнать о всѣхъ замыслахъ и намѣреніяхъ враговъ. И тѣ посланные наши сказывали, что первое намѣреніе непріятелей состоитъ въ томъ, чтобы идти со всѣми силами къ намъ подъ Сичу, а потомъ, раздѣлавшись съ нами, идти подъ Чиги-

[1]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 185, 186.

ринъ, чего, какъ говорятъ посланцы, ожидать надо очень скоро, потому что, при отпускѣ посланцевъ, въ тотъ же часъ непріятели пошли отъ моста съ этой стороны Дуная къ Тягину и путь свой имѣютъ держать на урочище Толовню, а именно: на Андреевскій островъ (въ устьѣ Буга), на рѣчки Ингулъ, Ингулецъ, Каменку [1]), а всѣ эти урочища близко насъ находятся. Будучи тамъ наши посланные слышали, что Хмельницкій сдѣланъ княземъ Украйны и княжество его будетъ пріурочено къ такимъ же удѣльнымъ, какъ и иныя княжества турецкаго царства. Да тѣмъ же посланнымъ визирь турецкій Ибрагимъ-паша говорилъ, что если мы примемъ Хмельницкаго за отчиннаго господина, то отъ турецкаго войска противъ насъ никакого произысканія и хитрости не будетъ; въ томъ онъ обѣщалъ и обнадеживалъ насъ, низовое войско, клятвенными словами, говоря, что если онъ обманетъ насъ, то пусть сабля его на шеѣ будетъ его. Объявляя обо всемъ этомъ. мы просимъ вашу милость дать намъ совѣтъ, какъ нынѣ поступить намъ. Раньше этого много разъ мы писали вашей милости просить у его царскаго величества для насъ помощи и необходимыхъ военныхъ припасовъ, но только не могли ни доступить къ вамъ, ни умолить васъ. И теперь, не имѣя силы, чтобы сопротивляться такому большому непріятельскому наступленію, поневолѣ должны будемъ повиноваться Хмельницкому. Не изволь удивляться въ томъ намъ: по нынѣшнимъ временамъ мы иначе не можемъ сохранить себя въ цѣлости; не смотри, ваша милость, легко и объ отчизнѣ нашей и объ насъ имѣй радѣніе и совѣтъ».

Гетманъ снова всѣ письма Хмельницкаго и всѣ отвѣты на нихъ Сирка немедленно отослалъ въ Москву [2]).

Безпрерывныя сношенія Сирка съ Юріемъ Хмельницкимъ и постоянные доносы на кошевого со стороны гетмана заставили царя Θедора Алексѣевича изслѣдовать дѣло Сирка на мѣстѣ, въ самой Сичи. Порученіе по этому дѣлу возложено было на царскаго посла Василія Перхурова, отправленнаго въ Сичь съ царскимъ жалованьемъ и съ тайнымъ наказомъ развѣдки о сношеніяхъ Сирка съ Хмельницкимъ. Посолъ направился сперва въ Батуринъ, изъ Батурина, взявъ охранныхъ козаковъ, двинулся въ Запорожье.

[1]) Рѣчка между Бериславомъ и Мѣловомъ, гдѣ была впослѣдствіи Каменская Сичь.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 169, 167, 179, 180, 173; Бантышъ-Каменскій, Источники малороссійской исторіи, Москва, 1858, I, 266.

Прибывъ въ «городъ», посолъ не засталъ въ немъ Сирка, потому что онъ былъ въ это время въ пасѣкѣ, въ 5 верстахъ отъ Сичи. На другой день, когда кошевой явился въ Сичь, посолъ отправилъ къ нему сопровождавшихъ его козаковъ съ просьбой, чтобы кошевой и все поспольство велѣли принять посла съ царской грамотой и съ жалованьемъ «безъ мотчанія». Кошевой Сирко и все бывшее при немъ поспольство приказали послу идти къ нимъ въ Сичу на Кошъ съ грамотою и съ жалованьемъ. Когда посолъ пришелъ въ Сичу, то козаки привѣтствовали его ради пріѣзда пальбой изъ пушекъ, мушкетовъ и мелкаго ружья. Черезъ четыре дня послѣ этого (іюня 24 дня) кошевой и все поспольство собрали въ Сичи раду и на радѣ кошевой царскую грамоту принялъ, печать на ней цѣловалъ и на голову клалъ, послѣ чего ту грамоту стали читать козакамъ. Выслушавъ царское слово, Сирко билъ государю за его милость челомъ, а козаки стали на радѣ громко кричать, что суконъ имъ прислано мало, нечѣмъ и подѣлиться имъ, только и достанется, что по одной рукавкѣ на козака: служили они отцу государеву, служатъ и теперь вѣрно царю и надъ бусурманами промыслъ постоянно великій чинятъ, а жалуютъ ихъ скупо; да и жалованья мало прислано имъ, хотя они все же впредь обѣщаются вѣрно государю служить. Кричали на радѣ и о томъ, что гетманъ отнялъ у нихъ Переволочанскій перевозъ и запретилъ къ нимъ, въ войско, запасъ присылать. Кошевой отъ себя на радѣ говорилъ, что войско его не слушаетъ, потому что у него ни знамени, ни булавы нѣтъ, а если бы была ему государская милость и присланы были булава и знамя, то и козаки послушны были бы ему. Находясь въ Сичи, посолъ узналъ, что козаки посылали къ Хмельницкому листъ съ просьбой о товарищахъ своихъ, взятыхъ подъ Уманемъ и Лодыжинымъ въ плѣнъ; отъ самого Сирка посолъ узналъ, что Юраско Хмельницкій ожидаетъ къ себѣ крымскаго хана и турскихъ пословъ, чтобы съ ними идти на Запорожье, Кіевъ и Чигиринъ и что если то турское войско на Кошъ придетъ, то Сирко городъ весь сожжетъ, а самъ съ козаками по островамъ на воду пойдетъ, въ самой же Сичѣ имъ не пріидется сидѣть, потому что запаса у нихъ никакого нѣтъ. А съ крымскимъ ханомъ и кызыкерменскимъ беемъ запорожцы перемиріе учинили для того, чтобы полоняниковъ возвратить, срокъ же тому перемирію до Петрова или до Ильина дня; теперь къ нимъ турскіе люди съѣзжаются и повольную торговлю ведутъ. До пріѣзда посла отправлены

изъ Запорожья въ турскій городъ три человѣка аманатчиковъ, для размѣна и выкупа полоняниковъ; а изъ турскаго города присланъ въ Сичь аманатчикъ, турчанинъ, одинъ человѣкъ. Къ крымскому хану послали запорожцы пословъ безъ вѣдома Сирка, когда онъ въ пасѣкѣ былъ.

Собравъ всѣ эти свѣдѣнія, посолъ іюня 25 дня отбылъ изъ Сичи въ Москву [1]).

Въ слѣдъ за отъѣздомъ Перхурова іюля 5 дня прибылъ въ Батуринъ стольникъ Александръ Карандѣевъ съ жалованьемъ гетману и всей старшины и съ разспросными статьями о дѣлахъ въ Малороссіи и въ Запорожьѣ. Излагая дѣла государя гетману по наказу, посолъ сказалъ, что, по гетманскому челобитью, великій государь велѣлъ послать грамоту къ кошевому Ивану Сирку и въ ней приказалъ, прежде всего, его извѣстить, что царское величество всю Украйну будетъ всѣми своими силами отъ турскаго султана боронить; затѣмъ о Дорошенкѣ велѣлъ всѣмъ сообщить, что онъ у подлинныхъ дѣлъ его царскаго величества на Москвѣ живетъ. А сказано Сирку о Дорошенкѣ для того, чтобы кошевой, зная о его отъѣздѣ въ Москву, не думалъ, что его взяли въ неволю и чтобы кошевой, отчаявшись, не бросился къ хану, да чтобъ онъ, Сирко, съ гетманомъ любовно и совѣтно жилъ и пріѣхалъ бы къ нему, гетману, въ Батуринъ на нѣкоторое время на совѣтъ, какими средствами непріятелю отпоръ дать, а гетманъ, посовѣтовавшись съ Сиркомъ, снова отпустилъ бы его на Кошъ. И нынѣ стало извѣстно великому государю, что онъ, Сирко, по волѣ государя, пріѣзжалъ къ гетману для свиданія и разговора, какъ наступающему непріятелю отпоръ дать. И хотя онъ, Сирко, любезность гетмана особенно выхвалялъ, но для самого дѣла изъ того свиданія ничего хорошаго не вышло, потому что посланцы его, пріѣхавъ къ гетману, сказывали, какъ онъ, Сирко, великаго государя грамоту и листъ его гетманскій принявъ, говорилъ передъ всѣмъ войскомъ въ слухъ, что государь и гетманъ только манятъ его своими письмами, надѣяться же на нихъ нельзя, а надо о своей цѣлости промышлять самимъ, — знаютъ запорожцы гетманскую оборону: далась она имъ знать. Послѣ этого посолъ сталъ съ гетманомъ говорить о томъ, какъ бы Сирка, ради наступающихъ непріятельскихъ замысловъ, отъ перемирія съ крым-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 194—197.

скимъ ханомъ отвратить, чтобы тѣмъ перемиріемъ непріятеля креста святаго не порадовать и православному христіанству плѣна и разоренія не причинить. На то гетманъ послу отвѣчалъ, что когда выступитъ съ полками бояринъ и князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, тогда, сойдясь и посовѣтовавшись съ нимъ, онъ пошлетъ знатныхъ и опытныхъ людей, которые могли бы то злое намѣреніе Сирка разорвать. Говорилъ посолъ съ гетманомъ и о томъ, что въ виду того, чтобы не допустить турокъ овладѣть городомъ Кодакомъ, надо своими людьми, раньше прихода враговъ, его осадить. На то гетманъ отвѣчалъ, что тѣмъ городомъ Кодакомъ вѣдаетъ и для обереганія его посылаетъ туда людей кошевой Сирко и ему, гетману, отъ себя посылать людей въ городъ Кодакъ, когда запорожцы не просятъ о томъ, нельзя, чтобы черезъ то злобы имъ не учинить. А какъ гетманъ сойдется съ княземъ, то они оба напишутъ Сирку, какъ бы тотъ городъ Кодакъ отъ непріятелей укрѣпить [1].

Отпустивъ царскаго посла, гетманъ сталъ тщательно собирать свѣдѣнія о намѣреніяхъ Сирка. Съ начала іюля (12, 13, 15) гетману доносили, что Сирко съ крымскимъ ханомъ и турскими городками подлинно въ миру, что кошевой посылалъ отъ себя въ Крымъ двухъ человѣкъ аманатовъ, но ханъ тѣхъ аманатовъ не принялъ, потому что онъ будетъ съ нимъ и съ войскомъ низовымъ и безъ аманатовъ въ миру, а если Сирко съ ханомъ не захочетъ быть въ миру, то самъ увидитъ, что будетъ отъ хана ему. Съ Юраскомъ Хмельницкимъ Сирко также въ миру; Хмельницкій писалъ кошевому, что если Сирко съ запорожцами не придетъ къ нему, то всѣ силы бусурманскія подлинно обратятся на Сичь; оттого Сирко и помирился съ крымцами и думаетъ «идти къ Юраскѣ въ слученіе». Сообщали гетману и о томъ, что у башни надъ лиманомъ (разливомъ) Днѣпра сидѣли съ турками, живущими тамъ, четыре козака и, по пріятельски бесѣдуя съ ними, увѣряли ихъ въ полной безопасности отъ войска запорожскихъ козаковъ. Передавали, наконецъ, гетману и то, какъ Сирко отправилъ къ Хмельницкому съ поклономъ своихъ пословъ и Хмельницкій не особенно любезно принялъ ихъ; зато Ибрагимъ-паша выдалъ посланцамъ Сирка по восьми ефимковъ да по кафтану платья и приказалъ передать Сирку, чтобы самъ кошевой, оставаясь пока въ Сичи, выслалъ бы на встрѣчу

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 181—188.

визирю къ Бугу рѣкѣ 300 лучшихъ козаковъ съ поклономъ отъ себя: «И Сирко перемиріе съ ханомъ учинилъ и далъ въ аманаты двадцать двухъ человѣкъ; только запорожцы на то не глядѣли, забрали подъ Тягиномъ у нашей со ста съ тридцать лошадей» [1]).

Собравъ подлинныя свѣдѣнія о сношеніяхъ Сирка съ крымскимъ ханомъ Селимъ Гераемъ и съ гетманомъ Юріемъ Хмельницкимъ, гетманъ Самойловичъ написалъ (іюля 28 дня) кошевому письмо, въ которомъ, выставляя на видъ святотатственный поступокъ Юрія Хмельницкаго, бывшаго нѣкогда архимандритомъ и служителемъ православной церкви, а теперь союзникомъ турокъ, враговъ Христовой вѣры, съ этимъ вмѣстѣ укорялъ Сирка и запорожцевъ за то, что они, услыша о Хмельниченкѣ, точно вода за вѣтромъ, въ тотъ же часъ пересылаться съ нимъ стали; православнаго царя, вмѣстѣ съ турками, воевать собрались, а самому гетману и украинскимъ козакамъ совѣтъ подавали—ожидая, какой конецъ всему будетъ, о государскихъ людяхъ не радѣть и не покоряться имъ. Въ замѣнъ всего этого, гетманъ совѣтовалъ запорожцамъ, чтобы они, взявшись вмѣстѣ съ другими за руки, сколько можно, при помощи божіей, наступленіе враговъ отражали; самому Сирку онъ напоминалъ о клятвѣ, принесенной имъ, послѣ возвращенія изъ Сибири, на вѣрность русскому царю: «Отъ престола царскаго величества не отступать и никакой розности въ запорожскомъ войскѣ не чинить». Въ заключеніе письма гетманъ указывалъ Сирку и на то, что турки на Чигиринъ и на Кіевъ, а никакъ не на Сичу, имѣютъ свое вниманіе обратить [2]).

Неизвѣстно, это-ли самое письмо или подлинное извѣстіе, полученное въ Сичи объ измѣненіи маршрута непріятелями вмѣсто Запорожья на Украйну подъ Чигиринъ, подѣйствовало на Сирка, но только въ своемъ союзѣ визирю Ибрагимъ-Шайтану и гетману Юрію Хмельницкому кошевой отказалъ: «Ибрагимъ-Шайтанъ-паша писалъ на Запорожье къ кошевому атаману къ Ивану Сѣрку, чтобъ онъ прислалъ къ Юраску Хмельницкому запорожскихъ козаковъ хотя съ 500 человѣкъ, но въ томъ ему кошевой атаманъ и все товариство отказали и войска своего съ Запорожья къ нему ничего не послали». Напротивъ того, кошевой написалъ гетману письмо, въ которомъ обѣщалъ придти къ нему и боярину на помощь подъ

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 201, 205, 206, 213—216, 226, 227.
[2]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 228, 232.

Чигиринъ, на что бояринъ и гетманъ отвѣчали Сирку, чтобы онъ, какъ можно скорѣе, не мѣшкавъ, самыми ближними мѣстами шелъ къ Чигирину [1]).

Это было августа 12 дня, а черезъ восемь дней послѣ этого, августа 20 дня, турки и ихъ союзники татары, волохи, мултяне были побиты подъ Чигириномъ и бѣжали въ западные предѣлы вольностей запорожскихъ козаковъ, за рѣку Большой-Ингулъ и тутъ, не доходя Буга, раздѣлившись на два отряда, крымскій ханъ пошелъ на Кызыкермень, дойдя до котораго «сталъ перелазить подъ городомъ рѣку вплавь, другъ дружку выпережая»; а Ибрагимъ-паша ударился бѣгомъ къ Бугу и Днѣстру на прежній свой путь, оставивъ за Великимъ-Ингуломъ, на рѣчкѣ Каменкѣ, во ста верстахъ отъ Чигирина, большой обозъ свой изъ 200 возовъ, 600 воловъ, нѣсколькихъ буйволовъ, около 3.000 талеровъ и больше 500 людей, побитыхъ и взятыхъ гетманомъ въ плѣнъ. «А какъ были отъ того погрому они съ 20 верстъ, то въ то время, какъ ихъ добывали, они многое число денегъ въ обозѣ въ землю закопали и на то мѣсто уже назадъ не ворочались» [2]).

Ни въ дѣлѣ подъ Чигириномъ, ни во время бѣгства непріятелей въ запорожскую степь Сирко участія не принималъ и враговъ не преслѣдовалъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ объ этомъ современные акты. Только малороссійскій лѣтописецъ Самоилъ Величко свидѣтельствуетъ, что въ первомъ чигиринскомъ походѣ запорожцы принимали участіе въ бужинскомъ дѣлѣ: «Въ тотъ часъ, когда Ибрагимъ-паша, оставивъ Чигиринъ, прибылъ къ Бужину, тогда нѣсколько тысячъ московскаго войска, особливо же изъ Низу запорожцевъ отъ Сирка кошевого отправленныхъ, приплыли лодками въ помощь козакамъ (гетмана Самойловича) до шанцевъ, отнятыхъ у турокъ» [3]). Но самъ Величко, приступая къ описанію первой осады турками Чигирина, говорилъ, что для этого онъ не имѣлъ подъ руками вѣдомости реестровыхъ козацкихъ записокъ, а черпалъ свои свѣдѣнія изъ панигиричныхъ римъ Александра Бучинскаго. Въ исторіи Россіи Соловьева мы также не находимъ указанія о томъ, чтобы Сирко и запорожцы принимали участіе въ первомъ чигиринскомъ походѣ [4]). Послѣ бѣгства

[1]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 274.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 270, 274, 377, 343.

[3]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 429, 428.

[4]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1863, XIII, 268, 269.

турокъ изъ-подъ Чигирина Сирко лишь подробно сообщалъ гетману Самойловичу въ особомъ письмѣ о раздѣленіи крымскаго хана отъ турецкаго визиря за Ингуломъ-рѣкой и о бѣгствѣ его къ низовью Днѣпра, усердно поздравлялъ его съ счастливой побѣдой надъ врагомъ и вмѣстѣ со своимъ письмомъ отправилъ въ Чигиринъ письма нѣсколькихъ невольниковъ христіанъ, присланныхъ изъ Крыма въ Сичь съ просьбой обмѣна взятыхъ подъ Чигириномъ мусульманъ на невольниковъ, томившихся въ Крыму у татаръ [1]). Пріѣхавшему 6 октября въ городъ Батуринъ стольнику Василію Михайловичу Тяпкину съ милостивымъ отъ царя словомъ гетману и съ запросомъ къ нему, какъ поступить со взятымъ городомъ Чигириномъ, гетманъ о поведеніи Сирка въ прошедшую войну говорилъ, что когда ханъ бѣжалъ изъ-подъ Чигирина и очутился ниже Сичи, возлѣ Днѣпра, то Сирко и запорожцы съ нимъ на три года перемиріе учинили, оттого Сирковы козаки многихъ татаръ черезъ Днѣпръ на своихъ байдакахъ перевозили; съ тѣмъ вмѣстѣ гетманъ сообщилъ, что въ это же время ханъ обѣщался Сирку прислать въ Сичу и въ городъ Кодакъ хлѣбныхъ запасовъ и всякаго боропша много, а также самопаловъ, зелья и свинцу всѣмъ козакамъ. И послѣ того, дѣйствительно, съ тѣмъ же обѣщаніемъ вновь къ Сирку своихъ пословъ ханъ присылалъ. А султанъ турецкій 30.000 червонцевъ, для склоненія въ подданство свое Сирка и его козаковъ, въ городъ Кызыкермень, съ моравскимъ беемъ, отправилъ. Тотъ моравскій бей многимъ языкамъ въ школахъ учился и съ кошевымъ Сиркомъ въ полѣ съѣзжался: поставивъ свои полки каждый на особыхъ мѣстахъ, сойдя съ коней и отошедъ далеко отъ нихъ, кошевой Сирко и моравскій бей брали другъ друга за руки и такъ ходили долго между кустовъ; въ это время Сирко принялъ подарки отъ бея и присягнулъ на подданство турецкому султану. Впрочемъ, при кошевомъ Сиркѣ осталось теперь малое число козаковъ, — всѣ перешли на зимовье къ гетману за Днѣпръ и всѣ они Сирка и ругаютъ, и проклинаютъ, хотя думаютъ, что подданство его туркамъ и помощь бусурманамъ непрочна и не долга будетъ, потому что лучшіе изъ запорожскихъ козаковъ, старшина и товариство, отъ него отступаютъ, а держатся его лишь гультяйство да худые козачишки; однакожъ, и этихъ плутовъ за ничто нельзя считать, и Чигиринъ отъ нихъ зимой

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 274, 370, 377, 343.

въ крѣпкой осторожности надо держать, потому что какъ станетъ рѣка Тясьминъ, чтобы они тогда въ нижнемъ городѣ, вслѣдствіе худыхъ стѣнъ, какой хитрости не выкинули; особенно опасно это потому, что у нихъ, запорожцевъ, въ Чигиринѣ не мало родныхъ и тайныхъ друзей имѣется [1]). Одновременно съ этимъ показаніемъ о дѣйствіяхъ Сирка гетманъ послалъ въ Кошъ письмо (октября 6 дня) съ выговоромъ кошевому и козакамъ за то, что они сдружились съ бусурманами и помогали имъ на переправахъ во время бѣгства ихъ изъ-подъ Чигирина. «Въ то время, когда вся наша отчизна особенно требовала отъ враговъ обороны и когда мы о цѣлости ея промышляя, чуть-ли не со слезами къ вамъ много разъ писали, чтобы вы помощь намъ во время непріятельскаго наступленія подали, въ это самое время вы, учинивъ противную межъ собою раду, безъ царскаго и нашего вѣдома, съ ханомъ и со всѣмъ Крымомъ примирились. А потомъ, забывъ свою клятву и свое обѣщаніе великому государю и божію помазаннику, свое товарство, Троцкаго и Пиковца, съ листомъ, который и теперь у насъ имѣется, къ Хмельницкому посылали. А теперь, послѣ всего этого, приславъ мнѣ листъ, о запасахъ пишите, на что отвѣчаемъ вамъ, что запасовъ тѣхъ, безъ указа его царскаго пресвѣтлаго величества, посылать къ вамъ не можемъ» [2]).

Въ слѣдъ за грамотой гетмана, посланной Сирку и всѣмъ запорожцамъ, пришла грамота царя гетману о Сиркѣ и всѣхъ запорожцахъ. Царь, перечисляя всѣ недобрые поступки Сирка, однако, прощалъ ему всѣ ихъ, потому что за все содѣянное имъ воздастся ему въ день праведнаго суда божія и, не соглашаясь съ представленіемъ гетмана о задержкѣ козакамъ хлѣбнаго и денежнаго жалованья, приказывалъ ему отпустить попрежнему запасы на Запорожье и съ тѣмъ вмѣстѣ извѣщалъ его объ отправкѣ въ Кошъ посла Шестакова, къ Сирку и запорожцамъ, для разспроса о поступкѣ ихъ во время непріятельскаго наступленія [3]).

Выѣхавъ изъ Москвы декабря 1 дня, подъячій Емельянъ Шестаковъ прибылъ сперва въ Батуринъ и, взявъ здѣсь въ провожатые Артема Золотаря съ товарищами, отправился въ Сичь, куда прибылъ декабря 11 дня и остановился въ батуринскомъ куренѣ

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 330.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 344—348; Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1858, I, 267.

[3]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 352—356.

у гречина Павла. Въ тотъ же день онъ объявился въ Сичи, прося кошевого принять его у себя. Кошевой, узнавъ о прибытіи посла, самъ отправился къ нему въ курень и, поблагодаривъ царя за грамоту, объявилъ, что приметъ ее на радѣ, послѣ чего оставилъ посла его въ батуринскомъ куренѣ, а самъ пошелъ въ свой курень. Въ тотъ же день пришелъ изъ Крыма въ Сичь и ханскій посолъ Тегай или Тягія для окупа плѣнныхъ. Войсковой асаулъ Иванъ Шило распорядился было крымскаго посла поставить въ одномъ куренѣ съ царскимъ посломъ, но русскіе ханскаго посла въ курень поставить съ собой не позволили. На другой день Сирко прислалъ къ послу войскового асаула Ивана Шила съ просьбой идти послу съ грамотой на раду къ кошевому и всему войску запорожскому. Придя въ раду, посолъ вручилъ грамоту кошевому, а кошевой, судья и все козачество, принимая ту грамоту, приказали положить войсковое знамя на землѣ на шапкахъ; поцѣловавъ грамоту въ печать, Сирко передалъ ее судьѣ Кудлаю, а Кудлай приказалъ читать ее передъ войскомъ. Выслушавъ грамоту до конца, войско било челомъ и кланялось государю за его милостивое къ нему слово; а откланявшись государю, стало просить посла говорить о дѣлахъ, ради которыхъ онъ прибылъ па Сичь. Посолъ отказался сперва тѣмъ, что онъ усталъ отъ пути и потому можетъ только черезъ день говорить свою рѣчь. Но кошевой и судья пригласили посла говорить свою рѣчь въ этотъ же день, вслѣдствіе трудности собрать козаковъ для другой рады, такъ какъ многіе козаки разойдутся изъ города по рѣкамъ для рыбныхъ промысловъ. Тогда посолъ началъ свою рѣчь такъ: «Вѣдомо вамъ, что великій государь, васъ атамана и все войско низовое своею милостію и жалованьемъ призиралъ и нынѣ призираетъ, приказалъ вамъ во время непріятельскаго наступленія на Чигиринъ идти со своими ратями противъ непріятеля, а вы не только не пошли подъ Чигиринъ, а даже надъ крымскимъ ханомъ, когда онъ бѣжалъ къ Днѣпру, промысла не чинили. Почему этого вы не сдѣлали?» Кошевой атаманъ, судья и асаулъ, выслушавъ ту рѣчь, отвѣчали: «Подъ Чигиринъ мы не ходили, потому что войска было на Кошѣ мало, да и потому еще не ходили, что турки и татары прежде Чигирина на Сичу приходить думали, а взявъ Сичу, осадить ее своими людьми и укрѣпить городъ мыслили. Чтобъ упредить этотъ злой замыселъ, мы съ ханомъ помирились, имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ намѣреніе продать имъ татарскихъ полоняниковъ, потому что войско

наше, не имѣя ни добычи, ни запасовъ, было голодно. Да и потому помирились мы съ ханомъ, чтобы нашимъ промышленникамъ вольно было идти на море и на рѣки для рыбныхъ промысловъ, а также и потому, что много разъ мы къ гетману Ивану Самойловичу писали, чтобъ царское величество прислалъ къ намъ своихъ ратныхъ людей на оборону, какъ присылалъ царь Алексѣй Михайловичъ, и чтобъ гетманъ самъ пустилъ изъ городовъ козаковъ къ намъ или полкъ какой и запасу прислалъ къ намъ; но гетманъ козаковъ не пустилъ и запаса не прислалъ къ намъ, отчего наши козаки должны были только одною рыбою кормиться; а когда съ ханомъ заключили перемиріе, тогда за татаръ брали большой окупъ и за солью къ морю свободно ходили; а если бы съ ханомъ не помирились мы, то всѣ съ голоду померли бы. А турскихъ и крымскихъ людей, бѣжавшихъ изъ-подъ Чигирина, не громили мы потому, что войска въ Сичи мало было: всѣ, надѣясь на миръ съ ханомъ, разошлись по промысламъ, и теперь войска въ Сичи мало: всѣ разошлись по промысламъ. Бьемъ челомъ великому государю, чтобы онъ пожаловалъ насъ, велѣлъ бы прислать къ намъ ратныхъ людей, а гетману приказалъ бы прислать полтавскій полкъ, и мы, по веснѣ, какъ скоро войска и запасы будутъ къ намъ присланы, перемиріе съ ханомъ нарушимъ и пойдемъ въ Крымъ войною». Послѣ этого подали кошевому гетманскій листъ, и кошевой велѣлъ вычесть его, а сказали на него козаки то же, что и на царскій листъ.

Въ тотъ же день вечеромъ приходилъ къ царскому послу крымскій посолъ и, пивъ вино, грозился царскому послу, что-де будетъ онъ, москаль, у него въ рукахъ; а гетманскаго посла называлъ братомъ своимъ, считая запорожцемъ. А какъ тотъ посолъ, въ Сичу пріѣхалъ, въ тотъ же день далъ извѣстіе въ городъ свой и о царскомъ послѣ. На третій день послѣ этого кошевой Сирко, призвавъ къ себѣ въ курень гетманскаго посла, наединѣ ему говорилъ, клялся и цѣловалъ кресть, вынувъ его изъ-за пазухи, что царскому величеству онъ никогда не измѣнялъ, а съ Хмельницкимъ мирился для того, чтобы схватить и отправить въ Москву его, и просилъ посла гетману о томъ передать, чтобъ онъ за измѣнника его не считалъ. Декабря 17 дня, Сирко, придя въ курень къ послу, объявилъ ему, чтобы ѣхалъ назадъ лугомъ подлѣ Днѣпра на крѣпость Кодакъ, а на слѣдующій день совѣтовалъ ѣхать на Переволочну, т.-е. тѣмъ-же путемъ, какимъ ѣхалъ

въ Сичу посолъ, полемъ, для того, чтобы крымскій посолъ Тегай, въ Сичи бывшій, не далъ знать о немъ въ Асланъ или Кызыкермень города [1]) и татары не переняли бы его. 14 числа всѣ собрались къ церкви, противъ Сиркова куреня; тутъ Сирко вручилъ послу листъ царю и отпустилъ отъ себя. Посолъ поѣхалъ степью на Переволочну, какъ совѣтовалъ Сирко; съ нимъ послано было пять человѣкъ, Романъ Малюкъ и Семенъ Хорошка съ товарищами, съ листомъ къ гетману [2]).

Будучи въ Сичи московскій посолъ узналъ, что отправленные изъ Сичи, отъ кошевого къ Хмельниченку Брекало и товарищи возвращены отъ Перекопа беемъ назадъ; имъ бей говорилъ, что если они хотятъ ѣхать къ Хмельницкому, то ихъ отвезутъ туда, куда и его отвезли. Но они, повернувъ отъ Перекопа, въ Сичу пришли вмѣстѣ съ ханскимъ посломъ. А гетманскій посланецъ расположилъ къ себѣ козака Васильева и просилъ его доносить обо всѣхъ замыслахъ запорожцевъ, если Артемій Золотарь (имя гетманскаго посланца) пришлетъ къ нему о здоровьѣ его узнать. Послѣ Шестакова бояринъ и гетманъ для того, чтобы вѣрнѣе отвратить Сирка отъ непріятеля, отправили къ нему зятя, наказавъ послѣднему убѣждать Сирка оставить свое злое дѣло и служить царю по своему обѣщанію [3]).

Получивъ и прочитавъ письмо Сирка, гетманъ не повѣрилъ искренности и раскаянію кошевого, о чемъ тотъ же часъ подѣлился своими мыслями и съ царемъ посредствомъ письма [4]).

---

[1]) Асланъ, правильнѣе Арсланъ, на островѣ Тавани, Кызыкермень на берегу Днѣпра, противъ Арслана, гдѣ теперь городъ Бериславъ, херсонской губерніи.

[2]) Листы царю и гетману: Акты южной и западной Россіи, XIII, 437, 439.

[3]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 423—430, 432—431, 386.

[4]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 436.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Угроза со стороны турокъ и татаръ московскому царю.—Слухи о сношеніяхъ Сирка съ турецкимъ султаномъ, крымскимъ ханомъ и гетманомъ Юріемъ Хмельницкимъ. — Извѣщеніе отъ Сирка гетману Самойловичу о движеніи враговъ къ Чигирину.—Отправка Сиркомъ къ гетману письма Юрія Хмельницкаго.—Совѣтъ Сирка о разрушеніи Чигирина и просьба о присылкѣ клейнотовъ въ Сичь. — Недовольство гетмана тѣмъ и другимъ. — Увѣщательное письмо гетмана къ кошевому. — Вѣрность Сирка русскому царю. — Угрозы Сирку со стороны султана.—Неудача русскихъ и малороссійскихъ козаковъ подъ Чигириномъ.—Подвигъ Сирка на Днѣпрѣ.—Сношенія Сирка съ ханомъ и походъ его на Кызыкермень и Тавань. — Смерть Сирка. — Преданія и пѣсни о немъ.

Настала весна 1678 года. Россіи вновь грозила бѣда отъ нашествія турокъ на Украйну. Турки и татары снова собрались идти подъ Чигиринъ. Ходили слухи, что турецкій султанъ приказалъ идти на войну всѣмъ своимъ подданнымъ отъ 12-ти лѣтъ, что въ одной Волошской и Мутьянской землѣ онъ велѣлъ заготовить 60.000 тесницъ и 60.000 кирокъ, лопатъ и топоровъ. На этотъ разъ предводителемъ турецкихъ войскъ былъ объявленъ визирь Асанъ Мустафа, человѣкъ испытанный въ ратномъ дѣлѣ. Царь и гетманъ вновь стали готовиться къ отпору и потому вновь должны были вѣдаться съ кошевымъ Иваномъ Сиркомъ. А между тѣмъ о Сиркѣ снова стали приходить недобрыя вѣсти. Гетману доносили, что кошевой поддался турскому султану и въ большой дружбѣ съ крымскимъ ханомъ, что онъ сносится съ ними черезъ обоюдныхъ, съ той и другой стороны, пословъ, что онъ пересылаетъ всѣ царскія грамоты и гетманскіе листы къ султану и обнадеживаетъ его отстать отъ подданства русскому царю, такъ какъ ему безъ того сильно далась Сибирь, попасть въ которую онъ вовсе теперь не желаетъ. Говорили и о томъ, что Сирко сносится съ Хмельниченкомъ черезъ своего посланца Яненка, а Хмельницкій сносится съ Сиркомъ че-

резъ Коваленка, подкупая запорожцевъ деньгами и, по султанскому указу, всякими запасами обнадеживая ихъ, «только бъ словъ своихъ не дерзали перемѣняти, на Крымъ и на иные города наступати», за что запорожцы и кошевой Сирко съ своей стороны отправили посломъ войскового асаула Шила, «чтобъ салтанъ письмомъ своимъ ихъ подкрѣпилъ и въ походѣ своемъ на Москву заднѣпровскихъ городовъ не занималъ и черными Муравскими шляхами шелъ». Указывали и на то, куда Сирко, для приклоненія подъ басурмана, выходить имѣлъ, а именно на рѣку Ингулъ [1]). Наконецъ сообщали о Сиркѣ и то, что, отправивъ къ Хмельниченку своихъ пословъ Ивана Ененченка и Семена Гречку, кошевой заключилъ съ нимъ тайный договоръ на томъ, чтобъ вѣру православную не гнать, чтобъ податей и ясырю не давать, чтобъ вольностей и правъ запорожскихъ не нарушать, чтобъ старшихъ войска турецкаго и татаръ въ малороссійскіе города не допускать, и за все это, буде салтанъ на сіи статьи согласится, онъ, Сѣрикъ, его, Юраску, за князя приметъ и всю Украйну по обѣ стороны Днѣпра подъ турецкую державу приведетъ. Впрочемъ, болѣе дальновидные изъ тѣхъ, кто понималъ Сирка и доносилъ на него гетману, говорили и то, что Сирко этимъ всѣмъ «просто манетъ враговъ, чтобы враги на него самого прежде времени не наступили, Запорожьемъ и Сѣчью не овладѣли и какова разоренія не учинили; что онъ только времени выжидаетъ, чтобы надъ Крымомъ и надъ крымскими людьми промыселъ чинить; оттого жъ и гетману о всякихъ тамошнихъ (крымскихъ) вѣдомостяхъ въ тоже время пишетъ онъ» [2]). И дѣйствительно, января 26 дня Сирко доносилъ гетману о движеніи татаръ на Чигиринъ, въ замѣнъ чего гетманъ извѣщалъ его о приказаніи царя всѣмъ силамъ идти подъ Чигиринъ, а малымъ войскамъ, по совѣту Сирка, стать у Муравскихъ шляховъ, въ Бѣлгородѣ и Осколѣ [3]). Въ то же время Сирко писалъ письмо и царю, прося его, черезъ своихъ козаковъ, объ отпускѣ изъ Москвы на Сѣчь Махмета, мурзы бѣлогородской орды, на особожденіе изъ Крыма кровныхъ своихъ [4]).

Не довѣряя ни въ чемъ кошевому, гетманъ особенно былъ возмущенъ, когда ему прислано было письмо Хмельницкаго къ Сирку.

[1]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 595, 602, 448, 455, 458.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 642, 603.

[3]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 453, 473, 487.

[4]) То-есть, близкихъ родственниковъ, захваченныхъ раньше того въ неволю

Февраля 7 дня Хмельницкій писалъ Сирку, что по просьбѣ его онъ готовъ стараться у султана объ освобожденіи изъ неволи плѣнныхъ козаковъ, зато просилъ кошевого прислать къ нему или товарища своего, или 100 человѣкъ нарочныхъ пословъ; если же онъ пословъ не пришлетъ, то тѣмъ его, Хмельницкаго, въ большой стыдъ передъ султанскимъ величествомъ приведетъ, потому что султанъ постоянно о нихъ спрашиваетъ, да и своихъ товарищей. находящихся въ неволѣ, погубитъ всѣхъ. Получивъ это письмо, Сирко отослалъ его, вмѣстѣ съ собственнымъ письмомъ, Самойловичу; въ послѣднемъ онъ писалъ, что просилъ Хмельницкаго за прежнихъ своихъ товарищей, взятыхъ у Лодыжина, а къ крымскому хану посылалъ по тѣхъ, которые пойманы у Переволочной; въ заключеніе Сирко говорилъ, что посольства къ Хмельницкому онъ никакого не посылалъ, а только лишь о своихъ товарищахъ просилъ, въ доказательство чего и отвѣтъ Хмельницкаго на свою просьбу приложилъ.

Въ слѣдъ за этимъ письмомъ Сирко отправилъ гетману и другое письмо. Въ немъ онъ совѣтовалъ гетману, какъ поступить, на случай прихода враговъ, съ городомъ Чигириномъ. Совѣтъ его состоялъ въ томъ, что вмѣсто того, чтобы разоренный непріятельскимъ мечомъ городъ защищать, было бы удобнѣе Кіевъ, святой городъ, оборонять: «Лучше бы жителей всѣхъ тамошнихъ (Чигирина) изъ города вывесть, а самый замокъ сжечь, потому что поганый на пожарное мѣсто не пойдетъ, да и намъ на двѣ доли войска неудобно раздѣлять» [1]).

Получивъ листы кошевого Сирка и приложенное къ нимъ письмо Юрася и усмотрѣвъ въ нихъ «злосливое» противъ христіанъ намѣреніе, гетманъ немедленно отправилъ ихъ въ Москву съ грамотой къ царю, въ которой писалъ: «Не для чего иного совѣтуетъ онъ (Сирко) покинуть Чигиринъ, какъ для того, чтобы, вмѣстѣ съ Хмельниченкомъ, привести злобный замыселъ свой. Пусть только Чигиринъ достанется въ руки имъ, тогда они снова укрѣпятъ его, Хмельниченко сдѣлаетъ въ немъ столицу княжества своего, а Сирко объявитъ главнымъ гетманскаго регимента своего, потому что уже и теперь Сирко величаетъ Хмельниченка княземъ Малой Россіи, а Хмельниченко Сирка—гетманомъ кошевымъ войска запорожскаго низовыхъ козаковъ» [2]).

Еще болѣе. чѣмъ совѣтъ Сирка о разрушеніи Чигирина воз-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 517, 515, 516.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 513.

мутила гетмана и просьба кошевого о присылкѣ въ Сичь войсковыхъ знаменъ и о даровании кошевому мѣстечка Келеберды, съ чѣмъ онъ обратился къ Самойловичу черезъ своихъ посланцевъ, отправленныхъ въ Батуринъ, пользуясь, разумѣется, затруднительнымъ положеніемъ гетмана и царя и надѣясь чрезъ то успѣть въ своей просьбѣ. «Къ чему затѣяли они теперь просьбу свою? Никогда того не бывало, да и теперь не годилось имъ о томъ вашего государскаго престола утруждать, писалъ гетманъ царю Ѳеодору Алексѣевичу. Во всѣ времена, какъ стало войско запорожское подъ вашею православною государскою обороною, одному регементарю гетману, — давались знамена и булава, за которыя войско запорожское на службу вашу государскую ходить должно; а всякій полковникъ, по христіанскому обыкновенію и по стародавнимъ войсковымъ правамъ, дѣлаетъ самъ себѣ для воинскаго дѣла, какія можетъ знамена, что и запорожцамъ можно было бы сдѣлать. И если бы у нихъ не оказалось денегъ на то, то и я могъ имъ какою вещью помочь, или, сдѣлавъ готовое знамя, на Кошъ послать. И то удивительно, для чего они не искали знаменъ и никуда не посылали по нихъ тогда, когда у нихъ самозванецъ былъ, а сами сдѣлали ихъ для него да и теперь хранятъ у себя. Къ чему же они просятъ именно теперь царскихъ знаменъ? А за тѣмъ, чтобы прибрать побольше малоразсудныхъ и легкомысленныхъ къ себѣ людей и отъ Чигирина ихъ отвлечь. Говорили они и наказывали, чтобъ дать имъ полтавскаго полка мѣстечко Келеберду и Переволочанскій перевозъ на Днѣпръ. И то они новое дѣло вымышляютъ: отъ начала, какъ стало Запорожье и по настоящее время, ни мѣстечкомъ, ни селомъ, ни другимъ меньше того запорожцы на Украйнѣ не владѣли и просить о томъ за стыдъ себѣ почитали; также и самъ я размышляю, что того мѣстечка Келеберды, отдать имъ непригоже, потому что тогда въ одномъ полку два начальства будетъ, одно давнее, другое новое, отъ чего распри между людьми станутъ да къ томужъ, основавъ тамъ свою власть, запорожцы внушатъ другимъ не повиноваться намъ. Обращаясь къ намъ съ такими неподобными просьбами, они просто возносятся отъ того, что къ нимъ, на Запорожье, отъ васъ великаго государя и отъ меня вашего государскаго подданнаго частыя въ эту зиму посылки были: они воображаютъ, что безъ нихъ никакое прибыльное дѣло не совершится» [1]).

[1]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 505—508.

Но болѣе всего гетманъ озлобился на Сирка за то, что онъ все еще не переставалъ сноситься съ Хмельниченкомъ, принималъ письма изъ Крыма и не прекращалъ вопроса объ обмѣнѣ плѣнными. Марта 2 дня писалъ Сирку изъ Крыма Ширинъ-бей, что хотя ханъ и султанъ съ государства сходятъ, но онъ, бей, готовъ додержать съ Сиркомъ учиненный между крымцами и козаками договоръ, лишь бы только и запорожцы его додержали, о чемъ просилъ извѣстить его, будутъ или нѣтъ козаки крымцамъ вѣрны. Сирко, отсылая гетману письмо бея, вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ ему, что бею дано слово быть съ Крымомъ въ миру не для чего иного, какъ для размѣна плѣнныхъ, но и то только до святого Георгія, а послѣ святого Георгія онъ дастъ вѣсть гетману и какъ гетманъ ему посовѣтуетъ, такъ онъ съ Крымомъ и поступитъ [1]).

Узнавъ доподлинно о всѣхъ сношеніяхъ Сирка съ врагами русскаго царя и гетмана, Самойловичъ, отправляя въ Сичь царскаго посла съ жалованьемъ запорожцамъ, приказалъ, для разузнанія дѣла, козаку полтавскаго полка Ивану Красноперченку и товарищамъ его, собрать свѣдѣнія о всѣхъ намѣреніяхъ запорожцевъ. Прибывъ въ Сичь, Красноперченко и товарищи узнали, что турскій султанъ имѣетъ идти на Украйну, что запорожцы готовы выступить противъ него, что съ крымскимъ ханомъ они додержатъ перемиріе, ради окупа плѣнныхъ, только до святого Георгія, что Юрій Хмельницкій присылалъ въ Сичь трехъ козаковъ, чтобы склонить запорожцевъ на свою сторону, но запорожцы въ томъ ему отказали, а во всемъ положились на государскую волю. Самъ Сирко призывалъ Красноперченка въ свой курень одного и спрашивалъ его о своей женѣ, дѣтяхъ и домѣ, потому что онъ, Иванъ Красноперченко, съ его женой «въ прежнія лѣта былъ воспреемникомъ». Призывалъ къ себѣ Сирко и Тишка Ганусенка, котораго гетманъ изъ Батурина къ Сирку посылалъ; тому Сирко, снявъ со стѣны Спасовъ образъ и поцѣловавъ его, говорилъ, что если онъ невѣренъ царскому величеству и врагъ гетману, то пусть бы тотъ образъ побилъ и душу и тѣло его [2]).

Собравъ всѣ свѣдѣнія о Сиркѣ и усмотрѣвъ въ нихъ явныя свидѣтельства нерасположенія къ царю и вражды къ себѣ, гетманъ все-таки нашелъ нужнымъ ладить съ Сиркомъ и для того,

[1]) Акты южной и западной Россія, XIII, 560, 532, 537, 538.
[2]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 546—548.

чтобы отвлечь его отъ злаго намѣренія пересылокъ съ турками и Хмельницкимъ Юріемъ опредѣлилъ послать ему увѣщательное письмо и удовольствовать разными запасами. Въ письмѣ, писанномъ марта 28 дня, гетманъ совѣтовалъ кошевому и всѣмъ козакамъ не обольщаться обѣщаніями князя-чернеца о готовности его способствовать освобожденію плѣнныхъ товарищей ихъ, а болѣе всего не надѣяться на бусурманскаго царя, который и подданнымъ своимъ христіанамъ ни вольностей не даетъ, ни креста святого ставить на храмахъ, ни пѣнія божественнаго въ церквахъ, ни открытыхъ знаменей на себѣ творить не позволяетъ, а во время войны не для сраженій и воинскихъ дѣлъ, а только лишь для сооруженія мостовъ и для починки переправъ употребляетъ,—того же не было бы и запорожскимъ козакамъ. Въ заключеніе письма гетманъ извѣщалъ козаковъ, что онъ велѣлъ изготовить имъ въ Переволочнѣ 200 бочекъ муки, 40 бочекъ пшена, нѣсколько полтей ветчины, за которыми совѣтовалъ имъ, по прежнему обычаю, прислать въ Переволочну нѣсколькихъ товарищей своихъ [1]). О посылкѣ своего письма и о всѣхъ намѣреніяхъ Сирка гетманъ донесъ грамотою въ Москву, за что получилъ монаршую благодарность отъ царя [2]).

Между тѣмъ турецкій султанъ, не получая опредѣленнаго отвѣта отъ Сирка, рѣшилъ или, по крайней мѣрѣ, велѣлъ распустить слухъ о рѣшеніи своемъ послать часть войска турецкаго, числомъ 40.000 человѣкъ, на 40 каторгахъ, т.-е большихъ военныхъ судахъ, къ Сичѣ и выше ея къ урочищу Кичкасу, чтобы здѣсь свой городъ устроить и отсюда надъ Чигириномъ промыселъ чинить. Тогда Сирко снова заговорилъ съ крымцами о размѣнѣ плѣнныхъ, взятыхъ уже не въ Лодыжинѣ, а въ Переволочнѣ, и послѣ этого отъ крымцевъ новое предложеніе получилъ быть съ Крымомъ въ миру, за что крымцы обѣщались по самый Кіевъ въ Днѣпрѣ своихъ лошадей не поить. Обо всемъ этомъ Сирко извѣстилъ гетмана своимъ письмомъ (мая 10 дня) и просилъ его прислать къ козакамъ съ войскомъ сына своего Семена Самойловича для отпора враговъ. На письмо кошеваго гетманъ отвѣчалъ своимъ письмомъ, въ которомъ совѣтовалъ запорожцамъ рѣшительно разорвать съ крымцами миръ, потому что они, какъ онъ подлинное извѣстіе имѣетъ о томъ, намѣрены такимъ или инымъ способомъ все Запорожье снесть.

[1]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 528, 549—552.
[2]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 550, 566.

Въ заключеніе письма гетманъ извѣщалъ Сирка, что къ нему ѣдетъ царскій посолъ Василій Перхуровъ съ увѣщательною грамотой отъ царя, дабы превратить козаковъ къ истинной царскаго величества вѣрности и къ единомыслію съ гетманомъ [1]).

Съ этихъ поръ Сирко всѣ свои сношенія съ непріятелями рѣшительно разорвалъ. Іюня 10 дня гетманъ Самойловичъ писалъ литовскому гетману Пацу, что кошевой Сирко и все войско низовое должную къ монарху христіанскому вѣру свою додерживаютъ и къ регименту гетманскому непремѣнную склонность сохраняютъ, о чемъ черезъ своихъ посланныхъ по должности своей вѣдома чинятъ. Іюля 12 дня Сирко разбилъ надъ лиманомъ днѣпровскимъ, противъ урочища Краснякова, въ устьѣ рѣчки Корабельной, нѣсколько [2]) турецкихъ каторгъ и корабельныхъ съ хлѣбомъ и запасами судовъ, которыя шли подъ начальствомъ каторжнаго паши къ Очакову и Кызыкерменю, откуда паша имѣлъ направить запасы сухимъ путемъ къ бусурманскимъ войскамъ. Сирко сдѣлалъ это тотчасъ, по пріѣздѣ въ Сичь царскаго посла Перхурова, передъ которымъ онъ хотѣлъ показать свою преданность царю; изъ всѣхъ турецкихъ суденъ, по словамъ самого Сирка, спаслось только одно судно съ парусами и множествомъ гребцовъ, о чемъ кошевой извѣщалъ гетмана черезъ козака Игната Уфедя, пославъ черезъ него турскаго языка. Оставивъ копъ съ ясыремъ въ Кардашинѣ надъ Днѣпромъ, Сирко, желая опередить турокъ, шедшихъ изъ-подъ Чигирина, двинулся къ Бугу, къ заставѣ и турскому мосту; мостъ тотъ сжегъ, заставу разгромилъ, много усталыхъ, голодныхъ и раненыхъ мусульманъ истребилъ, а христіанскихъ плѣнниковъ изъ неволи вызволилъ, и всѣмъ этимъ многихъ татаръ заставилъ вернуться изъ похода въ Крымъ [3]).

Однако, геройскій поступокъ Сирка не спасъ Украйны отъ бѣды: въ то время, когда Сирко громилъ татаръ на Днѣпрѣ, въ это самое время (августа 12 дня), русскіе ратники и украинскіе козаки понесли пораженіе и отступили отъ Чигирина. Лѣтописецъ Самоилъ Величко объясняетъ, не утверждая, однако, положительно, неудачу

[1]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 590.

[2]) У Величка означено 40 суденъ: Лѣтопись, 429—464.

[3]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 666, 694, 697; Величко относитъ разореніе и сожженіе Сиркомъ моста на Бугѣ къ первому чигиринскому походу (II, 452), но изъ современныхъ актовъ видно, что это было во второмъ чигиринскомъ походѣ.

русскихъ и украинцевъ подъ Чигириномъ во время второго чигиринскаго похода турокъ бездѣятельностью гетмана Самойловича и князя Ромодановскаго: Ромодановскій боялся нападать на турокъ, будто бы, потому, что въ ихъ рукахъ находился его сынъ, князь Андрей Ромодановскій, взятый въ плѣнъ десять лѣтъ тому назадъ. Турецкій визирь угрожалъ князю, что если онъ осмѣлится помѣшать ему взять городъ Чигиринъ, то получитъ въ подарокъ облупленную и набитую соломой кожу съ головы плѣннаго сына его. Самойловичъ же, «знюхавшись съ княземъ и слѣдуя его волѣ», вовсе не сочувствовалъ рвенію козаковъ къ войнѣ съ турками и проигралъ успѣхъ войны. Тогда кошевой Сирко и запорожцы, возмущенные такимъ поведеніемъ гетмана, послали ему слѣдующее, исполненное жестокихъ укоризнъ, письмо:

«Вельможный мосце пане гетмане тогобочный украинскій малороссійскій, Іоание Самойловичъ. Послѣ кончины славнопамятнаго, добраго нашего гетмана, Богдана Хмельницкаго, по истинѣ дорогого отчизнѣ своей малороссійской сына, когда стали являться частые и непостоянные гетманы, и когда, черезъ факціи (дѣйствія) враждебныхъ сосѣднихъ монарховъ (что ясно изъ андрусовскихъ постановленій 1667 года), единая Малая Россія, наша бѣдная отчизна раздѣлилась пополамъ, сперва на два гетманства, начавъ отъ полтавскаго Пушкаря и переяславскаго Сомка, потомъ черезъ Ханенка уманскаго, на три гетманства, и вслѣдствіе постоянныхъ междоусобій, достаточно обагрилась кровію нашей братіи; тогда мы, войско низовое запорожское, тотъ же часъ перспективою нашего ума здалека усмотрѣли и поняли наступавшій упадокъ и всеконечное запустѣніе отчизны нашей малороссійской; въ дѣйствительности оно такъ и сталось съ вашей антецессоровъ, тогобочныхъ гетмановъ, ласки. Смотря издалека окомъ нашего разума на этотъ приближавшійся упадокъ отчизны, мы нигдѣ не могли безъ сердечнаго сожалѣнія вкусить хлѣба и отпочить спокойно послѣ трудовъ дневныхъ, потому что насъ постоянно безпокоило и одолѣвало то, что вслѣдствіе войны и непріязни обосторонихъ Днѣпра гетмановъ, приходилось намъ полными слезъ глазами смотрѣть на пустую и мертвую Малую Россію, матку нашу и вмѣсто богатыхъ жилищъ отцевъ и праотцевъ нашихъ видѣть жилища дикихъ звѣрей. Желая предупредить это по мѣрѣ силъ нашихъ, мы письмами нашими и усовѣщевали и уб алы сегобочныхъ гетмановъ, чтобы они для общаго отеческаго добра, всѣ

циркумстацін войнъ и непріязни отринули и оставались въ пріязни и згодѣ съ тогобочными гетманами, антецессорами вашими и отнюдь не склонялись бы на обманчивыя польскія приманки и обѣщанія. Однако, всѣ наши доводы мало имѣли дѣйствія, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше возростала между гетманами обѣихъ сторонъ вражда и злоба и чрезъ ихъ междоусобныя войны нашу братію искореняла. И хотя всѣ тѣ прошлые гетманы наружно показывали себя усердными устроителями и опекунами отчизны нашей, однако, каждый изъ нихъ скрытно и безъ всякой совѣсти, съ немалымъ ущербомъ для отчизны и съ погубленіемъ подчиненнаго ему христіанскаго народа, ради исполненія своего властолюбія и ненасытныхъ афектовъ (желаній), больше старался забрать воды на свои лотоки (мельничныя колеса) и затѣмъ до тѣхъ поръ сушилъ свою голову такимъ неспасительнымъ ремесломъ, пока, вмѣстѣ съ урядомъ своимъ, вовсе не терялъ ее, съ немалымъ для отчизны бѣдствіемъ. Послѣ всего этого не удивляйся, ваша вельможность, войску запорожскому, если намъ пришлось, послѣ случившагося збуренія турчиномъ Чигирина, Канева и всѣхъ остальныхъ сегобочныхъ городовъ и селъ украинскихъ малороссійскихъ, и тебя записать въ реестръ прошлыхъ нещиро зичливыхъ отчизнѣ нашей гетмановъ; ибо, зная, какое вниманіе и готовность къ оборонѣ отъ турокъ оказалъ ты, на слезныя суплѣкаціи (просьбы), лодыжинцамъ, уманцамъ и жителямъ другихъ городовъ и повѣтовъ, не иначе можемъ и разумѣть о вашъ—мости, мосце пане, какъ сказали выше. И точно, вмѣсто военнаго похода и обѣщанія обороны лодыжинцамъ и уманцамъ ты, счастливо назадъ отъ Лисенки повернувши и предоставивши дѣло однимъ братьямъ нашимъ, добрымъ и отважнымъ рыцарямъ, за здравіе отчизны и Лодыжина свои животъ тамъ утратившимъ, ты вмѣсто щирости своей дырку Мурашкою заткнулъ [1]), а самъ яко журавель на купинѣ стоящій, издалека черезъ Днѣпръ смотрѣлъ до Лодыжина и Уманя, что тамъ будетъ твориться, обгородившись хорошо наметными стѣнами, для защиты своего здоровья, чтобы оттуда не залетѣла по вѣтру пуля какая и оному (здоровью) въ роскошныхъ перинахъ, какъ паву въ краснопестромъ перѣ, не причинила шкоды. О нещи-

---

[1]) Намёкъ на охотницкаго полковника Мурашку, котораго гетманъ вмѣсто себя къ Лодыжину послалъ, и который страшною смертью отъ турокъ погибъ: Лѣтопись, II, 353.

рости же вашей къ Чигирину мы уже и не пишемъ вамъ, когда не только мы, войско низовое запорожское, но и весь великороссійскій и малороссійскій свѣтъ ясно то видитъ и видѣть можетъ, что онъ, съ прочими городами и украинскими селами, погибъ черезъ вашу съ княземъ Ромодановскимъ нещирость и незычливость и окончилъ дни свои полнымъ запустѣніемъ съ премногимъ пролитіемъ христіанской крови и съ погубленіемъ истой братіи нашей, ибо какая могла быть къ Чигирину пріязнь ваша, когда у васъ издавна сильная злоба къ нему была? И если прежде вы, ваша мосць, не стыдились на Дорошенка и на Чигиринъ со своимъ и съ московскимъ войскомъ приходить и открыто воевать его, то какъ могли вы устыдиться, чтобы не оборонять и препятствовать паденію его? Объясни же теперь, пане гетмане Самойловичъ, что доказалъ ты, какую услугу Богу и отчизнѣ сдѣлалъ. Дорошенка заслалъ въ непрестанную неволю, Чигиринъ со всею сегобочною Украйною утратилъ, многому множеству крови христіанской напрасно пролиться допустилъ и послѣ такого мнимаго благополучія обѣихъ сторонъ гетманомъ титуловаться сталъ. Что же тебѣ отъ той запустѣлой сегобочной стороны? Разсмотри, какого ты чаешь отъ нея пожитка и обогащенія. Намъ кажется, что лучше было бы вамъ двоимъ быть на обѣихъ сторонахъ, гетманами и жить, какъ братьямъ, въ любви и единомысліи, чрезъ что вы были бы и непріятелямъ страшны, и въ корыстяхъ своихъ и Рѣчи Посполитой украинской всегда умножались бы. Теперь же ты настоящій погубитель Чигирина и остатка сегобочной Украйны, потому что если бы ты не добывалъ его и не взялъ, вмѣстѣ съ Дорошенкомъ, подъ свою власть, то и турчинъ не приходилъ бы добывать его; а впослѣдствіи, черезъ разумные медіяціи, могла бы и вся сегобочная Украйна отъ турской власти, безъ всякаго кровопролитія, подъ высокую руку православнаго монарха съ Дорошенкомъ приклониться и тебя какъ единаго пастыря знать; но ты такъ ожесточился на Дорошенка и на всю сегобочную Украйну, что и мало не хотѣлъ обождать до такого счастливаго времени. А нынѣ дождался крайняго упадка и запустѣнія отчизны вашей и уже теперь гимны, сложенные Дорошенку, тебѣ суть приличны, потому что за тебя, гетмана Самойленка, вконецъ опустѣла сегобочная Украйна, за что дашь отвѣтъ передъ Богомъ всевидящимъ. Твоему разуму показался лучшимъ одинъ человѣкъ, сынъ князя Ромодановскаго, нежели тысячи братіи нашей, христіанъ православныхъ, велико-

россійскихъ и малороссійскихъ, оставленныхъ, безъ должной помощи твоей, на убіеніе бусурманамъ въ Чигиринѣ, Каневѣ и другихъ мѣстахъ. Кто тутъ слѣпотѣ твоего ума не удивится? Кто, разсмотрѣвши такое жестокосердіе твое, можетъ съ пріязнью и зичливостью приклониться къ тебѣ? И если кровь одного праведнаго Авеля вопіяла отъ земли до Бога объ отмщеніи Каину, то, какъ ты думаешь, не будетъ-ли пролитая, по твоей причинѣ, кровь премногихъ христіанъ скаржитися на тебя и просить справедливости у Господа Создателя, Судіи праведнаго? Знай хорошо, что вскорѣ постигнетъ тебя то, о чемъ и не мыслишь, и ты кровію своею и чадъ своихъ заплотишь кровь братіи нашей: за погубленіе многой братіи нашей неожиданное на домъ твой найдетъ губительство; богатства твои, которыя уже собралъ и думаешь еще собрать, въ день гнѣва божія не помогутъ тебѣ, ибо одна правда избавляетъ мужа отъ смерти; они перейдутъ въ руки не трудившихся, и ты останешься сирымъ и бѣднымъ, и какъ по твоей винѣ отчизна наша сегобочная малороссійская запустѣла, такъ и домъ твой возносящійся запустѣетъ и въ жилищахъ твоихъ живущаго не будетъ: ею бо мѣрою мѣрилъ еси, тоею возмѣрится, по неложному глаголу евангельскому. Излагая все это вслѣдствіе сердечнаго сожалѣнія о постигшихъ бѣдствіяхъ и крайнемъ упадкѣ отчизны нашей малороссійской, сегобочной Украйны, мы вмѣсто благополучія поздравляемъ тебя; желая, чтобы ты чрезъ тотъ упадокъ очнулся и, остерегаясь своего паденія, поискалъ милости божіей для вѣчнаго живота и благополучія, невозбранно подаваемой всѣмъ просящимъ и ищущимъ ее, усердно прося которой и для себя, остаемся вашей велможности зичливые пріятели и братія, Иванъ Сирко атаманъ кошовій зо всѣмъ товариствомъ войска низоваго запорожскаго. Зъ Сѣчи запорожской, септемврія 25, року 1678 [1]).

Осенью того же года Сирко черезъ своихъ пословъ Прокопа Голоту и Андрея калниболотскаго куреня козака, извѣщалъ гетмана, что крымскій ханъ прислалъ къ кошевому посла съ просьбой заключить на три мѣсяца для окупа плѣнныхъ съ нимъ миръ, а главнымъ образомъ, для отысканія знатнаго аги Мустафы; по той просьбѣ Сирко отправилъ къ хану своего толмача, черезъ котораго узналъ, что ханъ, по приказу султана, имѣетъ въ заднѣпров-

[1]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 467.

скую Украйну, для соединенія съ Хмельниченкомъ, выходить и тамъ промыслъ свой чинить; теперь же кошевой предлагаетъ гетману въ замѣнъ знатнаго аги взять изъ плѣна боярскаго сына Андрея Ромодановскаго или же вмѣсто него потребовать 40.000 ефимковъ съ татаръ за выкупъ Мустафы-аги. На письмо Сирка гетманъ отвѣчалъ листомъ (декабря 2 дня), что, видя искреннее желаніе къ православному монарху и доброе расположеніе къ нему, региментарю своему, онъ донесъ пресвѣтлому монаршему престолу о службѣ и благихъ дѣлахъ Сирка, а на счетъ знатнаго турчина, взятаго въ плѣнъ, совѣтовалъ ему за малый окупъ его не избывать, если же его почему-либо въ Сичи неудобно держать, то лучше было бы къ нему, гетману, прислать. Подавая попрежнему добрый совѣтъ Сирку отнюдь ни туркамъ, ни Хмельниченку не довѣрять, гетманъ съ тѣмъ вмѣстѣ писалъ, что, не смотря на запрещеніе царя не больше 10 человѣкъ запорожскихъ посланцевъ въ Москву посылать, гетманъ на этотъ разъ позволилъ идти, по прошенію Сирка, 50 козакамъ, «дабы великій государь, взирая на ваши труды, въ вашемъ челобитьѣ явилъ вамъ милость свою». Въ слѣдъ за отбытіемъ запорожскихъ пословъ въ Москву, къ гетману пришли новые отъ Сирка послы съ извѣстіемъ, что крымскій ханъ на войну подъ государскіе города идетъ [1]).

Новый 1679 годъ начался для Сирка походомъ его на города Кызыкермень и Тавань. Турки, вознамѣрившись прекратить выходъ козакамъ въ устье Днѣпра и въ Черное море, рѣшили возобновить крѣпости въ Кызыкерменѣ и на островѣ Тавани, противъ Кызыкерменя среди Днѣпра; между городомъ и островомъ они провели желѣзныя цѣпи, а къ цѣпямъ прикрѣпили колокольчики, чтобы слышать, когда запорожцы будутъ въ цѣпи своими лодками ударять. Сирко, выбравшись изъ Сичи, ходилъ разорять тѣ города [2]). Въ отплату за то турки рѣшили самую Сичу на мѣстѣ разорить [3]). Тогда Сирко, узнавъ о приближеніи къ Чортомлыку Кара-Мухаммадъ-паши и не надѣясь на силы козаковъ, перенесся съ Сичи на урочище Лободиху, между островомъ. Турки, приблизившись къ Сичи всего лишь на одинъ переходъ и услыхавъ о выходѣ изъ нея Сирка, повернули въ свои края [4]). Узнавъ объ

[1]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 700—703, 718, VIII, 31.

[2]) Самовидецъ, Лѣтопись, Кіевъ, 1878, 148.

[3]) Ригельманъ, Лѣтописное пов. о Малой Россіи, 1847, II. 170.

[4]) Акты южной и западной Россіи, V, 155.

опасности, угрожавшей Сирку и козакамъ, царь, для обезпеченія южныхъ границъ противъ враговъ, отправилъ, подъ начальствомъ Корецкаго, большую конную и пѣшую рать, на Запорожье, въ помощь кошевому Сирку, чтобы кошевой соединенными силами могъ туркамъ и татарамъ «противиться». Но врагъ, провѣдавъ о томъ «ужаснулся и аки нѣкая змія, устрашенная, спрятала свою гордую голову» [1]). Въ этомъ же году разнеслась было вѣсть о томъ, будто Сирко убилъ измѣнника русскому царю Юрія Хмельниченка, но то оказалось одною лишь молвой [2]).

Въ томъ же году «турчинъ пустилъ поговорку», будто онъ, помня истребленіе 13.500 человѣкъ янычаръ въ 1675 году запорожцами въ Сичи, взялъ намѣреніе придти въ Сичь и разорить ее. Узнавъ о томъ, гетманъ написалъ Сирку письмо съ готовностью помогать ему противъ враговъ; на то письмо кошевой и козаки апрѣля 6 числа отвѣчали ему листомъ: они благодарили гетмана за высказанное сочувствіе, но отклонили предложеніе его о помощи имъ: «Если вы, ваша вельможность, станете безпокоить вашу гетманскую особу съ такою пріязнью и усердіемъ, какую выказали у Лодыжина, Уманя, Чигирина, Канева и другихъ украинскихъ сегобочныхъ городовъ и повѣтовъ, то лучше вамъ оставаться въ собственномъ домѣ и не смотрѣть на наше паденіе сблизка, какъ смотрѣли вы безпечально на паденіе Чигирина; а мы поручаемъ себя всемогущей божьей защитѣ и сами будемъ, при всесильной помощи божьей, промышлять о своей цѣлости, въ случаѣ прихода неприятелей» [3]). Мая 29 дня того же года коломацкій сотникъ Остафій Подерня въ своемъ листѣ къ ахтырскому полковнику Ѳедору Сагуну писалъ, что въ этотъ день черезъ слободу Коломакъ [4]) ѣхали орельскіе да сѣрковскіе козаки и сказывали ему, Остафью: «посыланы-де изъ Запорожья, изъ Сѣчи, отъ кошевого атамана Ивана Сѣрка во всѣ города листы о томъ, что бусурмане хотѣли учинить съ нимъ миръ и не учинили» [5]).

Но это было послѣднее извѣстіе о дѣйствіяхъ Сирка, такъ какъ вскорѣ послѣ этого его не стало: «Того же лѣта, августа перваго числа, представился отъ жизни сей, черезъ нѣкоторое время послѣ болѣзни,

---

[1]) Лѣтописецъ Леонтія Боболинскаго, Кіевъ, 1854, 315.

[2]) Ригельманъ, Лѣтописное повѣствованіе, Москва, 1847, II, 171.

[3]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 489—493.

[4]) Харьковской губерніи, валковскаго уѣзда.

[5]) Филаретъ, Историко-стат. опис. харьк. епархіи, Москва, 1857, 263.

въ Грушевкѣ, въ пасѣкѣ своей, славный кошевой атаманъ, Иванъ Сѣрко. Препровожденный водою до запорожской Сичи, онъ погребенъ былъ честно всѣмъ войскомъ низовымъ запорожскимъ въ полѣ, за Сичею, противъ московскаго окопа, гдѣ погребалось и другое запорожское товариство. Хоронили его знаменито 2 августа со многою арматною и мушкетною стрѣльбою и съ великою отъ всего низоваго войска жалостью, какъ прилично оказывать то такому справному и счастливому вождю, который съ молодыхъ лѣтъ и до старости своей, пробавляясь военными промыслами, не только удачно Крымъ воевалъ и пожегъ въ немъ многіе города и не только въ дикихъ поляхъ, по разнымъ мѣстамъ, татарскіе загоны громилъ и христіанскихъ полоняниковъ отбивалъ; но, выплывая въ Черное море лодками, въ разныхъ мѣстахъ немалыя шкоды и разоренія бусурманамъ чинилъ, а по самому морю корабли и каторги, плывшіе изъ Константинополя въ Крымъ, Азовъ и другія мѣста, разбивалъ и съ великою добычею счастливо съ запорожскимъ войскомъ до Коша возвращался. Все войско его любило и за отца своего почитало. Похоронивши же его, какъ выше сказано, съ жалостію великою, знатную надъ нимъ насыпали могилу и на ней каменный крестъ поставили съ надлежащимъ именемъ и надписомъ его дѣяній» [1]).

Гетманъ узналъ о смерти Сирка изъ письма къ нему новаго кошевого атамана Ивана Стягайла:

«Если жизнь людей находится въ рукахъ Бога, то по волѣ божіей термѣнъ смерти беретъ всякаго человѣка со свѣта; такимъ способомъ августа перваго числа, пришедшій смертельный часъ взялъ отъ животнаго мѣшканія, наполнивъ насъ жалостію, и пана Ивана Сирка; тѣло его несчастнаго, послѣ его страданій, мы похоронили, по обычаю христіанскому и набожному обряду церковному, въ полѣ, при Кошѣ, августа 2 дня. А сами, оставаясь въ неотмѣнной и вѣрной службѣ нашему великому государю, его царскому пресвѣтлому величеству, готовимся все войско собрать на Кошъ для приведенія въ надлежащій порядокъ Запорожья, чтобы быть всегда готовыми на всякую царю услугу. При этомъ извѣщаемъ вельможность твою, что послѣ смерти небожчика (Сирка) наше запорожское товариство, будучи на Азовскомъ морѣ, 8 августа, турецкій корабль громило, большую часть людей его побило, а де-

[1]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 497—498.

вять человѣкъ непріятелей до Коша привело; послѣдніе намъ объявили, что ни отъ татаръ, ни отъ турокъ никакой войны на нашего государя и на Украйну не будетъ, потому что (мусульмане) завелись войной съ французскимъ королевствомъ. Для того всѣ турецкія каторги (морскія судна) изъ Чернаго моря и отъ Константинополя пошли въ Бѣлое (Мраморное) море; только и осталось четыре каторги, которыя пошли, да и то ненадолго, съ казной въ Азовское море. Оттого же ни на Дунаѣ, ни на Днѣстрѣ, нигдѣ нѣтъ турецкихъ войскъ; только въ Крыму носятся вѣсти, будто орда весной двинется на Украйну. Узнали мы и о томъ, что царское пресвѣтлое величество съ наяснѣйшимъ королемъ польскимъ хотя и братски живутъ, но не смакуютъ и на ляховъ ропщутъ. Что до того, что мы не посылаемъ нашихъ посланцевъ до великаго нашего государя, то это происходитъ отъ того, что наше товариство ни съ поля, ни съ воды до сихъ поръ не явилось къ намъ; а если, дастъ Богъ, съ ихъ приходомъ, мы получимъ какую-нибудь вѣсть о непріятеляхъ, то въ тотъ же часъ пошлемъ сказать о томъ царскому пресвѣтлому величеству. А такъ какъ твоя вельможность обѣщала намъ испросить ласку у великаго государя, то просимъ уторовать (проторить) напередъ для этого дорогу. Съ этими прописанными вѣстями посылаемъ до твоей вельможности нашихъ товарищей Кузьму съ Семеномъ Ганженкомъ и при нихъ одного изъ взятыхъ невольниковъ, волошина, который все также хорошо знаетъ, какъ и тѣ турки, и также, какъ они, разскажетъ; мы сами сперва его допросили, а потомъ то же самое отъ другихъ слышали. Прося взаимно извѣстить насъ о движеніи войскъ его царскаго пресвѣтлаго величества съ войскомъ твоей вельможности и возможно скорѣй возвратить намъ назадъ нашего посланца, желаемъ твоей вельможности отъ Господа Бога имѣть многолѣтнее здоровье и счастье въ помыслахъ, а себѣ ласки твоей до насъ. Вельможности твоей зичливые пріятели и нижайшіе слуги Иванъ Стягайло атаманъ кошовій войска его царскаго пресвѣтлаго величества запорожскаго низоваго, зо всѣмъ товариствомъ. Зъ Коша августа 10, року 1680» [1]).

Въ Москвѣ о смерти Сирка узнали въ сентябрѣ того же года, по пріѣздѣ запорожскихъ пословъ, полковника Щербины и бывшаго писаря Быховца. Въ тайномъ разспросѣ писарь Быховецъ сказалъ:

[1]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 498.

«Когда Сирко былъ кошевымъ, то отъ него никакого добра великому государю не было; а говорить ему явно никто о томъ не смѣлъ, потому что всѣ его, или вслѣдствіе попущенія божія или вслѣдствіе хитрости какой, чрезмѣрно боялись, и что онъ было задумаетъ, то и сдѣлаетъ, а еслибъ кто не захотѣлъ его слушаться, того тотъ часъ бы убили, потому что въ кругу у насъ всякому вольность, и если бы на кого Сирко что-нибудь затѣялъ, то безъ всякаго розыска тутъ же и смерть тому была. Сирко не хотѣлъ добра великому государю, во-первыхъ, за то, что былъ въ ссылкѣ въ Сибири; во-вторыхъ, за гетмана, отъ котораго Сирку, его женѣ и дѣтямъ тѣснота и обида великая была и который отнялъ у Запорожья маетности и промыслы и не присылалъ запасовъ. Были къ Сирку посылки отъ польскаго короля, чтобъ онъ ему служилъ, и кошевой началъ думать, какъ бы въ Украйнѣ сдѣлать кровопролитіе. Прослышавъ объ этомъ намѣреніи, король прислалъ къ нему изъ Бѣлой-Церкви попа; Сирко черезъ этого попа обнадежился, послалъ къ королю сына своего и съ нимъ сотню козаковъ, отзываясь съ вѣрною службою и съ такимъ замысломъ, чтобъ король навелъ хана съ ордою на слободскіе украинскіе города, а свои войска послалъ по Задесенью, Сирко же въ это время подъ королевскимъ знаменемъ пойдетъ также къ слободскимъ городамъ, и когда малороссійскіе жители увидятъ на себя такую тѣсноту, а про Сирка услышатъ, что онъ служитъ королю, то начнутъ бунтъ, убьютъ гетмана, а Сирка провозгласятъ гетманомъ, обнадеживаясь на то, что онъ черезъ польскаго короля отъ турокъ и татаръ дастъ имъ покой. Сила божія не допустила этого намѣренія до совершенія; мы съ судьею Яковомъ Константиновымъ поработали тутъ Богу и послужили вѣрно великому государю, до злого намѣренія Сирка не допустили, не дали ему съ Крымомъ договориться, чтобъ быть подъ обороною турецкаго султана. Съ этихъ поръ Сирко пришелъ въ отчаяніе, что не могъ исполнить своего намѣренія и началъ хворать, заболѣлъ у него лѣвый бокъ, отчего сталъ чрезмѣрно худъ. Во время болѣзни войскомъ не занимался, а постоянно жилъ въ пасѣкѣ своей, которая отъ Сѣчи въ десяти верстахъ въ днѣпровыхъ заливахъ со всякими крѣпостями. Войско стало негодовать, но онъ говорилъ козакамъ. «Слушайтесь меня, я человѣкъ старый и воинскій, знаю, что въ какое время дѣлать, и такъ вы добрыхъ молодцовъ растеряли, что безъ моего совѣта посылали ихъ въ степь. Король при-

сылалъ къ нему волоха, именемъ Апостольца, который всякими тайными разговорами приводилъ его къ исполненію вышеобъявленныхъ злыхъ дѣлъ; мы съ судьею узнали объ этомъ отъ Апостольца, который началъ намъ говорить, чтобъ мы слушались стараго воина Сирка, что намъ прикажетъ, исполняли бы. Мы спрашивали у Сирка, зачѣмъ пріѣхалъ Апостолецъ, но онъ намъ не сказалъ, только вычиталъ свои и войсковыя обиды. Незадолго передъ смертью Сирко велѣлъ сдѣлать себѣ гробъ и въ него ложился, говоря, что прежняго здоровья не чаетъ, и перваго августа умеръ въ своей пасѣкѣ скоропостижно».

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Сичу съ царскимъ жалованьемъ войску посолъ Бердяевъ и, вышедъ на раду, говорилъ козакамъ, чтобы они не дѣлали того, о чемъ думалъ Сирко, и присягнули бы на вѣрность русскому царю. Запорожцы отвѣчали на то отказомъ. Только одинъ кошевой атаманъ, Иванъ Стягайло, объявилъ, что онъ согласенъ присягу дать, потому что прежде у кошевого Ивана Сирка съ гетманомъ была вражда, отъ чего войско, не получая жалованья отъ царя и хлѣбныхъ запасовъ отъ гетмана, терпѣло бѣдствія. Но толпа все-таки не слушалась и не пустила въ церковь Стягайла для присяги царю; всѣхъ больше протестовалъ писарь Петро Гукъ, не получившій изъ Москвы подарка, по недоразумѣнію, что онъ, а не Быховецъ, состоялъ писаремъ въ Сичи. Черезъ ночь настроеніе Гука измѣнилось, и на радѣ слѣдующаго дня козаки принесли присягу русскому царю. По возвращеніи посла въ Москву, въ Сичь отправлено было еще 50 половинокъ сукна и нѣсколько червонцевъ Гуку [1]).

Личность Сирка, какъ воина и какъ непобѣдимаго героя, производила большое впечатлѣніе на современниковъ и еще больше того на новое поколѣніе козаковъ. Говорили, что равнаго тому Сирку не было, не будетъ и не можетъ быть никогда: на то есть заклятіе отъ самого Сирка: «Хто ляже рядомъ со мною, то ще братъ, а хто выше мене--той проклятъ». Говорили, будто запорожцы, послѣ смерти своего славнаго вождя. отправляясь въ походъ, пять лѣтъ возили его тѣло и по сушѣ, и по водѣ въ гробу, твердо вѣруя, что Сирко и послѣ смерти страшенъ врагамъ и что съ нимъ, даже мертвымъ, можно побѣждать бусурманъ [2]). Гово-

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1863, XIII, 294—297.

[2]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 11.

рятъ и теперь старики, что послѣ смерти Сирка козаки отрѣзали правую руку его, съ ней вездѣ ходили на войну и, въ случаѣ бѣды, выставляли ее впередъ, говоря: «Стой, душа и рука Сирка съ нами!» И по тому слову враги какъ зайцы бѣжали отъ козаковъ. Только потомъ, когда ужъ и самая Сичь была снесена и все Запорожье уничтожено, козаки схоронили въ могилѣ руку Сирка, но не схоронили они съ ней души его: онъ вовсе не умеръ, онъ живъ до сихъ поръ, онъ и теперь воюется гдѣ-то съ врагами Христовой вѣры и козацкой вольности [1]).

Могила Сирка, по-теперешнему, находится въ деревнѣ Капуливкѣ, екатеринославской губерніи и уѣзда, раскинувшейся при устьѣ рѣчки Чортомлыка, гдѣ нѣкогда была Чортомлыцкая Сича, въ которой подвизался Сирко. Она находится въ огородѣ крестьянина Николая Алексѣевича Мазая и представляетъ собой небольшой земляной холмъ, обсаженный кругомъ кудрявыми шелковицами да высокими тополями и увѣнчанный небольшой, поднятой вверхъ, въ два безъ полутора вершка аршина высоты, каменной, на подставкѣ, плитой, на которой сдѣланы съ обѣихъ сторонъ начертанія. На восточной сторонѣ этой плиты высѣчено распятіе Христа съ обычными при немъ буквами І, Н, Ц, І: ИС, ХР, НІІ, КА, К, П, Т, Р, М, Л, Р, Б; на западной сторонѣ, въ самомъ верху, высѣченъ небольшой четырехконечный крестъ и ниже креста помѣщена слѣдующая надпись:

РБ АХП МАА Д ПРЕСТАЗИЕМ РАБЬ БО
ИОАНЬ СЕРЬКО ЗМІТРОВИ АТМАНЬ КОШО-
ВИЙ ВОСКА ЕАПОРОЕКОГО ЕА ЕГО Ц П В ФЕѠДО-
РА АЛЕЗѢВІЧА ПАМТ ПРАВЕДНАГО СОПОХВАЛАМІ

Въ переводѣ на современную транскрипцію это значитъ:

«Року божого 1680 мая 4 преставися рабь бож Иоань Сѣрько Дмитрови атамань кошовий воска запорозкого за его ц п в (царскаго пресвѣтлаго величества) Феодора Алексѣвича. Памят праведнаго со похвалами».

Сравнивая показаніе этой надписи съ показаніемъ современника

[1]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 76,

Сирка писаря Быховца и лѣтописца Величка, мы видимъ разницу въ мѣсяцѣ и днѣ смерти Ивана Сирка: надпись гласитъ, что онъ умеръ мая четвертаго числа, современникъ и лѣтописецъ свидѣтельствуютъ, что онъ скончался августа перваго дня. Чему въ данномъ случаѣ отдать предпочтеніе? Основательнѣе будетъ отдать предпочтеніе свидѣтельствамъ современника и лѣтописца на томъ основаніи, что едва-ли памятникъ, стоящій теперь на могилѣ Сирка, тотъ самый, который поставленъ былъ ему тотъ-же часъ послѣ смерти его. Дѣло въ томъ, что черезъ двадцать лѣтъ послѣ смерти Сирка, когда запорожцы, отложившись отъ русскаго царя, перешли на сторону шведскаго короля и когда русскій царь восторжествовалъ надъ всѣми врагами своими, а въ числѣ ихъ и надъ войскомъ запорожскихъ козаковъ, то онъ приказалъ всю Сичь, прославленную именемъ Сирка, до основанія раскопать и всѣ могилы ея съ землею сравнять. Русскія войска, посланныя въ Чортомлыцкую Сичь и встрѣтившія здѣсь упорное сопротивленіе со стороны козаковъ, до того въ своемъ ожесточеніи дошли, что, по свидѣтельству очевидцевъ, раскапывали могилы мертвецовъ и выбрасывали трупы погребенныхъ въ нихъ. Поэтому трудно допустить, чтобы въ это время уцѣлѣлъ памятникъ Сирка; напротивъ того, нужно думать, что онъ одинъ изъ первыхъ былъ разбитъ и брошенъ на землю. Потомъ, когда запорожцы вновь возвратились на свое гнѣздо, они могли соорудить Сирку новый памятникъ и тутъ, дѣлая по памяти надпись на немъ, допустили нѣкоторую неточность въ показаніи времени кончины Сирка.

Дума о вдовѣ Сирчихѣ.

(Кіевская Старина, февраль, 1893).

Въ городѣ Мерефѣ жила вдова,
Старенькая жена,
Сирчиха-Иваниха,
Она 7 лѣтъ пробувала,
Сирка Ивана въ очи не видала.
Только соби двохъ сыновъ мала,
Первого сына Сирченка Петра,
Другова (sic) сына Сирченка Романа,
Она ихъ до зросту держала,
Ище отъ нихъ славы-памяти по смерти сподивала.
Якъ сталъ Сирченко Петро выростати,
Сталъ своей мати (sic) старенькой питати:
«Мати моя, старая жено,
Сколько я у тебе пребуваю,
Отца своего Сирка Ивана, въ очи не видаю:
Нехай бы я могъ знати,
Гдѣ своего отца, Сирка Ивана, шукати».
Вдова стара промовляла:
«Пошой (sic) твой отецъ до стародавняго
Тору пробувати,
Тамъ сталъ онъ свою голову козацкую покладати».
То вже Сирченко Петръ тое зачувае,
Пилипа Мерефіянскаго съ собою подмовляе,
Голуба Волошина за джуру у себе мае,
Стали вони до стародавняго Тору приѣжжати,
Атамана Торскаго, Яцка Лохвицкаго, познавати;
Атаманъ Торскій, Яцко Лохвицкій, изъ куреня выхожае,
Словами промовляе,
Сирченка Петра познавае:
Сирченку Петре, чого ты сюда приѣжжаешь,
Десь ты своего отца, Ивана, шукаешъ?»

Сирченко Петро словами промовляе:
«Отамане Торскій, Яцко Лохвицкій,
Я у годъ пробуваю,
Отца своего, Сирка Ивана, въ очи не видаю».
То вже Сирченко Петро съ козаками опрощеніе принимае,
До трехъ зеленихъ байраквъ прибувае.
Козаки до Сирченка Петра словами промовляли:
«Сирченку Петре, не безпѣчно себѣ май,
Коней своихъ казацкихъ отъ себе не пускай».
А Сирченко Петро на тее не повѣряе,
Подъ тернами байраки (sic) легае (sic)—спочивае,
Кони свои козацки далеко отъ себѣ пускае,
Только Голуба Волошина до коней посылае.
Турки тое забачали,
Изъ терниввъ, изъ байраквъ выбегали,
Голуба Волошина у полонъ до себѣ брали,
Ище словами промовляли:
«Голубе Волошине! Не хочемъ мы ны (sic) твоихъ коней вороныхъ,
Хочемъ бы добре знати,
Щобъ твого пана молодого изрубати».
Голубъ Волошинъ словами промовляе:
«Турки!
Коли можете вы мене отъ себѣ пускати,
Могу я самъ ему сплечъ головку сняты».
Турки того дознали,
Голуба Волошина отъ себе пускали.
Голубъ Волошинъ до Сирченка Петра прибувае,
Словами промовляе:
«Сирченку Петре, пане молодый,
На добраго коня сѣдай,
Межъ турками поспѣшай!»
Не успѣлъ Сирченко Петре межъ турки-яньичари вбѣгати,
Могъ ему Голубъ Волошинъ сплечъ головку сняти.
Тогда турки Пилила Мерефіянскаго округъ оступали,
Сплечъ головку козацьку снимали.
Козацьке тѣло посѣкли—порубали.
Козаки стародавные тое забачали,
На добрые кони сѣдали,
Турокъ побѣждали,
Козацьке тѣло позбирали,
До стародавняго куреня привозили,
Суходолъ саблями копали.
Шапками-приполами землю носили,
Козацкое тѣло схоронили.
Атаманъ Торскій, Яцко Лохвицкій, тое зачувае
До вдовы старенькой, Сирчихи-Иванихи, въ городъ у Мерефу письмо посылае,

Сирчиха-Иваниха письмо читае,
Словами промовляе,
Къ сырой землѣ крыжемъ упадае,
«Что вже теперь на моей головѣ три печали пробувае:
Первая печаль, что и 7 годъ пробувала,
Сирка Ивана въ очи не видала,
Другая печаль, что Сирченка Петра на свѣтѣ живого не мае,
Третья печаль, что Сирченко Романъ умирае.

Пѣсня о Романѣ Сиркѣ.

«Ой Лымане, Лымане,
Ты, Сирку Романе,
Да гей же ты, Сирку Романе!
Ой що будемъ робыты,
Нема козакамъ по чарци горилки де взяты,
Да гей же, де взяты!»

Пѣсня объ Иванѣ Сиркѣ.

(Эварницкій, Запорожье, II, 74).

Ой, якъ крыкне старый орелъ, шо пидъ хмары вьется,
Гей загуло Запорожжа тай до Сирка тнется.
Ой, не витеръ въ поли грае, не орелъ литае,
Ото жъ Сирко съ товариствомъ на Сичи гуляе.
Старый Сирко передъ стягомъ раду оглядае,
Козаченькивъ прывитае, стыха промовляе:
«Гей молодци-запорожци, татарва лякае!
Не дримайте, товарищи, бо въ руки злапае;
Збирайтеся до куповьки та сидлайте кони,
Тіи кони вороніи, що ждуть на прыпони»!..
Загудило Запорожжа, якъ те Чорне море,—
Понеслися козаченьки облавою въ поле.
Ой якъ свысне старый Сирко на конику сывимъ,
То спынылись запорожци, коней погубивши.
«Ой батьку нашъ, отамане, шо маемъ робити?
Безъ коней мы, наче орлы, шо въ степу, пидбити?»
Ой якъ крыкне нашъ отаманъ тай до казаченькивъ:
«Не журытьця, запорожци, друзи молоденьки!
Ой, годи жъ вамъ турбуватись, годи, паны-браты!
А берите въ руки списы, рушайте гарматы!
Тожъ не витеръ въ поли грае, не орелъ витае,
Ото жъ Сирко съ товариствомъ по степу литае».

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Матеріалы къ монографіи объ Иванѣ Сиркѣ.

I.

1664 года, марта 13 дня. Письмо Сирка къ царю Алексѣю Михайловичу съ извѣщеніемъ объ успѣхахъ похода за рѣки Бугъ и Днѣстръ.

Божіею милостію, великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, и многихъ государствъ и земель восточныхъ и сѣверныхъ отчичю и дѣдичю и наслѣднику и государю и обладателю, вашему царскому пресвѣтлому величеству нижайшій рабъ и вѣрной подданой Иванъ Сѣрко, отаманъ съ войскомъ вашего царского величества запорожскимъ, до ногъ престолу вашего царского пресвѣтлаго величества челомъ бьемъ. Исполняючи я Иванъ Сѣрко вашему царскому пресвѣтлому величеству службу съ войскомъ запорожскимъ всегда не отмѣнно, гдѣ и нынѣ по указу вашего царского величества, присланнымъ съ конюхомъ къ намъ въ войско запорожское съ Максимомъ Голиковымъ, чтобъ и Иванъ Сѣрко чинилъ промыслъ надъ крымскими и ногайскими улусы; и я Иванъ Сѣрко обыкновенные своея службы къ вашему царскому пресвѣтлому величеству не оставя, мѣсяца генваря 8 числа изъ коша славного Запорожія пошли есми за двѣ рѣки, за Богъ (Бугъ) и за Днѣстръ, гдѣ милостіею божіею и предстателствомъ пресвятые Богородицы и вашимъ великого государя счастьемъ, нападши на турскіе села повыше Тягина многихъ бусурманъ побили и добычу великую взяли. Въ той же, великій государь царь, грамотѣ написано, чтобъ я надъ измѣнниками черкасы промышлялъ; и я съ войскомъ запорожскимъ оборотясь изъ-подъ Тягина города турецкого, пришолъ подъ городы черкаскіе; и услыша меня Ивана Сѣрка

тогожъ часа, еще я съ войскомъ въ ихъ городъ не пришолъ, сами прежъ горожане учали ляховъ и жидовъ сѣчь и рубить, сдаючись всѣ полки казаки и все посполство, которые бѣды и неволю и мучителства отъ ляховъ и отъ жидовъ имѣли, чрезъ насъ Ивана Сѣрка къ вашему царскому величеству привращена есть вся Малая Росія, надъ Богомъ (Бугомъ) и за Богомъ (Бугомъ) будучіе городы, а именно бряславской полкъ, калницкой, Могилевъ, Рашковъ, уманской повѣтъ, до самого Днѣпра отъ Днѣстра, которые невинные люди обѣщаясь душами своими, что ужъ держатися подъ крѣпкою рукою вашего царского величества, доколѣ души ихъ въ тѣлесѣхъ будутъ, непріятелемъ креста Господня не поддаватися въ руки и не служити имъ. И я Иванъ Сѣрко, видя ихъ изневоленныхъ къ подданству ляхомъ отъ измѣнника гетмана Юрью Хмелницкого и его совѣтниковъ, за таковое ихъ обѣщаніе къ Богу и къ вашему царскому величеству, обѣщаю имъ твою великого государя милость и жалованье. Извѣстно вамъ великому государю будучи для ихъ оборони, а особно для городовъ крѣпкихъ, посылайте ваше царское пресвѣтлое величество ратныхъ рускихъ людей въ Бряславь, въ Умань, въ Калникъ и въ иные надобные городы, чтобъ непріятель откуды не нашолъ и твоихъ великого государя городовъ не завладѣлъ. Данъ изъ Умана, марта 13 дня, лѣта 1664. Нижайшій рабъ и вѣрный подданой Иванъ Дмитреевичь Сѣрко съ войскомъ запорожскимъ вашему царскому пресвѣтлому величеству челомъ бьетъ.

— —

II.

1664 года, февраля 24 дня. Замыслы Виговскаго и Сулименка; движеніе Сирка изъ Торговицы къ Уманю; гибель брата Сирка.

Виговскій, тронувшись изъ Бара въ Балабановку для достиженія своихъ разбойничьихъ замысловъ, сталъ подбивать Сулименка и Вареницу, старшихъ козачьихъ разбойниковъ, и тѣ тайкомъ приготовили измѣну. Союзники, собравши нѣсколько тысячъ хлопства, пошли съ кіями до Лысянки, взяли стоявшую тамъ пушку и по дорогѣ ограбили близь лежащія селенія и мѣстечка. Стоявшій во главѣ ихъ Виговскій пошелъ къ Бѣлой-Церкви, а отъ Бѣлой-Церкви къ Хвастову, въ которомъ пробылъ 1½ недѣли. Когда о пребываніи Виговскаго въ Бѣлой-Церкви узналъ козачій гетманъ Тетеря, то онъ съ небольшой дружиной, съ женой и съ тѣми, кого только могъ съ собой захватить, поѣхалъ въ Бѣлую-Церковь. Въ слѣдъ за нимъ тронулись, собирая и приспособляя дружину, Сулименко и Вареница. Козаки, истребивъ всѣ стада и скотъ въ Чигиринѣ и въ его окрестностяхъ, пошли прямо къ Бѣлой-Церкви и когда подошли къ городу, то гетманъ Тетеря съ 3.000 ордой татаръ, съ бѣлоцерковскимъ полкомъ, а также съ жолнѣрами Маховскаго, оставшагося здѣсь въ виду безчинства и бунтовъ хлоповъ, набравъ побольше волонтеровъ изъ шляхты, сдѣлалъ вылазку изъ города и, настигнувъ козаковъ въ полѣ, разсѣялъ ихъ, рубя и избивая, преслѣдовалъ на разстояніи трехъ миль до самой Рокитной, гдѣ вновь сразился съ остатками Вареницы и Сулименка. И такъ Богъ попустилъ, что измѣнники поторопились, не дожидаясь Сирка, который также имѣлъ находиться съ нѣсколькими тысячами отборныхъ стрѣлковъ и уже подошелъ было къ Уманю и тамъ отдыхалъ, вышедши изъ мѣстечка Тарговицы, которое расположено надъ рѣкой Бугомъ и сильно укрѣплено валами и хорошо снабжено войскомъ и орудіемъ.

1664 года между мартомъ и іюнемъ.

Того же года, послѣ смерти Виговскаго, король далъ кіевское воеводство Чарнецкому, бывшему русскому воеводѣ, который, не успѣвъ побывать ни дома, ни у жены, остался на Украйнѣ при войскѣ и имъ управлялъ послѣ отъѣзда короннаго гетмана Потоцкаго, который поручилъ ему войско и начальство надъ войскомъ по причинѣ своей глубокой старости. Чарнецкій всегда сносился съ козачьимъ войскомъ и съ Тетерей, которые ни о какой измѣнѣ не думали; своеволіе же крестьянъ и бунтовщиковъ, лишь только онъ узналъ объ немъ, сейчасъ же съ войскомъ наступилъ на нихъ, хватая и забирая. Также и бунтовщика Сирка съ его своевольной купоіі нѣсколько разъ разбивалъ. Въ это время былъ убитъ и братъ Сирка, срубивъ которому голову и воткнувъ ее на хоругвь, отдали воеводѣ съ другими плѣнниками изъ козаковъ Сирка, самъ же Сирко съ остаткомъ своевольныхъ ушелъ на Запорожье.

(Latopisiec Ioachima Jerlicza, Warszawa, II. 87, 92).

III.

1671 года, августа 7 дня. Письмо миргородскаго полковника Михаила Кіяшки къ гетману Демьяну Игнатовичу Многогрѣшному.

Ясневельможный, а ко мнѣ милостивый господине гетмане, господине и благодѣтелю мой! Воспріявъ азъ совершенную вѣдомость изъ Голтвы отъ наказного моего, что рыбники, ѣдучи съ Низу, сказывали, яко конечно Сѣрко пришолъ до Сѣчи къ войску низовому, которому ото всея рады войсковыя, принявъ его благодарне, дано изъ скарбу войскового платье; а отдавъ, просили, дабы попрежнему войску ватагомъ будучи въ поле готовился пойти; и тамъ того Сѣрка въ Сѣчи въ очи видѣли. Сказываютъ, что тамъ же въ Сѣчи есть Ханенко. Сверхъ того, изъ тое своея рады послали по калмыки, хотя (желая), отступивъ татаръ, таковыхъ же себѣ братью приняти. Тѣжъ рыбники сказывали, что отъ короля полского шолъ посолъ на Запорожье, которыхъ Дорошенкова сторожа встрѣтя изымали; токмо изъ между ихъ единъ, при которомъ листы были, до Сѣчи прибѣжалъ, невѣдомо того о какихъ дѣлехъ, потому что при тѣхъ рыбникахъ еще предъ войскомъ листовъ не объявляли, а впредь, каковы вѣсти буду имѣть, о семъ же прилежного радѣнія прилагаю ко объявленію велможности твоей долженъ преносылати. При семъ нижайшій мой поклонъ отдавъ милости твоей, господину и благодѣтелю моему, предаюсь велможности твоей, милостивому господину моему, наиповолнѣйшимъ слугою. Михайло Кіяшка, полковникъ войска его царского пресвѣтлаго величества запорожскаго миргородскій. Изъ Миргорода августа 7 дня 1671 года.

IV.

1667 года, сентября 27 дня. Письмо гетмана правой стороны Днѣпра Петра Дорошенка къ гетману лѣвой стороны Днѣпра Демьяну Многогрѣшному.

Велможный, милостивый господине гетмане, мнѣ зѣло милостивый господине и брате. За посѣщеніе здоровья моего, зѣло вашей милости, моему милостивому господину, челомъ бія, взаимно доброго вашей милости, моего милостивого господина, желаю здоровья и отъ всесилного Бога на многіе лѣта, при всякихъ потѣхахъ. Оного поведенія желаю, доброго пріятеля вашей милости, моего милостивого господина, есть то противно мнѣ непремѣнны заимнаго желателства знакъ, когда ваша милость, моі милостивой господинъ, не даючи мѣста у себя неподобнымъ вѣдомостямъ, о моемъ пребываніи нашедшемъ, для имовѣрности, и писать ко мнѣ и прислать своего нарочно посланца изволишь. Не дивно то есть во время войны и повѣтрія; а потомъ являются намъ пріятели и непріятели, розные новины отъ нихъ имѣютъ быти: тогда даю вашей милости, моему милостивому господину и брату, чрезъ посланного вашей милости и чрезъ сіе мое посланное писаніе о себѣ вѣдомо, что, за милостію божіею, во все время пребыванія моего съ войскомъ мѣшкалъ въ Бѣлой-Церкви, непріятеля, многого въ силахъ, надвередилъ. А когда гетманы корунные, ставши и окопавшися подъ Баромъ, начали со мною о комисіи договаривать, уступилъ есмь изъ-подъ Бѣлой-Церкви ку Ставищамъ; и толко ужъ было на подлинное мѣсто съ обоихъ сторонъ людей сослать, ажъ Сѣрко, хлѣбоядецъ нашъ, а давныхъ старшинъ своихъ измѣнникъ, съ таковымъ же съ Ханенкомъ поднявши войско съ Низу, а потомъ по селамъ бѣглыхъ бѣлогородцкихъ занявши, за которые не мало головъ отъ войскъ татарскихъ уходячи къ Богу (Бугу) положилъ, и за прибытіемъ нѣкоего Ковалевскаго, слуги князя гетмана полного, съ половиною войска по надъ Богомъ (Бугомъ) къ

ляхомъ отошли. И пошолъ было я съ войскомъ ихъ переходити, и толко у Богу (Буга) верстъ за десять отъ нихъ сталъ, и за немѣрно великою водою не моглъ не токмо пѣхоты нарядъ переправити и конницу усилуючи, имѣли не знаемыхъ бродахъ въ переправѣ великую шкоду въ людехъ и промыслахъ военныхъ имѣлъ отнести. А надѣя моя въ Бозѣ была: коль скоро бы ихъ дошолъ, подлинно ужъ было по войнѣ; а такъ съ жалостію не малою отъ того возвратити и дорогу имъ пустити, видя то свое войско зѣло оскудѣлое и въ запасахъ оголодѣлое; и отъ того яко ужъ натура несетъ къ домомъ, докучая, на малое время для отдохненья имѣлъ и самъ къ дому возвратити. А теперь, когда дождался Нурадына салтана съ собраніемъ крымскимъ, на сихъ дняхъ, взявши Господа Бога на помощь, вновь за удержаніемъ на Забожю (Забужьѣ) тѣхъ лядцкихъ вѣрников иду. Частократне мнѣ жены тѣхъ людей, которые у вашей милости въ охотныхъ полкахъ застаютъ, добиваютъ челомъ, чтобъ до вашей милости писалъ о уволненіи ихъ: и нынѣ покорно вашу милость, моего милостивого господина, прошу, чтобы были до домовъ къ женамъ отпущены, понеже съ нашіе стороны волный путь всякому, тогда пусть изъ вашіе стороны чтобъ не были задержаны у вашей милости; якожъ я постерегаю того прилежно, чтобы съ нашіе стороны въ сторонѣ его царского величества отъ войскъ крымскихъ всякая и наименшая не имѣла быти кривда. Тѣмъ вашей милости, моего милостивого господина, увѣдомивши, пребываю здраво. Изъ Чигирина, 27 сентября, 1671 году. Вашей милости, моему милостивому господину желателный во всемъ братъ, Петръ Дорошенокъ, гетманъ войска запорожского.

V.

1672 года, февраля 9 дня. Вѣсти объ Иванѣ Сиркѣ и Ханенкѣ изъ Побужья.

Февраля въ 9 день пріѣзжалъ изъ Нѣжина отъ думного дворянина и воеводы Ивана Ивановича Ржевского, въ Батуринъ, Васильева приказа Трегубова стрѣлецъ Степька Прокофьевъ къ головѣ московскихъ стрѣльцовъ къ Григорью Неѣлову, для провѣдыванья всякихъ вѣдомостей, и сказывалъ: посыланъ де онъ Стенька былъ изъ Нѣжина отъ думного дворянина и воеводы Ивана Ивановича Ржевского за Днѣпръ, для тамошнихъ вѣдомостей, и былъ де онъ за Днѣпромъ въ Корсунѣ и въ Каневѣ февраля въ 4 день; и Дорошенко де стоитъ въ Чигиринѣ, а при немъ козаковъ 12.000, а орды было при немъ 20.000 бѣлогородской и крымской, и съ тою ордою посалалъ онъ Дорошенко отъ себя брата своего Грицка, а съ ними пошли мурзы на двое, половина подо Львовъ, а другое на Волынь; да съ нимъ же Грицкомъ пошло козаковъ выборныхъ о дву конь 3.000; а салтанъ стоитъ кошемъ въ Паволочахъ, а съ нимъ войска 2.000 татаръ, да козаковъ небольшое. А при немъ Стенькѣ были, послѣ Рожества Христова, отъ королевского величества послы у Дорошенка для того, чтобъ Дорошенко былъ въ соединеніи съ королевскимъ величествомъ; и Дорошенко де имъ сказалъ, чтобъ де королевское величество отдалъ ему Ханенка да Сѣрика съ запорожскимъ войскомъ, и онъ де будетъ миритца съ ними; а только де не отдадутъ Ханенка и Сѣрика и онъ де съ ними николи миритца не будетъ и буду де васъ на веснѣ воевать съ туркомъ и съ ордою. А при Дорошенкѣ было войска турского конницы 10.000, и онъ де ихъ отпустилъ отъ себя послѣ Рожества Христова, а далъ имъ заплаты 3 городка ляцкихъ, кои онъ Дорошенко у ляховъ завоевалъ: Соболевъ, Степановку, Тростьянку. А была де у него Дорошенка рада, что турка пускать ли въ городы? И

козаки на радѣ приговорили, чтобъ отнюдь турка не пускать: толко де пустить турка, и онъ засядетъ городы также, какъ и Москва за Днѣпромъ, и намъ де ихъ изъ городовъ не выжить. А приговорили дать плату денгами; и турки денегъ не взяли, и онъ Дорошенко отдалъ тѣ городки турскому войску, и онѣ, выбравъ тѣ городки, и пошли отъ него въ свои мѣста. А Дорошенко де говоритъ, что царского величества на малороссійскіе городы онъ Дорошенко за Днѣпръ съ войскомъ самъ итти не мыслитъ и войска пускать не будетъ, памятуя къ себѣ его великого государя, его царского пресвѣтлаго величества, милость. И говоритъ Дорошенко, что турскому де салтану онъ Дорошенко поддался не вовсе, покамѣстъ Богъ изволитъ, а онъ де Дорошенко и нынѣ подданной турского салтана. А Ханенко де стоитъ въ Лодыжинѣ, а при немъ де Ханенкѣ войска 6.000 запорожцовъ. А Сѣрикъ де пошолъ до Чечелника, а при немъ войска 500; а Сѣрикъ съ Ханенкомъ заодно въ подданствѣ у королевского величества.

1672 года, январь — февраль. Показаніе запорожца Прокофія Локси о дѣйствіяхъ Сирка и Ханенка противъ татаръ и поляковъ.

Сказывалъ въ Батуринѣ запорожской козакъ Пронка Семеновъ сынъ Локся, вышелъ де онъ изъ полону отъ татаръ не въ давнихъ часѣхъ на Плотаву, и плотавской де полковникъ прислалъ его до гетмана; а былъ де онъ Ханенкова войска, и посылалъ ихъ Ханенко изъ Лодыжина подъ Зинковцы на семъ боку рѣки Бога на татаръ, ясаула войскового Ивана Шила, а съ нимъ войска было запорожцовъ пѣхоты съ 700, а стоялъ де подъ Зинковцами началной человѣкъ паша, а съ нимъ войска бѣлогородцкіе и крымскіе орды и янычаръ съ 30.000; и онѣ де, пришедъ подъ Зинковцы, ударили въ Подворкахъ на татаръ; а стояло де въ Подворкахъ орды 500 человѣкъ, и они де ту орду запорожцы сбили и языковъ было взяли, и припала съ поля орда и ихъ побили; утеклецы были ль или нѣтъ, того онъ не вѣдаетъ; а его де козака татарови взяли, и былъ у нихъ 3 недѣли, и орда де пошла подъ Лодыжинъ, и стояли де отъ Лодыжина въ милѣ, въ мѣстекѣ Скибенцѣ, 3 дни, и полоняниковъ де изъ Скибенцовъ отпустили въ Крымъ, а съ ними де полоняниками послали татаръ съ 50 человѣкъ, а полоняниковъ было 100 человѣкъ, и онъ ушелъ изъ-за Старова-городка, не дошедъ Перекопи, и прибѣжалъ къ Сѣчи, и былъ въ Сѣчѣ 3 дни, и изъ Сѣчи пришелъ въ Переволочну, и изъ Переволочны пришелъ въ Плотаву, и изъ Плотавы де прислалъ его къ гетману плотавской полковникъ Ѳедоръ Жученко. А у запорожцовъ де рѣчь идетъ, что хотятъ запорожцы быть подъ рукою великого государя, а у королевскаго величества они быть въ подданствѣ не хотятъ: были де они въ подданствѣ у королевского величества и имъ де отъ королевского величества заплаты

никакой не было. А Сѣрко де былъ въ Лодыжинѣ съ Ханенкомъ, и изъ Лодыжина вышелъ и сталъ въ Чичелникѣ; а войска де при немъ его полку запорожцовъ съ 1.000 человѣкъ, а при Ханенкѣ де было войска въ Лодыжинѣ 2 полка, съ 2.000 человѣкъ, да ляховъ съ 1.000. А отъ королевского де величества присланы къ Ханенку клейноты, булаву, бунчюкъ, въ осень, передъ Филиповымъ заговѣйномъ за недѣлю; а принялъ де онъ тѣ клейноты отъ Калника 2 мили, въ мѣстечкѣ Млинцахъ. А за зимнимъ де путемъ, запорожцамъ отъ Ханенка изъ Лодыжина до Сѣчи отъ Дорошенка и отъ татаръ проходу нѣтъ. А Ханенко де и Сѣрко ходили въ Волоскую землю и въ Бѣлогородчину для добычи, и въ тѣхъ мѣстехъ разорили 3 села, село Чабурчо, а дву селъ не знаетъ, и статку де взяли съ тѣхъ селъ съ 4.000 рублевъ; и какъ де они вернулись къ Сѣчи, и выходилъ де на нихъ ханъ съ ордою и съ янычары, съ пушки, изъ Ачакова въ урочищахъ, за Кулничкомъ, въ степи, и почели де стрѣлять изъ пушекъ по нихъ, и пушки де у нихъ разорвало, а имъ де шкоды никакой не учинилъ. И пришли де они на Богъ рѣку, и на Богѣ де ихъ встрѣтилъ отъ короля полского посолъ, посланъ де онъ къ Ханенку, что обѣщалъ войску запорожскому плату, чтобъ они шли къ полскимъ городамъ до короля; а какъ де они придутъ къ украйнымъ городамъ, и имъ де тутъ королевское величество велитъ дать заплату. И они де были въ городѣхъ королевского величества, а платы имъ отъ короля ничего не дано. А конечно де запорожцы желаютъ того, чтобъ имъ быть подъ высокодержавною непобѣдимою рукою царского пресвѣтлого величества въ вѣчномъ подданствѣ. А какъ де весна будетъ, и запорожскіе козаки отъ Ханенка и отъ Сѣрка всѣ розойдутца по городамъ, а съ ними де быть не хотятъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

090.

11

КРУПНАЯ ПОГРѢШНОСТЬ.

Напечатано:	*Слѣдуетъ*:
На стр. 19, въ строчкѣ 26. На ту пору кошевымъ атаманомъ былъ Остапъ Васютенко, называемый иначе Чемерисомъ, т.-е. польскимъ татариномъ.	На стр. 19, въ строчкѣ 26. На ту пору былъ кошевымъ атаманомъ Жданъ-Рогъ.
На стр. 19, въ строчкѣ 28. Совершивъ такое дѣло, Остапъ Васютенко,	На стр. 19, въ строчкѣ 28. Преемникъ Ждана-Рога Остапъ Васютенко, называемый иначе Чемерисомъ, т.-е. польскимъ татариномъ,

На стр. 99, въ 1 строчкѣ послѣ содержанія главы.

Новый 1667 годъ.	Новый 1676 годъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Д. И. ЭВАРНИЦКАГО

продается въ магазинахъ Алексѣя Сергѣевича Суворина.

Въ Петербургѣ, Невскій просп., д. № 38, контора «Новаго Времени»; въ Москвѣ, Тверской части, домъ Шориной; въ Харьковѣ, Екатеринославская улица, д. Руфа, магазинъ «Новаго Времени»; въ Одессѣ, Дерибасовская ул., д. № 11.

Исторія запорожскихъ козаковъ съ 22 рисунками. 4 р. —
Запорожье въ остаткахъ старины съ 75 рисунками Рѣпина, въ двухъ томахъ. . . . . 6 р. —
Вольности запорожскихъ козаковъ съ 3 планами. . 2 р. 50.
Очерки по исторіи запорожскихъ козаковъ съ 2 рисунками. . . . . 1 р. 50.
Сборникъ матерьяловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ. . . . . 1 р. 50.
Островъ Хортица на рѣкѣ Днѣпрѣ, какъ первая Сѣчь. . . . . — 40.
Послѣдній кошевой атаманъ П. И. Калнишевскій. — 40.
Переправа черезъ всѣ Днѣпровскіе пороги весной. — 30.
Архивные матерьялы для исторіи запорожскихъ козаковъ . . . . — 30.
Археологическія раскопки кургановъ и городищъ . — 30.
Публичныя лекціи по археологіи Россіи . . . . — 80.
Кошевой атаманъ Иванъ Дмитріевичъ Сирко. . . 1 р. 50.
Исторія села Садовой-Фалѣевки, не продается.
Путеводитель по Средней Азіи въ археологическомъ отношеніи, продается въ Ташкентской публичной библіотекѣ. . . . . 1 р. 20.

Цѣна 1 р. 50 к.

2007044178